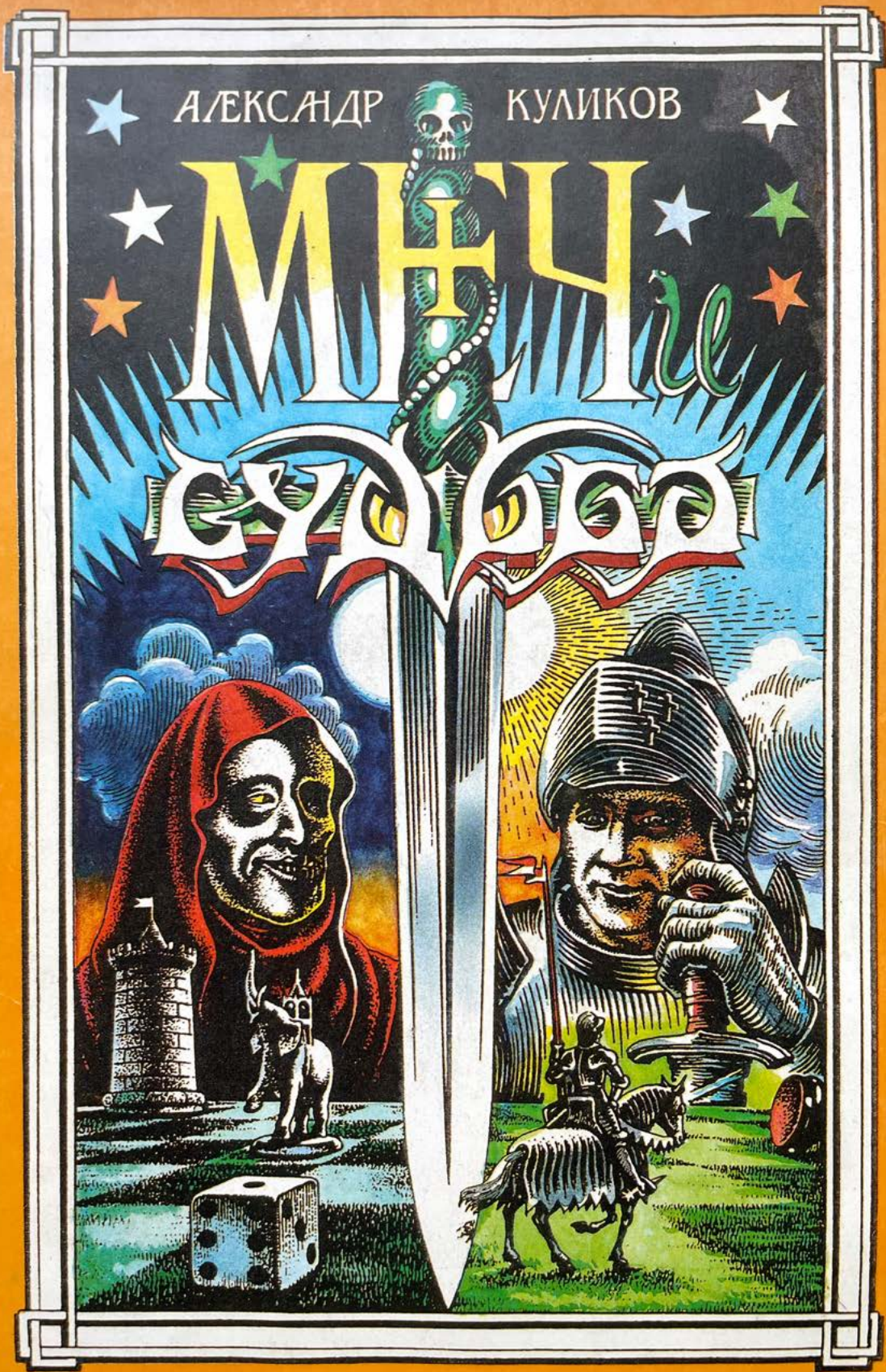

АЛЕКСАНДР КУЛИКОВ
МЕЧ
СУДЬБЫ

OCR: Евгений Бычков brevno@bk.ru
PDF v1.0: КАСТЕТ kacmet@bk.ru
Вёрстка: Дмитрий «Jumangee» Репин
Версия 3.0

КВЕСТ БУК

КвестБук: книги-игры и сторигеймы

https://quest-book.ru

2025г.

Как должен поступать настоящий рыцарь во многих, трудных случаях, которыми богата жизнь странствующих воителей во все времена?

Литературную основу книги-игры составляют избранные легенды Артурова цикла — переработанные древнекельтские баллады о приключениях Рыцарей Круглого Стола, связанные персонажами и обстоятельствами в единый сюжетно-тематический цикл. Подобно витязю на распутье, читатель-игрок сам может выбрать свой путь в этой литературно-сюжетной игре и таким образом сложить и прочитать собственный вариант рыцарской истории.

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

- История, страстной любви короля Утера Педрагона к леди Игрейне 7
- Повесть о великом короле Логрии Артуре 13
- Первое приключение Рыцарей Круглого Стола 43
- Соперничество волшебниц леди Нимейи и Феи Морганы 83
- История сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря 106
- Подвиги отважного рыцаря Ланселота Озерного 128
- Странствия сэра Гарета, или Рыцаря Кухни 178
- Благородный сэр Гавейн и странная леди Рагнелл 219
- Час великой славы королевства логров 248
- Отважный, рыцарь Ланселот и прекрасная королева Гиневра 268
- Плачевная повесть о смерти короля Артура поведана на 311
- Приложение для любознательного читателя 334

Настоящий рыцарь, рыцарское отношение к даме, рыцарь без страха и упрека — кому не знакомы эти выражения? Но попроси кого-нибудь определить внятно, что же такое «рыцарь», и вряд ли добьешься более вразумительного ответа, чем: «Ну-у, это такой здоровый дядька в железных доспехах,..» Разве только те, кто поначитанней, вспомнят Дон-Кихота Ламанчского.

Увы! Рыцари, эти джентльмены и забияки средневековья, вымерли с исторической неизбежностью — как динозавры. От всех былых рыцарских достоинств до наших дней сохранились разве что отдельные правила хорошего тона. Но в легендах и сказаниях, в балладах и романах рыцари продолжают жить! И самые знаменитые среди них, конечно — Рыцари Круглого Стола, герои баллад Артурова цикла.

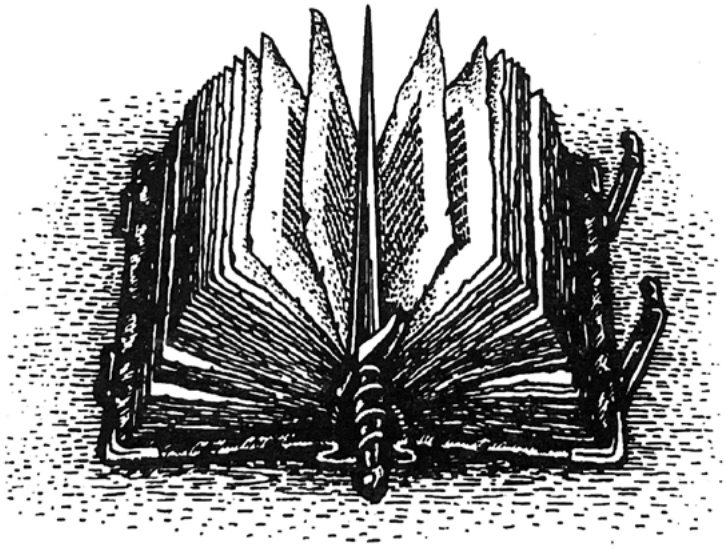
Достоверных сведений из истории древней Британии почти не сохранилось. Это, правда, не мешает историкам категорически утверждать, что король Артур никогда не существовал в действительности. Королевский же титул склонные к преувеличениям барды-сказители самовольно присвоили одному из вождей кельтов, сражавшемуся с германскими племенами англов и саксов в пятом или шестом веке. Ну и что за беда? В своих легендах Артур — полноправный король, и ему, собравшему под свои знамена лучших воинов Британии, удалось то, что никому из реально правивших монархов не удавалось: изгнав врага из пределов родной страны, король Артур основал фантастическое королевство логров — царство рыцарской добродетели, истинного благородства и высшей справедливости.

У легенд Артурова цикла нет какого-то одного определенного автора — бессчетное число раз перелагались они в песнях и перерабатывались в книгах. А сегодня и ты тоже можешь стать одним из творцов легенды, читатель! Но для этого тебе не понадобится изучать манускрипты и лазать по археологическим раскопам (да и где, спрашивается, копать-то, если Логрии, строго говоря, никогда и не было на земле?). Ты будешь просто читать эту книгу, а когда обстоятельства потребуют от тебя выбора и решения — ты их совершишь в соответствии с твоими представлениями о чести и достоинстве рыцаря. И если ты будешь честен и отважен, ты достойно пройдешь до конца историю королевства логров. Ну, а если нет... Мало ли опасностей поджидают рыцаря в пути!

Может, конечно, показаться странным: какой же тут выбор, если все уже свершилось однажды и было описано на бумаге? Но ведь сколько ни повторялись баллады, а все же ни один рассказчик не упустил случая добавить что-нибудь от себя, и всякий раз история складывалась хоть немного, да по-иному разные глаза по-разному и видят. И если ты решишься вступить ныне в игру с судьбой, то не удивляйся, что рыцари в этой книге порой без тени смущения нарушают традиции Вальтера Скотта, а их дамы сердца выражаются

часто вовсе не языком песен и баллад — ведь по дорогам-то этой игры идешь ты сам и потому судишь обо всем происходящем с позиций современного, чуть скептичного человека. Вспомни для примера, каково досталось Артурову двору от знаменитого Янки из Коннектикута!

Ну, а теперь — слушай же! А вернее — читай сам...

1

Казалось, весь замок Тинтагиль, что у Корнуэлльского моря, разом погрузился в сон: спали часовые у ворот и храпели повара на кухне, прикорнули пажи в тронном зале и сладко посапывали посреди незаконченной уборки служанки, и даже пламя факелов колыхалось медленно и сонно. Не спал лишь один высокий человек в темном, цвета ночи плаще. Серебро длинной седой бороды говорило как будто о почтенном возрасте, однако глаза из тени капюшона по-молодому озорно следили за муками тучного мажордома, которого сон сморил прямо на лестнице. Бедный толстяк, кряхтя, ворочался с боку на бок, пытаясь попышнее, точно подушку, взбить жестковатую ступеньку — и все же не просыпался.

— Да они так проспят, пожалуй, даже час славы логров! — в тени капюшона белозубо сверкнула улыбка. —

Кто бы подумал, что все это наделал жалкий корешок одуванчика, вовремя подброшенный в пуншевую чашу! Старые рецепты не подводят...

Где-то на заднем дворе спросонок хрипло запел петух. Человек в плаще встрепенулся и быстро поднялся наверх, к опочивальням. У покоев герцогини Горлуа он остановился и легонько стукнул в дверь концом посоха. Дверь тотчас же приоткрылась на ширину ладони, и в щели сверкнуло лезвие меча.

— Ну, будет, будет, король мой сэр Утер! — бородач, смеясь, легко отвел меч своим посохом. — Пора б уж оторваться вам от своей Игрейны — вот-вот здесь будет герцог...

— Как — герцог?! — Сэр Утер, невысокий крепкий человек лет сорока, осторожно выглянул в коридор, не опуская меча. — Разве этот ненавистный Горлуа еще не...

— Уже. Увы, вот уже три часа, как пал он хладным трупом на месте, где сразила его монаршая ваша десница. — Так ты шпионил за мной... за королем? — Утер угрожающе шевельнул клинком.

— Исключительно ради безопасности всего предприятия. Ваш поединок, разумеется, был честным...

— Не хватало еще обвинять своего короля в бесчестии! — задохнулся Утер.

— ...Если только можно считать честным бой полного сил мужчины со стариком, едва держащим меч, — печально качнул капюшоном бородач. — Кровь, всюду кровь! Вовремя заявишь родство по крови — и вот ты уже король...

— Правитель Аврелиан Амброзии был моим братом, — сурово отчеканил Утер. — И я наследую ему по праву. Хоть я логр, а он римлянин...

— ...Вовремя прольешь чужую кровь — и некому будет помешать тебе зачать новую жизнь, — человек в плаще словно не слышал слов короля.

— Ты забываешься!... — Утер опять вскинул меч, но человек в плаще поднял свой посох.

— Это ты забываешь, король мой Утер: многое ведомо мне, и среди прочего знаю я и час твоей смерти. Уверен ли ты, что он еще не пробил? Или, может, сказать тебе, из чьей руки примешь ты чашу с ядом? Изволь! Саксы, вновь пойдя на тебя войною, при помощи предателя...

Меч задрожал в руке короля и со звоном упал на плиты пола.

— Колдун! — яростно выдохнул Утер в лицо бородача.

— Чародей, — высокомерно поправил его человек в плаще. — А также маг и волшебник, каких не было еще ни у одного короля. Проще говоря — Мерлин... Но не печалься, король мой Утер — ты не напрасно проживешь век свой, ибо останется у тебя от Игрейны сын, зачатый нынешней ночью...

— Так уж сразу и сын, — отчего-то смутился сэр Утер. — Больно быстрые вы все!

— Это будет сын, — кивнул человек в плаще, словно прислушиваясь к чему-то. — Или ты забыл настой, которым напоил я тебя в дорогу? Старые рецепты... У тебя родится сын, и совершит он немало удивительных подвигов. А чтобы не бросать тени на добродетель его матери, пусть будет так: обезумевший от любви Утер Пендрагон наведался к леди Игрейне под личиной погибшего герцога Горлуа... во всяком случае, надо будет пустить такой слушок. Ведь не может так же примитивно, как простой смертный, быть зачат величайший из королей...

— Как — величайший? А я?!

— Вы, конечно, велики, сэр Утер, и ваши заслуги в изгнании саксов с логрских земель неоспоримы, однако я служу высшей истине... Кстати, вот эту перчатку с руки герцога и этот перстень, что вы прятали под плащом так неумело, положите-ка лучше у изголовья герцогини — даже слухи надо подкреплять доказательствами. Игрейна легко узнает вещи мужа...

— Ты… ты украл у меня трофеи, добытые в честном бою! А теперь хочешь, чтобы потом говорили, будто я ограбил мертвого?!

— Если хотите, добавьте какой-нибудь перстенек и от себя. Я думаю, Игрейна того стоит. Или сон герцогини помешал вам оценить ее как любовницу? — Утер вновь поднял было меч, но Мерлин небрежно отмахнулся от клинка своим посохом и подошел к стрельчатому окну, прислушиваясь к чему-то. — Пойдемте-ка, пожалуй, отсюда, король мой нынешний Утер, а то слышу я уже печальный перезвон похоронного каравана — то везут тело погибшего герцога. Если увидят вас здесь, то никакие слухи не спасут уже достоинство будущей вашей супруги, коей вы так доблестно овладели задолго до свадьбы…

Во дворе замка Мерлин лишь слегка коснулся ворот своим жезлом-посохом, и они растворились легко и бесшумно.

— Колдовство! — король тайком скрестил пальцы, отгоняя злые чары.

— Масло, — небрежно сказал Мерлин, аккуратно притворяя ворота. — Не стоит зря тратить чары там, где хороши средства и попроще…

Когда замок уже скрылся за холмом, король оставил поводья и нерешительно тронул Мерлина за локоть.

— Ну, а все-таки… что будет потом?

— Потом? — Мерлин наморщил лоб и завел глаза, точно читал шпаргалки из Книги Судеб на изнанках своих век. — Ну, потом вы с Игрейной будете воспитывать ее дочерей от прежнего брака, рожденных обычным порядком, без волшебных затей, — усмехнулся в бороду чародей. — Двух ты успеешь выдать замуж за простых королей, которых у нас в Британии, слава богу, водится пока еще немало. А вот третья дочка Игрейны выдалась на особинку: несмотря на воспитание, полученное…то есть которое она еще только получит в женском монастыре, познает она тайны черной магии и пользоваться ими станет во зло добрым людям и в особенности рыцарям.

— И ничего с этим нельзя поделать? — встревожено спросил король.

— Сделать-то можно многое, но все будет напрасно, — ответил Мерлин со вздохом. — Ибо на роду ей написано стать знаменитой волшебницей Феей Морганой.

— Да, — вздохнул Утер потерянно, — от судьбы, как видно, не уйдешь.

— Не уйдешь, — согласно кивнул Мерлин, — Да, а сына-то твоего я заберу. Не сразу, конечно, но — скоро еще и года ему не исполнится…

— А если я не отдам? — спросил Утер с угрозой.

— Я мог бы сказать, что ты не сможешь мне помешать. — мягко сказал Мерлин, — однако лучше подумай-ка сам. Мальчик зачат тобой не в браке, а на ложе измены, пусть даже и невольной — признают ли его королем без споров? Станут ли терпеть те, кто сам домогается трона? К тому же, — улыбка тронула узкие губы чародея, — у тебя просто нет выхода. По закону и обычаю он — отпрыск герцога… хотя, конечно, по крови он твой сын. Кстати, какое имя ты решил ему дать?

— Не знаю, — раздраженно повел плечом король — он не желал признавать своего поражения. — Рано говорить об имени, когда ребенок еще не шевельнулся в чреве матери. И почем ты знаешь, вдруг все-таки первой будет девочка?

— Это будет сын, — убежденно сказал Мерлин, — единственный твой ребенок и наследник. И ты назовешь его… ну, скажем, Артуром. Король Артур Пендрагон — ей-богу, звучит недурно! Величайший из королей, как я уже говорил…

Король Утер Пендрагон яростно пришпорил коня и умчался вперед, оставив чародея чихать и кашлять в пыли.

— Утер сделал свое дело…но разве сможет воспитать будущего короля тот, кто сам так невоздержан? — покачал головой Мерлин. — Непременно унесу я мальчонку «однажды ночью по тайной тропе», как споют потом об этом барды. Они-то уж, как всегда, не упустят случая приукрасить жизнь

королей. Впрочем, я и сам могу спеть не хуже — голос у меня изрядный, и вкуса не занимать, а уж что до знания материала... На чем это мы там остановились с Утером?

Мерлин выпрямился в седле, откашлялся, прочищая горло, и затянул ровным звучным голосом мерный речитатив баллады:

— Подлые саксы при помощи предателя отравили короля и многих его приверженцев. Рыцари, лишившись славного своего господина короля Утера, немедленно передрались между собою за корону, а саксы под шумок навалились на британские земли...

13

...Но в час, назначенный судьбой, из глубоких и таинственных долин Северного Уэльса, именовавшегося в те дни Гвинедом, вышел вдруг маг, чародей и прорицатель Мерлин. Под защитой великой своей славы, которая одинаково остерегала и саксов, и бриттов, пересек он Повис (нынешний Южный Уэльс) и прибыл в Лондон, где получил аудиенцию у архиепископа. О чем они говорили — протоколов, естественно, не сохранилось, однако вскоре после этого на рождественскую службу созвано было зачем-то превеликое количество рыцарей. Посреди службы в самой гуще тех, кто не поместился в церкви и остался во дворе аббатства, вдруг обнаружилась большая мраморная плита, а на ней наковальня и обращенный острием вниз, под наковальню глубоко уходящий стальной меч. В камне вокруг наковальни сияли выбитые письмена: «Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по рождению истинный король всей Британии».

Многим было лестно отхватить себе королевский титул таким простым способом... но вытащить меч из-под наковальни не удалось никому.

Архиепископ, человек большого ума (а может, и широкой осведомленности), рассудил здраво:

— Значит, избранного богом короля пока нет среди нас. Поэтому разошлемте-ка гонцов во все края с известием о Чуде Меча, и в день Нового Года на большом турнире поглядим, не явится нам наш король. А покуда будем охранять чудесный камень.

Но тут выступил вперед некий рыцарь из приезжих, благородный по одеждам и невоздержанный по речам.

— Не пристало благородным сэрам, — возгласил он во всеуслышание, — уступать достоинство власти какому-нибудь деревенскому кузнецу, у которого, быть может, достанет

силы вытянуть из-под наковальни меч, но не хватит смекалки, чтобы управлять собственной женою, а не то чтобы всей Британией!

Ропот прошел тут по толпе собравшихся, и немало было в нем согласных голосов, ибо многие полагали себя достойными править страной и не желали, чтобы жребий судьбы определялся результатом неизвестно кем устроенного и потому весьма сомнительного испытания.

Ну, вот и приспело время для первого выбора пути.

Если ты птица того же полета, из каковых и сей рыцарь, отправляйся отсюда на **15**

Если же твоя скромность превозмогает твое честолюбие, продолжение своего пути ты отыщешь на **16**.

15

И одобренный поддержкой многих сэр рыцарь подступил к камню и, не пытаясь даже и браться за рукоять меча под наковальней, он со своим собственным мечом в руках набросился на камень. Рыцарь наносил удар за ударом, стремясь уничтожить пророческую надпись, но золотые сияющие буквы оставались невредимыми, а меч рыцаря после каждого удара отлетал так, что сам рыцарь никак не мог спастись от собственного клинка. Однако же он не унимался, ибо великая гордыня обуяла его и затмила трезвость разума. И вот, когда на доспехах бедного рыцаря не осталось уже ни одной пластины, не отмеченной вмятиной или зазубриной, а с щита начисто осыпались краски герба, меч, наконец, отскочив от камня после особенно яростного удара, так ловко влетел в ножны, что рыцарь уже не смог его более оттуда вытянуть.

Толпа осыпала насмешками рыцаря, не способного совладать с собственным мечом, но претендующего на власть в целой стране, и он, взгромоздясь на понурившегося со стыда за хозяина коня, удалился двора, так и не назвав себя. И имя его не произносилось в легендах, и барды не слагали о нем баллад, и вообще тут речь не о нем, а о будущем короле Британии, так что живо отправляйся теперь прямиком на **16**.

16

И гонцы были разосланы во все концы Британии сзывать рыцарей на испытание мечом, и в день Нового Года рыцарей съехалось множество, но вытащить меч так никто из них и не смог. И тогда они, чтобы не пропала даром их дальняя дорога в Лондон, раскинули шатры и устроили состязание, испытывая друг друга в схватках на деревянных копьях и жестяных мечах, потому что никому не хотелось расстаться с жизнью, не увидев нового короля.

Среди прибывших были один добрый провинциальный рыцарь сэр Эктор и сын его сэр Кей, посвященный незадолго до этого в рыцари — хотя никаких заслуг, кроме происхождения, за ним пока не числилось. Прибыл с ними и еще один юноша лет шестнадцати — брат Кея по имени Артур. Этого-то вот Артура и послал сэр Кей домой, когда вдруг обнаружил, что не захватил с собой меча. Как уж так вышло, что рыцарь вышел из дому без меча, не нам судить — таковы, видно, проделки Мерлина, или такова рука судьбы, или таков уж рыцарь сэр Кей. Короче, Артур отправился домой за мечом для брата, но никого не застал, ибо все поехали смотреть рыцарские состязания.

Артур, правда, не особо расстроился — он тут же вспомнил, что совсем недавно видел меч, пропадающий безо всякой пользы, и помчался прямо во двор аббатства. Стражи меча тоже оказались рыцарями вполне исправными и не стали зря сидеть вдесятером там, где и одному-то делать было нечего — ибо куда же может деваться меч, вытащить который никому не по силам? Не говоря уже о наковальне и камне...

Вот и опять настала пора выбора — на сей раз встать тебе придется на место Артура перед камнем.

Если ты из тех. кто тщательно обдумывает дело, прежде чем приступить к нему, тебе подойдет **17**.

Если ты не утруждаешь себя предварительными планами, а бросаешься вперед, не осмотревшись — что ж, загляни на **19**.

17

Меч показался юноше еще более замечательным, чем при взгляде мельком, но он засомневался: а отчего же такой прекрасный меч пропадает без дела и кому это (и чего ради) пришло в голову засунуть его под наковальню? Артур получил классическое древнебританское воспитание, а потому знал, что подобные несообразные загадочности сопутствуют обычно разным чудесам, влияющим порой на судьбы целых народов. Поэтому торопиться он не стал.

Прежде всего Артур внимательно осмотрел камень и обнаружил на нем письмена, известные уже всем, кроме него. Масштаб задачи, вставшей перед ним в свете утверждения на камне, поверг его в глубокую задумчивость. Он сознавал, что силы его недостаточны для подобного свершения, и потому пытался найти способ все же достигнуть как-нибудь результата.

«Начнем с того, — рассуждал сам с собою Артур, — что никаких ограничений условие не содержит: «Кто вытащит...» — и все тут. Все прежние попытки были порочны по самому своему методу: рыцари пытались одолеть чудо меча прямым приступом грубой физической силы, которая, конечно же, не может являться решающим условием при выборе короля. Ибо что есть король? Он — олицетворение силы власти, но отнюдь не власти силы. Значит, здесь важнее проявить умение управлять и организовывать, нежели способность делать что-то самому.»

Рассудив таким образом, Артур решил было позвать на подмогу еще человек сорок да и своротить объединенными усилиями наковальню. Однако, поразмыслив немного, он понял, что тогда королями Британии должны будут стать все сорок и справедливо заключил, что для коллегиального правления страна еще, пожалуй, не созрела. Тогда он попробовал применить рычаг. Но оказалось: чтобы подсунуть под рукоять меча или под наковальню конец рычага, надо сначала приподнять наковальню, а чтобы приподнять нако-

вальню, нужно прежде подсунуть рычаг. К тому же для этой затеи тоже катастрофически не хватало рук, чтобы сразу и приподнимать, и подсовывать, а привлечение посторонних было нежелательно по вышеприведенным соображениям. Наконец, оставался излюбленный политиками всех времен рецепт — смазка. Однако наковальня, казалось, приросла к камню и не пропускала под себя ни капли масла, так что становилось совершенно непонятным, как же там, в такой тесноте единения, может размещаться еще и клинок меча.

Приняв во внимание все рассмотренные обстоятельства и соображения, юный, но не по годам рассудительный Артур решил отказаться вовсе от экспериментов с мечом и отправился приискать клинок ближайшую оружейную лавку. И это, разумеется, был более простой и разумный путь добыть меч брату, нежели лезть для этого в британские короли. Так вот и получилось, что меч-то Артур добыл, а королем не стал. А что уж потом вышло из этого, про то сказано на **51**, куда мы теперь и отсылаем читателя.

19

Не тратя времени, чтобы прочитать надпись, Артур ухватился за рукоять меча и легко вытащил его из-под наковальни. Догнав сэра Кея, он передал ему меч. Но если Артур, не будучи рыцарем, не интересовался даже и разговорами о мече, то сэр Кей с первого взгляда узнал клинок, к которому сам он уже подступался без успеха. Он тут же заявился с ним к отцу, утверждая, что вытащил его сам.

Не будем слишком требовательными к сэру Кею: он был еще молод, а ставка в игре была слишком велика, чтобы противиться соблазну. Однако заметочку на память сделать все же стоит, чтобы в иных последующих ситуациях правильно учитывать моральные качества сэра Кея и выходкам его не удивляться.

В отличие от нас с вами, сэр Эктор сына своего Кея знал не первый день, а потому сразу ему не поверил, поскакал с ним обратно в аббатство, где взял с сына клятву на библии и заставил его рассказать всю правду о мече. Сэр Кей в то время еще не зачерствел в своих пороках, а потому сразу во всем признался. Тут сэр Эктор призвал к ответу Артура, и юноша, по натуре правдивый, рассказал все, как было.

Надо сказать, что сэр Эктор и Артуру поверил не сразу, несмотря на все свое умение разбираться в людях — уж больно невероятным показалось ему, что зеленый юнец, не удостоенный еще даже рыцарского звания, мог справиться там, где спасовали воины могучие и достойные. И сэр Эктор решил устроить проверку слов делом.

— Что ж, — сказал он Кею и Артуру, — положите меч обратно под наковальню, и мы посмотрим, как вы вытащите его.

Озадаченный Артур повиновался и без усилия воткнул меч под наковальню, а сэр Кей, вдохновленный видимой легкостью свершившегося, тут же схватился за рукоять, но как ни пыхтел, не мог сдвинуть меч даже на волос. Артур же вытащил меч, словно из хорошо смазанных ножен.

MCMXC
HAN

— Теперь я понимаю, что вы и никто другой являетесь истинным королем этой страны, — сказал сэр Эктор Артуру, опускаясь перед ним на колени и почтительно обнажая голову.

— Я? Отчего я?! И почему вы преклонили колена передо мной, отец мой? — вскричал пораженный Артур.

— Неведение не освободит вас от исполнения воли небес, — отвечал сэр Эктор. — Кроме того, я не отец вам: младенцем принес вас Мерлин в наш дом, а я принял и воспитал вас, как родного.

Поистине, день этот был насыщен событиями для Артура: в один час он потерял отца и брата, но приобрел взамен целое королевство — нагрузка, согласись, нелегкая для юношеских плеч. Но юный Артур принял ее с королевским уже разумом и достоинством.

— Если я и вправду король этой страны, — сказал он, склоняя голову над мечом, который держал перед собой, как крест, — то я обязуюсь служить богу и моему народу для искоренения несправедливости, для изгнания зла, для того, чтобы принести мир и изобилие моей стране... Вас, добрый сэр, коего я помню и почитаю, как родного отца, я прошу и впредь не оставлять меня родительской любовью и отцовским советом. А Кей, молочный брат мой, будет сенешалем* над всеми моими землями и верным рыцарем моего двора.

Заметим, что стремительное вознесение из безвестности в королевское достоинство не вскружило Артуру голову и в высотах власти не забыл он о ближних своих, и следующим же трезвым решением Артура было отправиться к архиепископу и рассказать ему все, как было. Так они и сделали втроем — сэр Эктор, сэр Кей и юноша Артур, претендующий на британский трон.

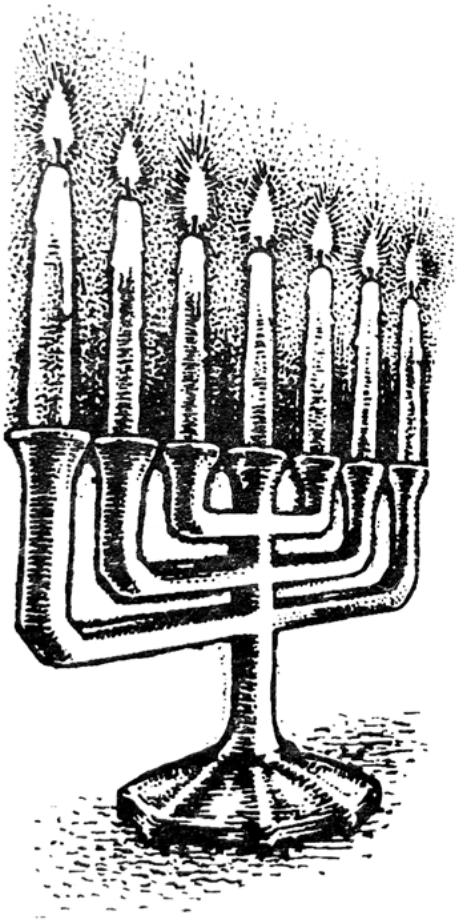
Ну, а теперь поставь себя на место архиепископа и решай.

---

* Сенешаль — это в те времена такая должность при дворе, своего рода главный управляющий. Выполнял он в масштабах древней Британии те же примерно функции, что и современный дворецкий в домах нынешних сэров.

Если свидетельство очевидцев и сам предъявленный меч вполне убедили тебя и уверенность твоя неколебима — не теряя ее, шествуй на **26**.

Если же сомнения не покинули твою душу — захвати их с собой на **23**.

23

Однако рыцари, бароны и прочие соискатели королевской мантии по злой своей зависти отказались признать, что Артур — король по рождению. По их настоянию выбор короля был отложен сначала до пасхи, а потом — до пятидесятницы, как тогда называли Троицын день. Но хотя народ собрался со всей Британии, более никому, кроме Артура, не удалось вытащить меч.

Недовольных сыскалось немало не в одной только Британии, но и в окрестных землях — среди королей Оркнея и Латиана, Гвинеда и Повиса, Горра и Гарлота. И вот люди, которые не возражали бы против убедительности таких доказательств, если бы небесам было угодно избрать королями их самих, в один голос возопили о недоверии такому выбору короля. В отличие от рыцаря-неудачника, они не стали нападать на чудесный камень, ибо он роль свою уже сыграл, а обратили гнев свой персонально против Артура, называвшего себя королем всей Британии, и послали весть, что они едут одарить прыткого мальчишку острым мечом между головой и плечами.

Тогда опять явился Мерлин — как всегда, очень кстати — и увел Артура в город Карлион, что в Южном Уэльсе. Так что, когда короли подошли к Карлиону, Артур уже сидел в крепкой башне с достаточным количеством припасов, чтобы выдержать долгую осаду.

Короли, однако, оказались народом настырным и две недели без устали испытывали башню на прочность. И когда, наконец, Мерлину надоел весь этот шум и на пятнадцатый день вышел он из башни, короли очень обрадовались удобному поводу свалить на него свою военную неудачу. Потому что и неграмотному герцогу ясно, что если войска полудюжины королей за полмесяца не справились с одинокой башней — значит, тут не обошлось дело без колдовства.

А наиболее проницательные (встречаются среди королей и такие) смекнули, что и в деле с мечом не обошлось, как видно, без Мерлина. Именно они и закричали гневно:

— Зачем ты сделал этого сопляка нашим королем, колдун?

Не возьмусь утверждать точно, что именно такими вот словами они и закричали — документов от той поры не осталось никаких, а свидетели, понятно, не дожили. Но сомневаюсь, чтобы мысль свою провозгласили проницательные короли как-нибудь вроде: «Скажи нам, кудесник, любимец богов, но исполнение каких предначертаний возвел ты на британский трон сего не возмужавшего еще юношу?» Даже если в те времена и был принят столь дипломатичный стиль, то все же в тех обстоятельствах высоким выражающимся сторонам было, право же, не до парламентских словосочетаний.

— Молчите и внемлите, — просто отвечал Мерлин, и псе тут же повиновались, потому что, с одной стороны, всем уже надоела бессмысленная осада, а с другой стороны, Мерлин был не какой-нибудь там ветхозаветный чудотворец, а вполне современный (для них) практикующий чародей и для поддержания своего авторитета мог запросто сотворить приличное землетрясение или хотя бы вульгарный потоп. Они внимали — и право же, ни у одного лектора не было более послушной аудитории.

— Так вот, — вещал Мерлин, — Артур самый что ни на есть настоящий король всей этой земли, да еще и Уэльса впридачу, и Ирландии, и Шотландии, и Оркнея, и Арморики, которая лежит за морем (не пугайтесь созвучию: Мерлин имел в виду вовсе не Америку — это в его времена так называли нынешнюю французскую провинцию Бретань). Да он и другими землями тоже будет править. Артур — истинный и единственный сын доброго короля Утера Пендрагона и герцогини Игрейны и рожден он для для дел великих и чудесных. Ибо воспитывался он в Авалоне, земле таинства, и фейры и эльфы Авалона навели на ребенка великое и чистое колдовство. Три дара получил Артур: быть ему лучшим из всех рыцарей; быть ему величайшим королем из всех, кого эта

страна узнает; и жить ему долго — дольше, чем кто-либо и когда-либо мог бы себе вообразить. И в Авалоне эльфы куют ему меч Экскалибур — чистое сияющее лезвие, которое будет подниматься только за правое дело и будет сверкать до тех пор, пока эльфы не потребуют его обратно. И Логрия, благословленная страна Артура, явится вам на некоторое время, до того, как тьма вновь тьма падет на землю!

И все, кто внимал ему, почувствовали, что начинается новое время — время чудес и что Артур более, чем просто король по праву наследия или по праву сильнейшего между ними.

И если ты теперь понял это так же хорошо, как и они — смело шагай тогда на **26**.

26

И тут все преклонили колена перед Артуром, и Артур, сам преклонив колено, подал чудный меч архиепископу и получил от него высокое и святое посвящение в рыцари. И все графы и бароны, рыцари и оруженосцы оказали почести Артуру и поклялись служить и повиноваться ему, как велел им долг.

Затем, собрав лучших старых рыцарей, которые служили еще его отцу Утеру Пендрагону, и молодых, чьим главным желанием было показать свою храбрость и преданность, дабы стать достойными славы прежних дней, он выступил в поход, чтобы искать битвы с саксами, а также наказывать воров и грабителей, в течение многих лет разорявших страну, творя при этом деяния жестокие и постыдные.

Полководцем Артур оказался толковым, и воины сражались за него с радостью, так что по прошествии недолгого времени он принес мир и спокойствие южным частям Британии и сделал своей столицей Камелот — нынешний Винчестер.

И после этого уже все короли земель британских преклонили колена перед ним и в один голос пообещали быть истинными и верными подданными его до конца жизни. И в Карлионе архиепископ возложил корону на голову Артура, и люди приветствовали его еще раз, но уже — королем всей Британии.

А королем Артур себя показал сразу же очень решительным.

— Завтра же мы начинаем собирать силы, — сказал он, едва получив корону, — чтобы сразиться с саксами на севере и на востоке и очистить от них страну. Мы восстановим все разрушенное врагом и выставим стражу вдоль берегов, чтобы враг никогда более не мог вторгнуться к нам. И наши рыцари во всех концах страны будут наказывать всех, кто нарушает мир и приносит кому-либо зло. И если мужчина или женщина из числа моих подданных окажутся

в беде или будут обижены кем-то, пусть приходят ко мне, и они не останутся без утешения, а зло будет наказано сурово, но справедливо.

Тот день Артур отпраздновал в большом замке Карлиона. И еще до окончания праздника началось первое из дивных приключений, коих немало потом случалось в Логрии во времена его царствования.

Во двор замка въехал, громко стеная, молодой оруженосец, ведя за собой в поводу другого коня, на котором поперек седла лежал убитый рыцарь.

— Отмщения, о господин мой король! — вскричал оруженосец, увидев вышедшего на шум Артура. — В лесу неподалеку отсюда король Пелинор поставил свой шатер и возле него убивает всех рыцарей, которые попадутся ему на дороге. Моим хозяином был добрый храбрый рыцарь сэр Милее — и вот он лежит мертвым перед вами. Я прошу похоронить его с честью и отметить за смерть его.

Артур и сам был не прочь отправиться в такое пригородное приключение, тем более, что Мерлин посулил ему быть лучшим из всех рыцарей. Но пока он мысленно соразмерял величие сего подвига с новым своим саном, перед ним вдруг упал на колени некий оруженосец по имени Грифлет, годами не старше самого Артура, и попросил за верную службу разрешить ему немедленно выехать и сразиться с Пелинором.

— Но вы же не рыцарь! — воскликнул король, досадуя, что приходится указывать на очевидное.

— Что за беда? — беспечно отвечал юноша, — Разве вы не король? Разве не в вашей власти произвести меня в рыцари немедленно, не сходя с места?

Что ж, понять Грифлета нетрудно: нет такого оруженосца, который не стремился бы стать рыцарем. Но рыцарское достоинство — не такая вещь, какую можно выдать авансом в счет будущих заслуг, его надо заслужить делом и сначала совершить достославные подвиги, а уж потом просить звания, а уж никак не наоборот.

Все это король Артур, разумеется, знал, однако Грифлета он любил и не хотел смутить его принародно напоминанием элементарных правил рыцарского этикета. Поэтому и причину для отказа он подыскал иную.

— Для такой битвы, мой отважный Грифлет, вы еще недостаточно сильны. Да и слишком молоды, пожалуй...

— Не моложе вас, сэр — а ведь вы уже король! — довольно дерзко ответствовал молодой оруженосец, и на это Артур уже не нашел, что возразить, ибо замечание было по существу.

Мерлин, который обычно знал все наперед, отчего-то не стал на сей раз пророчить несчастливую судьбу самоуверенному мальчишке и только сказал вполголоса Артуру:

— Мой король, недостатки Грифлета извинительны его возрастом, и он может стать весьма дельным воином, когда повзрослеет. Однако Пелинор — сильнейший человек в мире изо всех, носящих оружие. И если Грифлет по самонадеянности вздумает рубиться с ним на мечах, то, верно, из него вовсе никакого воина не выйдет, ибо мертвые, увы, не воюют.

Тут королю Артуру пришлось призвать на помощь всю свою монаршую мудрость, а заодно и тебя, читатель, чтобы правильно сделать трудный выбор:

Отправить Грифлета ради удовлетворения его тщеславия почти на верную смерть в битве с Пелинором на **29**?

Или начать свое царствование с небрежения порывами подданных и, осадив Грифлета для его же блага, самому отправиться воевать Пелинора на **31**?

Решайся — дороги судьбы в твоей руке.

29

— На колени, Грифлет! — сказал король Артур. — Я сделаю вас рыцарем, как вы того желаете. Однако за это я попрошу у вас один подарок.

— Для вас — что угодно! — вскричал в восторге Грифлет. — Хоть самою жизнь!

— Не разбрасывайтесь так достоянием, цену коего вы еще не изведали! — усмехнулся король. — Я прошу от вас куда меньшего: чтобы вы сражались с Пелинором только копьем, и никаким иным оружием — даже если вам придется биться пешему.

— Обещаю вам это, — сказал удивленный Грифлет. — Слово рыцаря!

— Так встань же, сэр Грифлет, и да поможет тебе господь! — напутствовал король новоиспеченного рыцаря, и сэр Грифлет под завистливыми взглядами других, менее расторопных оруженосцев вскочил на коня и помчался навстречу своему первому подвигу.

Так он мчался, сломя голову, пока не наткнулся на колодец в лесу. Подле него стоял богато изукрашенный шатер и стоял взнузданный и оседланный конь, а на дереве висел большой щит, расписанный яркими красками.

Сэр Грифлет с наскоку ударил копьем по щиту так, что тот с грохотом сорвался с дерева. На шум из шатра вышел король Пелинор — мужчина, конечно, в годах уже, однако это были годы боев и походов.

— Уж ежели вы сбили мой щит, так вы, верно, рыцарь? — осведомился Пелинор, критически осматривая Грифлета. Против богатыря-короля недавний оруженосец выглядел, мягко говоря языком той эпохи, незавидно.

— Уж я-то рыцарь — рыцарь короля Артура! — вскричал уязвленный его тоном Грифлет. — А вот вы, видать, разбойник, что нападаете на проезжих?

— На вас-то я, положим, пока не нападал... — проговорил Пелинор, хмурясь, чтобы не рассмеяться над юношеской задиристостью «рыцаря короля Артура».

— Зато я на вас нападаю! — вскричал Грифлет и помчался вперед с такой стремительностью, что Пелинор едва успел схватить щит и копье.

Грифлет для начала благородно промчался мимо, не желая нападать на пешего, но Пелинор не стал отчего-то садиться в седло, а стоя на земле, приглашающе взмахнул копьем. Грифлет развернул коня и, наставив копье, понесся на врага. Копье ударило в щит короля Пелинора так, что посыпалась краска, но и само оно раскололось в щепы, зато копье короля Пелинора прошило насквозь щит сэра Грифлета и его доспехи и обломилось, застряв в боку юного сэра. Сила встречного удара опрокинула сэра Грифлета наземь вместе с конем, король же Пелинор лишь слегка покачнулся.

— Отчаянный парнишка, — проворчал Пелинор, поднимая сэра Грифлета и укладывая его поперек седла. — Недурные рыцари выходят из таких, коли прежде им не переломают кости старики вроде меня.

Он хлопнул коня по крупу, и тот галопом понесся в родные конюшни Карлиона.

Может быть, столь не триумфальное возвращение и было достойно несдержанности юного оруженосца, но в Карлион-то вернулся уже поверженный рыцарь, более того — первый рыцарь, получивший звание свое из рук нового короля... И это означало, что вместе с его честью задета была и честь его короля.

Сносить это было решительно невозможно, и Артур понял, что королевское достоинство велит ему лично отправиться на **31**.

31

— Не следует королю уклоняться от приключения, достойного рыцаря, и посылать вместо себя неопытного оруженосца! — заключил король Артур и решил, что сам он будет достойным противником королю Пелинору. Он облачился в доспехи, опустил забрало шлема — король не хотел ничем отличаться от простого рыцаря в этом недальнем походе — и отправился в лес мстить королю Пелинору. Но по дороге Артур увидел трех грабителей, избивавших Мерлина, и очень удивился, так как помнил, что волшебник остался в Карлионе. Впрочем, удивление не помешало ему рыкнуть на бандитов по-королевски, и три труса бежали от разгневанного рыцаря.

— Ох, Мерлин! — воскликнул король. — Дорого ли стоит вся твоя ученость, если она не защищает тебя на проезжей дороге от всякого сброда?

— Меня защищает воля небес и воинское искусство короля Артура, — улыбнулся в ответ Мерлин. — Но посмотрим, сможет ли оно защитить самого Артура, если небеса оставят его!

Артур, которого Мерлин своими словесными загадками начал уже утомлять, пропустил предостережение мимо забрала и поскакал что было мочи, пока не достиг богатого шатра у колодца. Король Пелинор уже ожидал его на могучем боевом коне.

— У вас, наверное, в обычае убивать проезжих? — издали еще прокричал король Артур.

— У меня не в обычае отчитываться перед встречными! — отвечал король Пелинор. — Но если вы явились, чтобы обучать меня новым манерам, попробуйте прежде отбить мои старые привычки!

На полном скаку рыцари сошлись с такой силой, что оба копья раскололись в мелкую лучину. Рыцари переменили копья, благо у Пелинора имелся изрядный запас, унаследованный от разных владельцев, а после еще одной перемены

копий Артур сломал свое о Пелинора, а тот все-таки свалил его на землю, правда, так и не вышибив из седла» вместе с конем.

Короли схватились за мечи. Рубились они страшно, и скоро в лесу вокруг них оказалась вырубленной поляна, приличная для ристалища сотни рыцарей, а не для поединка двух. В пылу схватки они снесли шатер и обрушили колодец, но не заметили этого, так как следили только за противником. Однажды они вынуждены были передохнуть, но потом бросились друг на друга с новой силой, и меч Артура, ударившись о меч Пелинора, переломился у самой рукояти.

— Ну, вот и все! — пропыхтел, отдуваясь, Пелинор. — С мечом вы еще годились мне в противники, но с голыми руками... — Он с сомнением покачал головой. — Впрочем, ладно: ради вашей доблести я пощажу вас, ежели вы встанете передо мной на колени.

— Сдаться?! — прорычал Артур в бешенстве. — Никому не увидеть мою голову склоненной, пока я жив!

Отбросив бесполезную рукоять, Артур кинулся на Пелинора и, уклонившись от его меча, повалил короля наземь. Но Пелинор все же оказался сильнее и вскоре сорвал с Артура шлем и занес меч, чтобы отрубить, наконец, голову этому настырному рыцарю.

Тут вдруг появился Мерлин — по своему обыкновению, очень вовремя — и остановил руку Пелинора.

— Рыцарь, — сказал волшебник, — вы, безусловно, честно добились победы в этом поединке, однако все же не наносите последнего удара! Одно дело — лишить жизни рыцаря и совсем другое — лишить надежды целый народ логров.

— Что же это за надежда, которую я могу убить? — спросил недоверчиво король Пелинор.

— Это — король Артур, — печально молвил Мерлин, — и без него Британию постигнет величайшее разрушение и опустошение из всех, какие когда-либо выпадали на ее долю.

Меч колебался в руке Пелинора, пока он принимал решение:

Во избежание будущей мести Артура все же нанести удар — и будь что будет на **51**!

Довериться королевскому великодушию побежденного и повременить с ударом хотя бы до **34**.

34

И пока король Пелинор раздумывал над альтернативами, Мерлин положил ему руку на голову — и могучий боец, перед которым не устоял еще никто, заснул, как стоял, с мечом в руке. А Мерлин увез жестоко израненного Артура в уединенное убежище к искусному целителю, и через три дня король Артур вскочил на коня здоровее, чем прежде.

— Но все-таки зря ты оглушил Пелинора своей магией, Мерлин! — сказал Артур, поскольку был человеком справедливым и честным. — Это какой-то не рыцарский прием, и в бою он не годится...

— Не вся жизнь — бой, — отвечал Мерлин, — и много еще будет в вашей жизни такого, сэр король-рыцарь, от чего щитом не закроешься и не отмахнешься мечом. А что же касается магического сна, то полезен он бывает не одним лишь Пелинорам, и мы с вами еще будем иметь случай убедиться, как же это замечательно — вовремя уснуть...

— Ну, да бог с ним, с Пелинором! — сказал Артур, с легким сердцем принимая на веру пророчество Мерлина. — Хотя вояка он был знатный и лишил меня доброго меча...

— Вот уж пустяки какие вас заботят! — удивился Мерлин. — Что толку сожалеть об утраченном? Тот меч дело свое сделал — на трон он вас возвел. Теперь же настает пора иного клинка — вас ждет воин-меч, против удара которого никто не в силах устоять. Но помните: поднимать вы его должны только для защиты правого дела!

А между тем они уже довольно давно пробирались по лесу, и идти было все труднее, потому что дорога петляла по холмам. А когда остался позади тесный проход в скалах, в чаше гор увидел Артур странное озеро. Окаймленное крутыми и мрачными склонами, оно все же оставалось небесно-голубым. За холмом позади озера меж горами лежала большая равнина, а дальше видна была водная гладь со многими островами, полускрытая туманом.

— Запомните это Озеро Волшебного Дворца, — сказал Мерлин негромко и печально. — За ним, в Камлан — некой долине однажды разыграется последняя битва и вы падете от удара Злого Рыцаря. А за долиной в тумане лежит Авалон... — тут голос Мерлина прервался, и он сморгнул. — Ступайте к Владычице Озера, а я подожду вас здесь.

На берегу волшебного озера Артур огляделся и увидел над голубой водой в самой его середине руку в белой венецианской парче, а в руке меч с золотой рукоятью и в ножнах, усеянных драгоценными камнями. По воде легкой походкой, совсем не поднимая ряби, подошла к Артуру прекрасная дама в бледном-голубом наряде с золотым поясом.

— Ваш меч Экскалибур ждет вас, — сказала Владычица Озера. — Но за него вы дадите мне в дар то, о чем я вас потом попрошу.

— Если это тот самый меч, о котором столько говорил Мерлин, — ответил Артур, — то за него ничто не жаль отдать, клянусь честью!

— Я прошу у вас всего лишь обещания непременно вернуть этот меч туда, откуда вы его сейчас возьмете — разумеется, тогда, когда у вас отпадет надобность пользоваться им...

— Вот уж не думаю, что настанут такие времена! — воскликнул Артур со смехом.

— Как знать, — печально покачала головой Владычица Озера.

Тут по волнам подплыла барка, и Артур смело шагнул в нее, а барка двинулась по воде как бы сама собой. На середине озера Артур, склонившись, взял меч с ножнами из руки в парче, и рука сразу же тихо скрылась в глубине голубых вод.

Вместе с Мерлином теми же извилистыми тропами отправились они назад и вскоре оказались у реки, преграждавшей им путь в Карлион, и по ней выбрались на мощеную дорогу, ведущую в город.

— Если вы немного подождете, — сказал Мерлин, словно к чему-то прислушавшись, — то скоро опять увидите своего старого знакомца Пелинора. Он перестал нападать на всех встречных, поскольку ему попался иной противник — Зверь Рыкающий, и его он теперь будет преследовать не один год.

— Кто кого будет преследовать? Я что-то не очень...

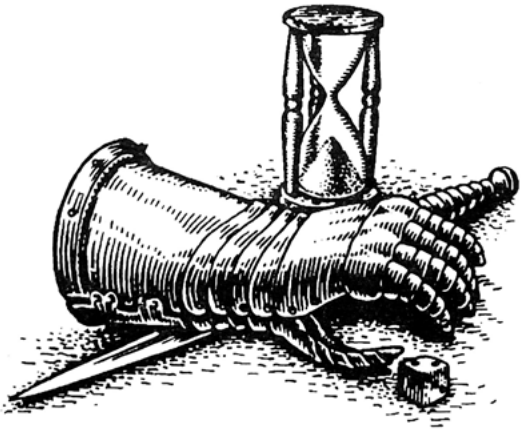
— Это не столь уж и важно — все равно теперь оба они связаны накрепко. Слышите, как ревет Зверь? Значит, и Пелинор близко...

— Ага! — вскричал радостно Артур. — Уж теперь-то с Экскалибуром мы зададим ему жару — сам зарычит зверем!

— Кто знает, — покачал головой Мерлин. — Вы, верно, забыли, что Пелинор так пока и остался сильнейшим из носящих оружие, а ваш меч Экскалибур следует поднимать только в защиту правого дела? А если вы пропустите Пелинора без боя, он и его сыновья в будущем сослужат вам хорошую службу.

Если азарт момента влечет тебя сильнее, чем сомнительные блага будущего, решительно следуй на **37**

Если же ты доверяешь стороннему совету более, чем собственному разумению, изведай, что ждет тебя на **39**.

39

— Или я не король уже, — сказал Артур капризно, — что мне нельзя делать того, что дозволено любому рыцарю? К тому же, Мерлин, если б твои пророчества действительно были прозрениями будущих событий, они все равно сбывались бы и безо всяких твоих предостережений — и, значит, слушать мне тебя сейчас совершенно незачем. А вот, кстати, и наш друг Пелинор!

Король Пелинор тем временем действительно подъехал по дороге с видом рассеянным и сумрачным. Голова его была склонена понуро, словно он и вправду старался рассмотреть в пыли невидимые следы неведомого Зверя Рыкающего.

— Эй, вы, рыцарь-зверобой! — крикнул ему Артур. — Не угодно ли поохотиться на другую дичь, которая не убегает и сама дает сдачи?

Выходка, прямо скажем, не из достойных, однако не забудем, что Артур, при всех его достоинствах — все еще юноша и в королевскую мантию облачился, не успев позабыть всех дурачеств и забав недавней детской поры. И даже свежий пример оруженосца Грифлета ничему его не научил.

Пелинор же, не расслышав или не захотев услышать, продолжал свой неспешный путь. Тогда Артур, распалясь, выхватил свой новый сверкающий меч и понесся наперерез противнику. Он мчался, крича в упоении атаки, крутя мечом над головой и совершенно забывая, что там, где человек самонадеянно полагается на силу руки и остроту меча, внезапно выходит на сцену сама судьба и своевольно путает все карты.

Прислушайся к голосу судьбы — брось монетку.

ВНИМАНИЕ! ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРИСТУПАТЬ К БРОСАНИЮ, ВНИМАТЕЛЬНО ОЗНАКОМЬСЯ С ЭТОЙ ИНСТРУКЦИЕЙ!

ИНСТРУКЦИЯ
по отысканию случайного решения методом Монте – Карло

Монета имеет обыкновенно две стороны, по-ученому — «аверс» и «реверс», по-простому же — «орел» и «решка». Настоящий орел встречается па монетах старинных и иностранных, если их занесет в твой кошелек — да и то не на всех. На современных монетах считай «орлом» герб страны, «решкой» же — ту сторону, где нет «орла»

Из вышесказанного следует, что бросать можно не обязательно монету, а вообще любой предмет, у которого можно различить стороны. Если сторон две (как у монеты), предмет получается плоским, и «орлом» у него можно считать ту сторону, где есть герб (как на щите) или масло (как на бутерброде). Но бросать щит тяжело и опасно, а бросать бутерброд неприлично и жалко, поэтому лучше и проще обойтись традиционной монетой.

ПРИМЕЧАНИЕ: Лучше пользоваться монетой современного чекана. Древние монеты налиты тяжестью благородного металла и в полете небезопасны. Бумажные же деньги легковесны и совершенно не годятся для бросания — разве что на ветер.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
ГНУТЫЕ И ЮБИЛЕЙНЫЕ МОНЕТЫ
НЕ БРОСАТЬ!

КОНЕЦ ИНСТРУКЦИИ

Выпадет «орел» — судьба позовет тебя на **41**.

«Решка» приведет тебя на **42**.

39

Не пристало двум столь могущественным королям, как простым рыцарям, выяснять между собой споры грубым мечом! — сказал Артур и с сожалением поглядел на так и не опробованный в деле меч.

Мерлин перехватил его взгляд.

— Вам очень нравится меч? — спросил он короля.

— Конечно! Больше всего на свете!

— И даже больше ножен? — лукаво спросил Мерлин.

— Ну разумеется! — ответил Артур, не чувствуя подвоха. — Что — ножны? Ножны — вздор, чехол, упаковка...

— Не один Грифлет еще слишком молод для битв,

— проворчал Мерлин. — Эти ножны стоят десятка даже и таких мечей, как Экскалибур. Пока они на вашем поясе, вы почти неуязвимы, и как бы тяжело вас ни ранили, вы разве что потеряете немного крови. Помните об этом и берегите их, потому что одна ваша довольно близкая родственница, особа мрачного и злобного характера, будет всеми силами стремиться похитить у вас и меч, и ножны. А я не всегда буду с вами, чтобы своевременно разоблачать ее козни.

Тут они как раз увидели короля Пелинора, но он проехал мимо как бы в глубокой задумчивости, словно не видя их.

— Вот так так! — вскричал король Артур. — Стоило ли предостерегать и отговаривать меня, если этот невежа нас даже не заметил?

— Ну разумеется, — ухмыльнулся в бороду Мерлин.

— Вы обещали не приставать к нему, но он-то ничего не обещал! Вот я на всякий случай и навел на него небольшое такое колдовство... Но если б вы в своей гордыне попытались остановить его, он бы, конечно, увидел вас.

— Меня? — удивился Артур. — А как же ты? Тебя он что — не увидел бы?

— Так ведь я же к нему и не собирался цепляться, — удивился в свою очередь Мерлин. — А вы разве не замечали, что тех, кто нам безразличен, мы словно не видим?

— Допустим... Но почему же я увидел его? Я же обещал не приставать...

— А разве от этого он стал вам безразличен? Скорее, наоборот — вы еще долго будете вспоминать, что не взяли реванш, когда хотели и могли бы...

— Хм... — задумался Артур. — А не многовато ли ты читаешь в душах людей, колдун? Смотри: носить такую мудрую голову тебе может оказаться не по силам...

Если Мерлин что и ответил королю, то слышали только камни на дороге в Карлион, которая привела путников прямо на **43**.

41

Мерлин, разумеется, был прав: Артур *должен* был поднимать свой меч только на защиту правого дела. Но вот он пустил его в ход для дела довольно сомнительного — и оказалось, что рыцарь словно для того только и создан, чтобы биться с себе подобными по всяким пустяковым поводам. А иначе что же такое эта его пресловутая честь, если к ней не пробиться сквозь броню условностей морали? Честь — предмет нежный и задевается легко, а восстанавливается трудно, и поэтому защищать ее всеми мерами — первейшая обязанность рыцаря. Тот же Артур, к примеру, честью своей клялся, как высшей ценностью. Мыслимое ли дело после всего этого удержаться ему от реванша?

То ли эльфы-кузнецы не разбирались в таких тонкостях, то ли меч-воин Экскалибур был хорош во *всяком* деле — но только никакого достойного отпора Пелинор Артуру дать не смог и был повержен им со стремительностью и легкостью столь необыкновенными, что они самого Артура как бы даже и обидели, словно умалив величие его победы.

Впрочем, речь здесь уже не об Артуре, а о короле Пелиноре. Поражение сие внезапное так на него, беднягу, повлияло, что не поехал он, как это было принято, ко двору короля Артура присягать ему на верность, а отправился прямиком в свой замок, и тебе поневоле придется следовать за ним на **65**.

42

Отметим: Король Пелинор занимался привычным для рыцаря делом — что-то отыскивал. Все рыцари временами пускались в поиски, хотя и не всем удавалось что-либо сыскать. Процесс поиска не мешал отправлению прочих рыцарских обязанностей, и король Пелинор исправно продолжал нападать на всех теперь уже попутных — ибо встречные, распуганные его далеко идущей славой, давно уже ему не попадались. В сердце Пелинора поселилась тоска, ибо погоня за попутными была унизительна — все они встречали его не только не лицом к лицу, а прямо-таки затылком, и даже лошади бесстыдно выставляли навстречу свой круп.

И вот как раз тогда, когда тоска особенно рассвирепела, на пути короля Пелинора нежданно-негаданно оказался встречный — рвущийся в бой король Артур! Пелинор кинулся ему навстречу, как родному — изо всех сил, которых ему было не занимать...

Короче говоря, тебе, читатель, уже ясно, что Пелинор, с радостью отвлекаясь от своей охоты, таких надавал Артуру наставлений в правилах поведения, что и никакой Экскалибур не помог, и Артуру пришлось еще недельку погостить у искусного лекаря. И вот, уже и опасаясь: а не позабыли ли рыцари своего короля за время столь долгой его отлучки? — возвращался он теперь в свой замок на **43**.

43

Рыцари радостно приветствовали короля и, слушая рассказ Мерлина о его приключениях, не переставали изумляться тому, что он подвергал себя опасности в одиночку, когда к его услугам была целая свита и лучшие рыцари Британии. Но храбрейшие и благороднейшие из британского рыцарства только возрадовались, что у них такой замечательный король, готовый рисковать своей жизнью, как простой рыцарь — в этом видели они знак того, что подлинно рыцарское королевство грядет на землю Британии, и они, может быть, еще успеют увидеть его прежде, чем вечный сон смежит им веки. И все же, несмотря на столь высокие и очевидные достоинства короля Артура, далеко не все короли и совсем не сразу покорились его власти, и ему понадобилось какое-то время, чтобы привести их к покорности. Саксы пытались использовать эти внутренние трудности бриттов в своих

коварных целях, однако Артур поспевал всюду и жестоко громил захватчиков в великих битвах. Те саксы, которые не сумели сбежать на своих кораблях за море, принесли Артуру клятву верноподданичества, и на остров пришел долгий мир. Впрочем, в глубине лесов и гор оставался еще всякий сброд — вроде разбойников, жестоких рыцарей и злых волшебников, которых хлебом не корми, а дай только совершить какое-нибудь злодейство.

Столицу свою король Артур основал в городе Камелоте, куда съехались к нему лучшие и храбрейшие рыцари страны.

И вот как-то раз по пути с поля боя в столицу случилось Артуру проходить через Камелард, где жил его друг король Лодегранс, имевший прекрасную дочь по имени Гиневра. Стоит ли удивляться, что пылкий юноша Артур полюбил Гиневру в тот самый миг, как только ее увидел? И так уж он ее полюбил, что не мог ни есть, ни спать у себя в Камелоте и спросил совета у Мерлина, как же быть королю в такой вот отчаянно-лирической ситуации.

Мерлин, конечно, согласился, что королева нужна и королю, и королевству, однако по своей неприятной привычке рассказывать, чем дело кончится, он и на сей раз не удержался от пророчеств.

— Хоть леди Гиневра — одна из самых прекрасных дам, — сказал он Артуру, — но именно из-за ее красоты и настанет конец Логрии, когда лучший рыцарь вашего двора полюбит ее и тем навлечет позор на нее И на себя, вызовет войну между вами и им и приблизит день, когда в Камланне восторжествует предатель. И будет это вскоре после пришествия Святого Грааля, означающего зенит славы логров... Нелегка ваша задача, сэр — на одних весах взвесить свою любовь и судьбу Логрии. Но решайтесь же, как поступить!

Помоги Артуру принять правильное решение:

Поставить государственные интересы выше личных и следовать на **45**?

Или же дать чувству заглушить голос рассудка и идти навстречу судьбе на **46**?

45

Разве счастье одного человека не должно быть принесено в жертву благополучию целой страны? — рассудил Артур и, убоявшись падения славного королевства логров из-за женщины, он вырвал из сердца прекрасную Гиневру и отказался от мысли о женитьбе на ней.

Но вместе с ней вырвал он из сердца, как оказалось впоследствии, и самую способность любить — и с тех пор ни одна женщина не привлекала к себе его взора. А без любви человек к жизни не способен, будь он хоть самый наивеличайший из королей. И в скором времени король Артур заболел так тяжело, что не смогли исцелить его ни доброе волшебство Мерлина, ни темное колдовство Феи Морганы, ни чудодейственное сердце Зверя Рыкающего, добытое могучим королем Пелинором. И умер король Артур холостым, не оставив после себя наследника власти, и это привело Логрию прямиком к ужасам **51**.

46

— Чему быть, того не миновать, — заключил Артур. — И раз уж так сказал Мерлин — значит, дело верное. И чего же ради, спрашивается, буду я тогда лишать себя радостей любви, напрасно пытаясь избегнуть неминуемого? Ей-богу, это будет как-то не по-королевски бестолково...

И он отправил ворчуна Мерлина сватать дочь короля Лодегранса.

При таком свате-чудодее дело не могло не удаться, и старый король, конечно же, страшно обрадовался, что теперь все его земли перейдут к зятю, а все его бароны станут рыцарями короля Артура, так что старику не придется на старости лет обременяться заботами государственного управления. Свадьбу уговорились сыграть на праздник пятидесятницы.

Народ в то время в Британии жил набожный и праздники религиозные праздновал все подряд. И на пасху Артур тоже устроил большое застолье для своих рыцарей — и чуть не довел их этим до кровавой междоусобицы, потому что вокруг длинного праздничного стола начались раздоры из-за того, где кому должно сидеть. Заслугами рыцари пока еще были равны, да и претензиями не сильно разнились, и все они считали большей честью сидеть в верхнем конце стола близ короля и королевы, чем в безвестном нижнем, где ни себя показать, ни других поглядеть.

Казалось что справедливое для всех размещение определить решительно невозможно.

— Ну, ничего, — сказал на это, посмеиваясь, хитроумный Мерлин. — На пятидесятницу мы это как-нибудь поправим. Уж я поставлю вам стол, чья слава будет жить, покуда длится мир, и соберет он к себе всю доблесть логров!

На пятидесятницу, в день своей свадьбы, король Артур ради праздничка взял да и посвятил в рыцари своего племянника Гавейна и сына короля Пелинора юношу Тора. Семейственность в древней Британии не считалась пороком, а напротив, звалась благородной родовитостью,

и королю Артуру нечего было стесняться начинать формирование рыцарского корпуса Логрии с собственного личного родственника. Впрочем, справедливости ради он тут же распорядился, чтоб новоиспе... то есть новопосвященные рыцари побыстрее совершили какой-нибудь подвиг и показали свои достоинства — и тогда не заставит себя долго ждать первая рыцарская история, о которой расскажут королю Артуру.

Бракосочетание было по-королевски пышным: руки новобрачных соединили два архиепископа, а четыре короля несли перед Артуром и Гиневрой золотые мечи, когда они выходили из аббатства.

В пиршественной зале всех встретил Мерлин у большого круглого стола из камня и дерева, что занимал чуть ли не всю залу от стены до стены.

— Это Круглый Стол, — возгласил Мерлин таким тоном, будто никто, кроме него, этого не видел. — Ни верхних, ни нижних концов у него нет, и все места за ним равны. А чтобы все же не было свалки, вот, пожалуйста: на каждом сиденье вписано золотом имя рыцаря, коему там помещаться надлежит, и буквы имени угаснут только со смертью рыцаря. По местам же, сэры рыцари, коих здесь поместится полторы сотни, не считая короля и королеву логров!

Когда все расселись, за столом обнаружились и свободные места, но Мерлин успокоил всех, сказав, что на них еще найдутся рыцари, и в доказательство своих слов ввел в залу короля Пелинора, который сразу пал на колено и принес королю Артуру клятву верности, после чего все сразу же принялись пировать.

— Ну что ж, — сказал Мерлин, озирая дело рук своих, — из такого же вот застолья немало еще начнется приключений странных и чудесных. И вот мой свадебный подарок — первое приключение рыцарей Круглого Стола короля Артура!

Тут в залу вбежал белый олень и кинулся вкруг стола, но на него набросилась маленькая охотничья сука, и олень, метнувшись, повалил рыцаря из числа гостей, сидевшего

MCMXC

отдельно за маленьким столом. Рыцарь этот, звавшийся Абелеусом, схватил собаку и с нею в руках ускакал на коне. А оленя с громким лаем погнали в лес шестьдесят огромных и черных гончих. И сразу же в залу въехала дама на белой лошади.

— Караул! — закричала она прямо с порога. — Грабят! Грабят прямо при дворе короля Артура! О, где моя маленькая белая собачка?

Ничего более вразумительного сообщить она не успела, поскольку ее немедленно и довольно грубо утащил из залы незнакомый рыцарь на огромном коне.

Артур, по правде говоря, был рад, когда улеглась вся эта суматоха, ибо ему совсем не улыбалось спасать незнакомую собаку прямо в день собственной свадьбы. Но тут опять встрял окаянный Мерлин.

— Если оставить все, как есть, — возвестил он скрипучим голосом прорицателя бед, — то позор падет на рыцарей, оказавшихся недостойными славы Логрии!

— Вот те раз! — огорчился король Артур (и не он один). — Так хорошо сидели...

— А вы и сидите, — милостиво разрешил Мерлин. — Вас-то я не гоню — все-таки первая ваша свадьба, и другой уж не будет... Но разве нету вас рыцарей, готовых выполнить вашу волю?

— Действительно! — просиял Артур. — Только, наверное, надо выбрать из самых достойных, чтобы приключение завершилось успешно?

— Да уж, пожалуй, — согласился Мерлин и странно усмехнулся в свою редкую бороду. — Тогда уж отправьте в это новенькое, с иголочки приключение и трех новейших из своих рыцарей: Гавейна — за белым оленем, Тора — за собакой и рыцарем... или уж хоть за собакой, ну, а Пелинор пусть доставит даму и рыцаря, хотя бы даже и мертвого.

— Не слишком ли много сразу троих рыцарей на одно приключение? — проворчал расчетливый король Артур, радуясь втайне, что ехать все же не ему.

— Как-никак это первое приключение Круглого Стола, — язвительно заметил Мерлин. — А всякое дело поначалу требует солидных затрат. Скажите еще спасибо, что я не начал прямо со Святого Грааля и не потребовал у вас вообще все рыцарства Логрии!

«Спасибо» Артур, понятно, не сказал, но и возразить ничего не смог, а потому отправил требуемых рыцарей на соискание подвигов и славы.

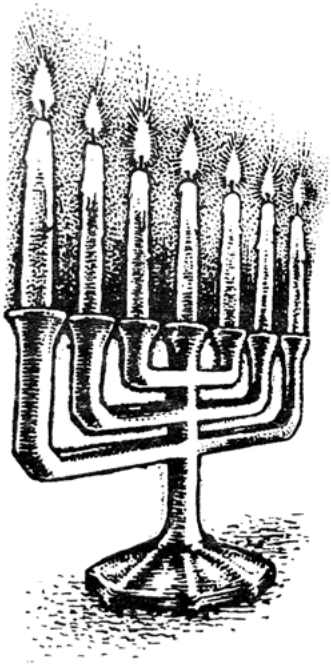
С кем из них, читатель, пройдешь ты путь первого подвига?

Если с сэром Гавейном — то следуй за ним и братом его Гахерисом на **52**.

Если с сэром Тором — его и твой путь пролегает на **53**.

А король Пелинор гонит своего коня прямо на **54**.

В путь, читатель!

51

Власть в Логрии со временем захватил известный своим злонравием рыцарь Мордред, похвалявшийся «дважды августейшим» происхождением и утверждавший, будто он — сын не только короля Артура, но и сестры его Феи Морганы, зачатый и рожденный ими в кровосмесительной связи. И даже великий Мерлин не мог опровергнуть этот гнусный слух, ибо уже спал в пещере, околдованный леди Нимейей. И Мордред воцарился в Логрии.

Но не был он ни благородным правителем, ни искусным полководцем, ни могучим рыцарем, и власть его от этого не была прочна, несмотря на все колдовские старания Феи Морганы, ибо многие славные рыцари, не пожелав служить королю незаконному и ничтожному, удалились в иные страны и земли. Логрия стала беззащитной перед многими врагами, войска Мордреда терпели одно поражение за другим и разбегались, тлен и упадок постигли логров, и саксы утвердились в Британии.

Так пришел конец славному королевству логров, а вместе с ним и благородному рыцарству. И Круглый Стол остался лишь в легендах, немногие из которых дожили и до наших дней — такой вот печальный пришел нашей истории

КОНЕЦ

52

Гавейн в качестве оруженосца взял с собой младшего своего брата Гахериса, и вдвоем проехали они совсем немного, когда увидали двух рыцарей, яростно бившихся на мечах.

Строго говоря, поединки между рыцарями на дорогах Британии ничего особенного из себя не представляли, ибо поводов к ним всегда имелось предостаточно. Тот, кто не мог поднять копье за даму сердца, вполне способен был обнажить меч из-за чьего-то косого взгляда или же просто ввязывался в схватку, чтобы померяться силами. Поэтому обыкновенно в столкновении двух третий бывал лишним и оттого не лез поперек схватки, а терпеливо дожидался своей очереди «на победителя». Но так поступали обычно рыцари, умудренные опытом многих боев. Гавейн же повел себя поперек традиций и правил: на своем коне он вклинился между сражающимися и заставил их прекратить бой — так ему не терпелось узнать, из-за чего люди рубят друг друга мечами. Рыцари, видимо, были настолько ошеломлены таким попранием этикета, что даже и рубить Гавейна не стали, а напротив, довольно вежливо удовлетворили его несносное любопытство.

— Сэр, — сказал один из рыцарей, переведя дух, — мы, вообще говоря, братья и живем душа в душу. Но недавно мимо нас промчался белый олень, а за ним свора черных гончих...

— А мы знаем, — перебил тут его другой рыцарь, — что это приключение, уготованное для торжественного праздника по случаю бракосочетания короля Артура, и каждый из нас пожелал в нем поучаствовать. Вот мы и пытались выяснить мечами, кто из нас этого более достоин.

Гавейн обдумал их ответ и...

Решил, что это не его дело? (**62**.)

Горячо принял к сердцу трудности братьев? (**55**.)

Возмутился человеческой глупостью? (**56**.)

53

Сэр Тор, проскакав не так уж и много по своей дороге, встретил карлика, который ни с того ни с сего вдруг так двинул рыцарского коня по голове своим посохом, что бедное животное чуть тут же не отдало концы, чем могло бы поставить своего хозяина в весьма затруднительное положение.

— Ты зачем скотину бьешь, недомерок? — спросил сэр Тор карлика, и в голосе его не было излишка дружелюбия.

— А я тут затем и поставлен, — нахально отвечал малорослый забияка. — Вон те шатры видишь? Сейчас хозяев кликну, уж они тебе про все разобъяснят!...

У края дороги и вправду стояли два шатра, и позади каждого на дереве висело по большому щиту и стояло по копью.

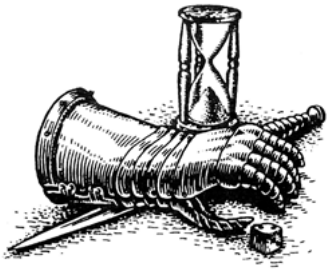
— Стану я их дожидаться! — фыркнул сэр Тор. — Я, между прочим, при исполнении подвига и на всякие драки при дорогах размениваться не стану!

— А вот мы сейчас поглядим! — вскричал тут карлик, выхватил из кустов здоровенный рог и вытрубил из него, ужасно фальшивя, какой-то варварский боевой зов.

И тут сэр Тор...

...Сорвался с места и понесся вскачь на **75**?

...Повернул коня к шатрам и стал ждать развития событий на **57**?

54

Выехав из Камелота, король Пелинор уже знал от Мерлина, что дама, которую надлежит ему найти и доставить, зовется леди Нимейя и судьба ее лично Мерлину небезразлична. Пелинор целиком сосредоточился на этой задаче и поэтому был порядком раздосадован, когда, проезжая мимо колодца, был окликнут дамой, воззвавшей к нему.

— Помогите мне, рыцарь, во имя Христа!

У ног леди лежал рыцарь, израненный так ужасно, как если бы он бился со всеми подряд рыцарями Круглого Стола. Глядя на него, король Пелинор пожалел было, что не сделался в свое время искусным лекарем или что, на худой конец, не прихватил с собой в дорогу самого Мерлина, который со своими знаниями был бы тут куда полезнее, чем могучий король Пелинор со своими копьем, щитом и мечом.

Что ж, в твоей власти помочь королю Пелинору. Он поступит так, как ты ему подскажешь, и тогда он...

...Задержится, чтобы помочь рыцарю и леди, на **58**.

...Поскачет, не задерживаясь более, дальше исполнять приказ короля Артура на **60**.

55

...И сказал укоризненно:

— Ай, как нехорошо, братья и рыцари! В то время, как премногие подвиги ждут истинных рыцарей Логрии, вы тратите силы и здоровье на междоусобную бойню! А ну-ка живо марш сдаваться ко двору короля Артура — там вам найдут, чем заняться!

Нельзя сказать, чтобы братьям-рыцарям понравилось такое предложение, и они попытались оспорить его.

— Ну, тогда я вам сейчас задам трепку, — вскричал рассерженный Гавейн, — чтобы навсегда вытряхнуть подобную блажь из ваших пустых голов — авось туда залетит что-нибудь полезное!

В голосе его было столько решимости, что братья не на шутку струхнули и не решились более перечить напористому рыцарю Гавейну.

— Прямо сейчас и отправляемся, — заверил его старший брат, — и скажем, что послал нас рыцарь, преследующий белого оленя — может, нам тогда какая поблажка выйдет...

И они умчались от Гавейна в Камелот быстрее, чем белый олень от черных гончих, а Гавейн поскакал по следу оленя на **63**.

56

...И в душе его поселилась досада: что же это за приключение такое, о котором в Камелоте только что узнали и в то же время известно про него каждому встречному? И все, кому не лень, готовы примазаться к подвигу, на который лично его, Гавейна, выдвинул сам Мерлин и отправил король Артур! Нет, сердце подлинного рыцаря логров не могло смириться с подобным положением вещей, а разум усматривал тут определенное попрание чести, каковую следовало защитить силой оружия.

И Гавейн ударил на врага.

Враг (оба врага) подобного натиска не ожидал и серьезного отпора дать не сумел. А Гавейн, распалясь и стараясь унизить братьев еще более, бился с ними как бы не всерьез, а играючи, нанося обидные удары то щитом, то тупым концом копья, то ножнами меча под улюлюканье и присвист своего младшего брата Гахериса.

Дав выход гневу, Гавейн направил избитых горе-рыцарей сдаваться королю Артуру, а сам, отыскав след оленя, двинулся по нему на **63**.

Из ближнего шатра сейчас же выскочил рыцарь, мигом схватил щит и копье, вскочил на коня и ринулся на сэра Тора.

В действиях его чувствовался большой навык. Сэр Тор только-только успел наставить свое копье и дать шпоры коню, как незнакомец уже налетел серединой своего щита на острие копья и неожиданно легко повалился назад через круп своего коня.

И в этом его упражнении нельзя было не отметить изрядной опытности, но сэру Тору было недосуг вглядываться, потому что уже требовал своего второй рыцарь, выехавший к бою на коне прямо из своего шатра.

И он так же удачно, как и его предшественник, налетел на копье сэра Тора и так же плашмя распластался на земле.

И только попытавшись подъехать поближе к поверженным врагам, сэр Тор, наконец, обнаружил, что тупой конец его копья очень удачно уперся в дупло дерева позади него.

Как человек благородный, он не стал заострять ничьего внимания на этом факте, а лишь велел рыцарям отправляться, как только им позволит здоровье, ко двору короля Артура и сказать, что это он их послал. После чего сэр Тор освободил свое копье и хотел уже продолжить путь, когда к нему опять подскочил давешний карлик.

— Сэр! — сказал карлик с великой учтивостью. — Позвольте мне сопровождать вас, ибо с того момента как я увидал вашу доблесть в бою, меня с души воротит служить этим двум неудачникам.

Ну и что же с ним делать сэру Тору? Советуй, читатель!

Прогнать с глаз долой на **75**?

Взять с собой на **64**?

58

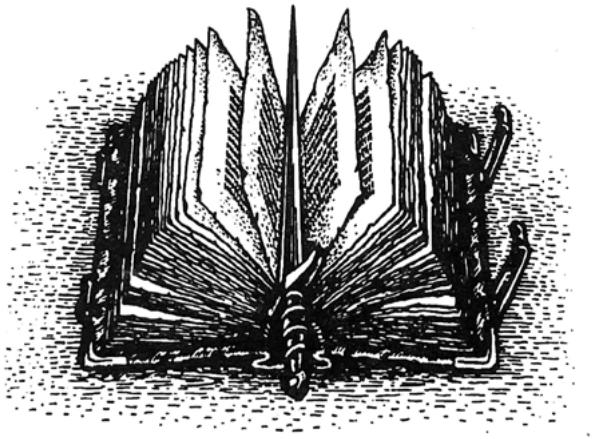
Король Пелинор соскочил с коня, отставил копье, отложил щит и склонился над распростертым рыцарем. Он осторожно снял с него доспехи и осмотрел раны. Собственных познаний Пелинора хватило только на то, чтобы определить самый общий диагноз: рыцарь пока жив. Король промыл раны водой из колодца и приложил к ним листья подорожника — вот и все, чему он научился за годы боев и походов. Но уже и эта первая помощь вызвала целый поток благодарных слез у леди, помешавший ей выразить свою признательность более членораздельно. И лишь когда король Пелинор, посчитав свой долг выполненным, уже садился на коня, она кинулась к его стремени с криком:

— Ну посмотрите же на меня, рыцарь, посмотрите внимательно!

Король Пелинор в это время как раз надевал шлем, и он...

...Опустил забрало и погнал своего могучего коня на **60**.

...Придержал забрало и взору его открылись обстоятельства на **59**.

Он увидел, как похожа эта леди на ту, с которой он был счастлив когда-то в старом замке на мрачном утесе.

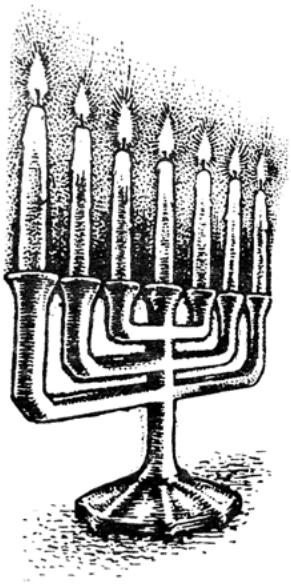
Тут леди всплеснула руками, но уже не в горе, а словно бы в восторге, и вскричала:

— Отец мой!

И голос крови, наконец, подсказал королю Пелинору, что перед ним — родная дочь его Алина, которую он безуспешно разыскивал столько лет, а рыцарь израненный — муж ее, достойный сэр Милес Ландский.

Король Пелинор отвез дочь свою и мужа ее в свой замок, а сам сел на коня и, забыв долг свой перед королем Артуром, отправился в дальние земли отыскивать Зверя Рыкающего, чье сердце было, как он слыхал, лучшим лекарством от всех ран, не исключая и душевных. Но странствовал он слишком долго, и слишком долго оставались без его заботы зять его Милее и дочь его Алина.

А что из этого вышло — про то рассказано на **65**.

60

Дальнейшая экспедиция короля Пелинора трудной отнюдь не была. Вскоре, проехав через лес, он обнаружил леди Нимейю, удерживаемую двумя оруженосцами, а их хозяева бились за нее на поляне мечами, и трава от крови уже вся сплошь покраснела. Когда же Пелинор подъехал к ним, чтобы сообщить, что он освобождает их от дальнейших забот о судьбе леди, они вдвоем напали на него. Как видно, сделали они это в горячке боя, не подумав, потому что хоть они сразу и убили коня под королем Пелинором, но и он, пеший, с первого удара расколол одному из рыцарей шлем и голову до самого подбородка. Другой же рыцарь тут же отказался от продолжения поединка, заявив, что сам он лишь спасал леди Нимейю от того рыцаря, коий пал под рукой Пелинора. Тогда король Пелинор взял коня убитого рыцаря и поехал с леди Нимейей в Камелот.

— Знаете ли вы, король Пелинор, кто были та леди и тот рыцарь у колодца, которых вы вверили судьбе?

— спросила вдруг леди Нимейя.

— Ах, не напоминайте мне о них, — ответил Пелинор, — я и так виню себя за то, что не сделал для них всего, что мог бы.

— Да и как вам не винить себя? — сказала на это леди Нимейя. — Эта леди была ваша родная дочь Алина, которую вы разыскивали столь долго, а этот рыцарь — муж ее, добрый сэр Милес Ландский.

Король Пелинор вскрикнул от удивления и хотел было погнать коня вскачь к колодцу, но леди Нимейя удержала его.

— Ни к чему спешить теперь. — сказала она печально, — рыцарь, лишенный вашей поддержки, уже скончался от ран, а леди, утратив мужа и почти обретенного отца, умерла от горя по мужу и тоски по вам.... Увы вам, король Пелинор! Вы честно исполнили долг свой перед королем Артуром, но долг свой отцовский и человеческий исполнить

не сумели… И не можете вы вернуться даже к телам их, ибо призывает вас ваша рыцарская дорога — вперед, и только вперед, до конца!

И в глубокой печали доехали они до **79**.

62

...Ничего не сказав более, проехал сэр Гавейн стороною, ибо презрел сих рыцарей из-за пустой мелочности и вздорности их притязаний. И, оскорбившись его небрежением, братья-рыцари бросились вдогонку за ним и, напав на сэра Гавейна со спины, били его бесчестно всяким оружием вплоть до **69**.

63

Сэр Гавейн ехал и ехал в глубь леса, а брат его Гахерис скакал за ним по пятам, и вскоре они заслышали лай гончих. Тут лес кончился, и они увидели, как белый олень переплывает широкую реку, а гончие продолжают его преследовать и в воде.

Сэр Гавейн решительно направил своего коня к воде… и было это с его стороны, по меньшей мере, неосмотрительно. Олень, свободное животное, волен был преодолевать водную преграду, где и как ему заблагорассудится, но боевой рыцарский конь — это зверь иного сорта. В отличие от оленя, не отягощенного ничем, кроме рогов, конь несет на себе сбрую, вооружение, доспехи и самого рыцаря. А это не может не сказаться на плавучести всадника, и думать об этом должен в первую очередь рыцарь, хотя у его коня голова и больше.

В результате проблема переправы вплотную заняла сэра Гавейна только на середине реки, и там он вынужден был уделить ей все свое внимание, так что по выходе на берег он совершенно неожиданно столкнулся нос к носу с рыцарем, который, уже изготовившись к бою, прокричал ему чуть ли не в ухо:

— Не видать тебе белого оленя, бестолковый мальчишка, потому что сейчас я сражу тебя на месте!

И вид рыцаря был столь решителен и ужасен, что Гавейн…

…Усомнился в своих силах и, не раздумывая долго, кинулся наутек на **69**.

…Не давая себе времени испугаться, ринулся в схватку на **66**.

64

— Ну что ж, — сказал сэр Тор, смерив карлика взглядом, — ты так невелик, что большой обузой не будешь. Езжай за мной, а лошадь возьми у бывших своих хозяев — я ее тебе дарю.

— Видал я тут одного рыцаря с белой собакой в руках, — сказал карлик. — Он у вас, что ли, ее украл?

— Не совсем так, — сказал сэр Тор, — но вернуть ее он должен будет мне, если только не предпочтет взамен расстаться с жизнью.

— Крепкая же, должно быть, рука у моего нового хозяина! — восхитился карлик. — Что ж, тогда вы на верном пути, ибо я чувствую запах этой суки.

И действительно, вскоре они подъехали к двум шелковым шатрам подле небольшого монастыря, и перед одним шатром висел белый щит, а перед другим красный.

Рыцарь Тор спешился, поручил коня и оружие заботам своего карлика и заглянул в шатер у белого щита.

Там он обнаружил лишь трех прекрасных дам, спящих безо всякой охраны, которых решил не будить до тех пор, пока не выяснится, что же сулит ему другой шатер.

Другой шатер скрывал только одну, но особенно прекрасную даму, подле которой сэр Тор и обнаружил, наконец, вожделенную белую охотничью суку..

Собака тоже обнаружила сэра Тора и залаяла так, что дама проснулась.

Тут сэр Тор решил, что...

...Три спящих дамы лучше одной бодрствующей, и вернулся в белый шатер на **67**.

...Пора бы уже свершить подвиг, за коим отправлен он был в дорогу, и шагнул на **72**.

И когда приехал король Пелинор преклонить усталую главу в свой замок, никто не вышел встречать его, и один лишь ветер печально завывал в развалинах башен. И великая тоска поселилась в душе короля Пелинора, и не могло излечить ее даже чудодейственное сердце Зверя Рыкающего.

И в печальных думах преклонил свою голову король Пелинор и смежил веки в ожидании того дня, когда настанет его черед сослужить службу королю Артуру.

Но место его за Круглым Столом не опустело, и благородный Тристрам поэтому не смог со временем занять его, и подвиги его остались несвершенными, и прекрасная Изольда умерла, не испив волшебного вина и так и не узнав любви великой и печальной.

И от сего не произошли премногие иные достославные приключения, и совершенно иным путем, да и не ко времени пришли логры к **248**, куда теперь и придется отправиться читателю.

Не успевая даже поднять копье, сэр Гавейн тем не менее налетел на коварного рыцаря так яростно, что ударом щита вышиб его из седла и перебросил через круп коня.

— Не довольно ли для вас, чтобы сдаться мне и признать власть короля Артура? — крикнул поверженному врагу сэр Гавейн.

— Я — Аллардин с Внешних островов и никогда не попрошу пощады у сосунка вроде тебя! — гневно закричал рыцарь, выхватывая меч.

Сэр Гавейн тоже выхватил меч и соскочил с коня, так как считал несправедливым биться конному с пешим. Однако рыцарь Аллардин так, видимо, не считал, ибо он тут же вскочил на своего коня и с копьем наперевес помчался прямо на остолбеневшего от такой бесчестности сэра Гавейна.

Что тут оставалось делать бедному Гавейну?

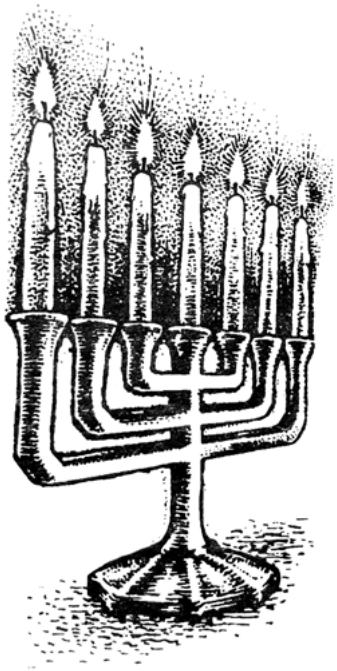
Хладнокровно и невозмутимо встретить врага беспощадным словом, обличающим гнусное его поведение, и достойно принять судьбу на **69**?

Или против всех правил броситься самому на конного противника в отчаянной попытке прорваться хотя бы на **70**?

Войдя вновь в белый шатер, сэр Тор снял свои доспехи, отложил рыцарское оружие и, пользуясь оружием совсем другого рода, завоевал благосклонность всех трех дам поочередно. И дамы восхищались его достоинствами и щедро дарили его своей любовью и ласками, и в их чарующих объятьях забыл сэр Тор, куда и зачем он был послан и как оказался он в этом райском шатре. А ведь нет ничего опаснее для рыцаря, чем забвение собственного долга...

Тем более, что вместе с долгом и прочими рыцарскими атрибутами позабыл сэр Тор и о сопровождавшем его карлике. Но тот, однако, о сэре Торе не забыл и, за утехами его тайно наблюдая, преисполнился досады на то, что хозяин, в счастье и благости пребывая, о слуге своем верном и не помышляет, а он, слуга-то, тоже человек, хоть и карлик... Странно ли, что подобные мысли привели карлика прямиком на **75**?

68

Сэр Тор вздрогнул, провел рукой по шлему, точно отгоняя внезапно налетевшее наваждение, и приступил, наконец, к делу: схватил бросившуюся на него собаку и вместе с ней выскочил из шатра.

Леди, однако, обладала быстрой реакцией и тотчас же также из шатра вышла.

На подмогу ей поднялись со своего ложа три дамы из белого шатра.

— Рыцарь ли вы, если отнимаете у дамы собственную ее собаку? — вопросила леди сэра Тора.

— Я потому и послан сюда, что я рыцарь, — отвечал сэр Тор, — и возвращение сей собаки ко двору короля Артура есть мой рыцарский подвиг в подтверждение высокого этого звания.

— Поглядим, долго ли вы его проносите, — сварливо проворчала леди, становясь сразу не такой привлекательной, какой поначалу показалась она Тору в шатре. — Наказание ваше не за горами, и будет оно жестоким...

Леди знала, что говорила.

Не успел Тор со своим карликом, заботам коего он поручил собаку, отъехать сколько-нибудь далеко, а уж позади них послышался стук копыт.

— А вот я вас, воров! — прокричал грубый голос сэра Абелеуса. — На минутку нельзя возлюбленную оставить — уже и в шатрах грабят!

Тут сэр Тор...

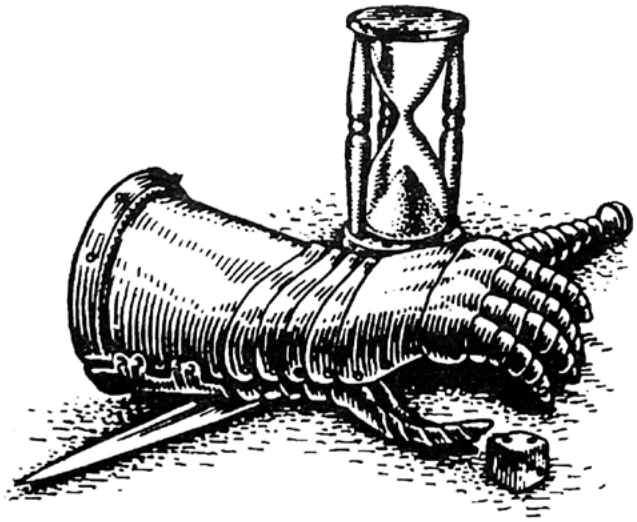
...Признал справедливость упрека и, дав шпоры коню так, что смел с дороги бедного карлика, вихрем умчался на **75**.

...Не мог согласиться с претензией и решил выяснить отношения с сэром Абелеусом на **71**.

И сэр Гавейн упал убитым на месте. И тело Гавейна валялось при дороге, и ночью звери рвали его мясо, а днем птицы растаскивали кости.

Так бесславно закончил дни свои юный рыцарь Круглого Стола сэр Гавейн, племянник короля Артура, не успев свершить множество подвигов, предназначенных на его долю. И младший брат его, оруженосец Гахерис донес до рыцарей Круглого Стола печальную весть о том, как опасен нетвердый дух на дороге подвига. И многие, не слишком твердые еще в духе, стали под разными предлогами избегать приключений и подвигов, так что многое трудное выпало теперь на плечи немногих достойнейших, и те скоро сложили головы свои в боях. И опустел Круглый Стол, и покрылся тленом и пылью, и враги, прослышав о том, покорили Логрию, и мрак настал надо всею Британией, и нашей истории пришел печальный

КОНЕЦ

70

Сэр Гавейн кинулся на Аллардина и закричал так, что конь в испуге прянул в сторону, и рыцарь Аллардин, не ожидавший опасности с этой стороны, вылетел из седла и грянулся оземь — такая уж была его незавидная судьба в схватках с сэром Гавейном.

Гавейн тем не менее не стал пользоваться преимуществом стоящего перед лежащим и позволил Аллардину подняться, чтобы продолжить поединок. Аллардину, впрочем, помогло это ненадолго: вскоре сэр Гавейн нанес ему такой удар, что расколол надвое его шлем вместе со всем его содержимым.

— Он и вправду не попросил пощады, — сказал Гахерис, скромно наблюдавший за схваткой с другого берега реки, — потому что просто не успел.

— Он бы и не получил ее, — проворчал сэр Гавейн. — Королю Артуру не нужны рыцари без совести и чести.

Белый олень тем временем почти скрылся из виду, но лай гончих выдавал его движение, и рыцарь с оруженосцем вновь кинулись вдогонку.

К их удивлению, олень искал спасения не в лесу, а в большом мрачном замке. Но во дворе его гончие все же настигли оленя и загрызли его быстрее, чем сэр Гавейн успел вмешаться. На шум вышел из своих палат могучий человек, чье лицо кривила злоба, и набросился на гончих.

— Стоило ли мне дарить жене белого оленя, — в ярости рычал он, избивая собак мечом, повернутым плашмя, — чтобы пал он жертвой грязных животных! Не будет от меня пощады тем, кто погубил его!

Сэр Гавейн внимательно выслушал это заявление и решил, что...

...Это не его дело и он может преспокойно отправляться на **80**.

...Это дело так оставить нельзя, и потому нужно идти на **74**.

Рыцари налетели друг на друга с такою силой, что оба вылетели из седел.

Но они тут же вскочили на ноги и принялись рубиться на мечах, как это обыкновенно делают рыцари, когда у них кончаются копья или кони.

Бойцы они оба оказались не столько умелые, сколько могучие, так что доспехи осколками разлетались с них во все стороны и портили ландшафт примесями железа.

В конце концов, молодость победила, и сэр Тор повалил сэра Абелеуса наземь. Он, как принято, предложил побежденному сдаваться, и тот, как водится, отказался.

Тут очень вовремя появилась какая-то дама и стала требовать у Тора какого-то подарка, не называя, чего именно она хочет, но упирая на любовь к королю Артуру и славу его двора.

Сэр Тор слегка озадачился таким запросом от незнакомой леди, потому что, с одной стороны, не хотел себя связывать опрометчивыми обещаниями, а с другой, не желал уронить собственного достоинства отказом даме при другом рыцаре.

Распростертый же Абелеус при виде этой дамы проворно перевернулся и пополз прочь, громко испрашивая пощады.

Как оказалось, предчувствия его не обманули, ибо дама тут же потребовала у Тора его, Абелеусову голову.

Сэр Тор оказался в тупике, не зная, как поступить.

В конце концов он последовал твоему совету, читатель, и выполнил просьбу...

...дамы и отправился с ней на **78**.

...рыцаря и отпустил его на **75**.

12

И ринулся сэр рыцарь…на дракона, который был столь огромен и стар, что походил на поросший лесом утес. И страх закрался в сердце рыцаря, когда поднялась над ним исполинская голова чудовища на шее, подобной башне, и раскрылся зев, схожий с крепостными воротами, и приготовился сэр рыцарь к смерти, потому что против этого монстра копье и меч были словно булавки перед медведем.

Но из пасти вырвался не огонь, не дым и не смрад, а всего лишь вопрос, хотя и заданный громовым голосом:

— Что на свете всего милее?!!

Удивился сэр рыцарь подобному обороту дела, однако вспомнил приключение короля Артура с сэром Громером Сомером Журом (ах, не было пока такого? ну, ничего, еще будет! потом заглянешь..) и, собрав всю свою мудрость, ответствовал:

— Конечно же, прекрасная королева Гиневра! — ибо побоялся он сделать ставку на леди своего сердца в такой ответственной игре.

Страшно изумился змей такому ответу, пошарил в окрестностях и воздел к средней своей голове огромный фолиант, поддерживая его головами крайними, ибо даже и у него коротки были для такого дела лапы. Прозрачные камни, похожие на окна дворца или небольшие озера, водрузились на глаза чудовища, и с рыканьем, от которого содрогнулись утесы, прочло оно по неведомым письменам:

— А тут написано — «Василиса»… Э-э, молодец, да это какая ж сказка-то?

Жестоко оскорбился тем сэр рыцарь и отвечал чудовищу гордо и достойно, как и подобает воспитанному воину:

— Да никакая! Сказки — у простонародья, а это — рыцарская легенда Артурова цикла.

— Тьфу ты! — плюнуло, наконец, огнем чудовище. — Опять, значит, сослепу-то не туда заполз — крылья, вить ты, не держат... А ты куда смотрел?! — вызверилась средняя голова на левую. — Опять налево косишь?! У-у, выродок!!

Дракон гулко сглотнул книгу, грузно ступая, развернулся — вдали обрушился горный хребет.

— Постой! — вскричал пораженный сэр рыцарь. — А что же я... А как же теперь.. Да куда ж мне деваться-то?!

— Да прямо ступай... — отозвался уже издалека дракон. — Так вот на **68** и придешь. Скажешь — Горыныч прислал...

74

Гавейн, как видно, отчасти ощущал свою ответственность за гибель оленя, коего отбить от гончих он не сумел, отвлекаясь в пути на всякие вздорные стычки. Кроме того, как истинный рыцарь, он был добр к животным и не мог не вступиться за безвинно страдающих собак. Он сошел с коня и с обнаженным мечом подступил к хозяину замка.

Тот, как видно, только этого и ждал, потому что не стал выяснять, действительно ли Гавейну принадлежат все шестьдесят черных гончих, а попросту кинулся в схватку. Бился он, надо сказать, не особенно заботясь о правилах рыцарского боя, и подлые его удары совершенно разъярили сэра Гавейна, который и по молодости лет еще не научился держать себя в руках, как подобает рыцарю. Вложив свой гнев в единый удар, Гавейн опрокинул противника на землю, и грохот его доспехов раскатился по двору замка.

Падение отрезвляюще повлияло на хозяина замка, и он взмолился о пощаде словами столь затейливыми и изысканными, что они составили бы честь не одному барду при дворе короля Артура. И от этого..

...Милосердие проснулось в сердце сэра Гавейна, и он пощадил своего врага — и это привело его к **80**.

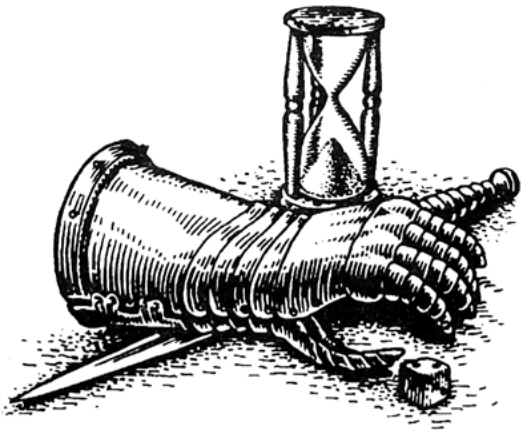
...Жалость не шевельнулась в душе сэра Гавейна, и он оказался на **76**.

И карлик, по самой злобной и мелочной своей натуре, примкнул к злому и бесчестному рыцарю Абелеусу. Он привел его по следам Тора и он же подсказал, в какое место доспехов направить предательский удар. Копье вошло под лопатку и пронзило сэра Тора, пригвоздив его к шее коня. И когда конь рухнул наземь вместе со всадником, карлик в злобной радости заплясал на груди сэра Тора, Но умирающий рыцарь, собрав силы, схватил карлика и сдавил ему горло рыцарской рукой. А когда Абелеус кинулся на помощь брату, сэр Тор другою рукой обломил вышедший из груди конец предательского копья и с такой силой ударил им Абелеуса в щель забрала, что наконечник вышел у того из затылка.

Так славно закончил свои дни сэр Тор, ценою жизни своей покаравший зло и предательство. Но некому было рассказать об этом подвиге, и один лишь великий Мерлин знал, отчего опустело место Тора за Круглым Столом и угасли на сиденьи золотые буквы славного его имени, и здесь постиг нашу историю достойный

КОНЕЦ

...Ибо слух сэра Гавейна приучен был разбирать лишь свист мечей и звон щитов, и сии прекрасные речи ярость его охладить не смогли. Как безумный, взмахнул он мечом, чтобы отрубить голову владельцу замка, но тут жена его, с волнением наблюдавшая за ходом поединка, подбежала и закрыла тело мужа своим телом.

Рыцарь — воин по призванию, воин телом и душой, воин до мозга костей. И плох бы он был, как воин, если б не стремился довести воинское свое искусство до высшего совершенства, И кому, как не рыцарю, знать: именно на высшем этом уровне только и бывают удары столь неотразимые, что, начав их, даже и сам хозяин не в силах остановить свою руку — столь стремителен и неотвратим путь разящего меча. И хоть ужас плеснулся в душе Гавейна, меч его свистнул и рассек тело леди, пытавшейся защитить мужа своего.

Стыд за содеянное, охвативший сэра Гавейна, был столь велик, что рука его уже не поднялась на хозяина замка, и сэр Гавейн даровал ему жизнь.

— На что она мне теперь? — вскричал тот, снова становясь грубым. — Что станет делать сэр Бламур Болотный с жизнью, в которой уже нет той, кого я любил более всего на свете?!

— Я думаю, — сказал сэр Гавейн печально, — что вы отправитесь ко двору короля Артура и расскажете о том, как ужасно поступил Рыцарь Белого Оленя — ибо такое имя возьму я себе в память об этом приключении.

И как только сэр Бламур отправился в Камелот, во двор замка вбежали четыре рыцаря и своими активными атакующими действиями выразили решительное осуждение недостойного поступка сэра Гавейна. Они бы тут же его и убили, не пощадив и брата его Гахериса, если бы вдруг не явились четыре дамы и не предложили бы с чисто женским коварством заменить смерть общественным порицанием.

По их указанию, ослушаться которого Гавейн под страхом смерти не решился, они с братом взяли тело несчастной леди (и голову ее тоже) и с ними отправились прямо в Камелот, ибо в этом приключении делать им было уже решительно нечего. И так они прибыли на **81**.

Сэр Тор вдруг сообразил, что, выполняя просьбу леди, он тем самым избавится от необходимости выполнять просьбу рыцаря, а тот, став мертвым, укорить его уже не сможет. Мысль эта понравилась сэру Тору своей исчерпывающей простотой, и он тут же воплотил ее в жизнь. Дама тут же вознесла ему горячую благодарность, ибо оказалось, что этот самый сэр Абелеус в свое время не пощадил ее брата, хотя она лично, стоя в грязи на коленях, его о том умоляла. Сэра Тора позабавил такой двойной переворот ситуации, и он выразил желание обсудить эти обстоятельства подробнее. Дама пригласила его в свой замок, где ее старик-муж ничуть не помешал ее уединенным беседам с напористым и сильным молодым рыцарем.

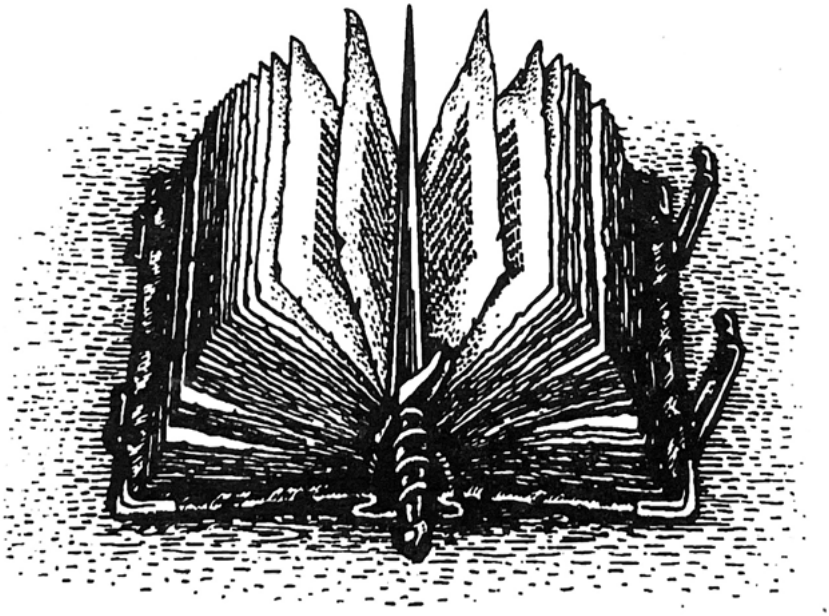
Расставшись с дамой на рассвете, сэр Тор повернул в Камелот и проехал к **79**.

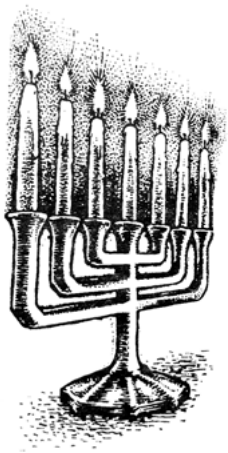
79

На перекрестке дорог сэр Тор, за которым карлик вез добытую с такими трудами собаку, встретил короля Пелинора, своего отца, понуро сопровождавшего леди Нимейю, также отвоеванную им в походе. Едучи рядом, отец и сын обменялись рассказами о выпавших на их долю приключениях, и каждый из них сделал выводы по своему разумению. Хотя, наверное, сын не до конца постиг всю глубину печали отца (с леди Алиной они были детьми от разных браков), а отец, как видно, не смог оценить все изящество того выхода, который нашел сэр Тор в трудном положении. Впрочем, отцы и дети не понимали друг друга и гораздо раньше, и много позже описываемых здесь событий — и это нисколько не мешало им следовать одной дорогой как ныне, так и прежде, во времена славных рыцарских походов. И вот так, бок о бок, достигли они **81**.

Но хозяин замка с яростным криком напал на Гавейна столь неожиданно, что сразу выбил из его рук оружие. Гавейн, используя все свое искусство воина, оборонялся, закрываясь щитом, однако долго так продолжаться не могло, ибо хозяин замка все более разъярялся и спастись от его могучих ударов становилось все труднее. Наконец, когда уже и щит дал трещину, Гавейну вдруг пришло в голову сыграть на чувстве рыцарского достоинства. Он отскочил в сторону, опустил щит и обратился к хозяину замка с речью, в которой старался пробудить в нем стыд и обрисовать тот позор, который, конечно же, обрушится на его голову, ежели он убьет безоружного.

На это хозяин замка только рассмеялся и сказал, что никакого позора не будет, ибо свидетелей не останется, поскольку раз уж он одолел самого Гавейна, то с младшим братом его Гахерисом он как-нибудь справится. Слова эти так поразили Гавейна в самое рыцарское сердце, что хотя хозяин замка и занес свой меч над его головой, Гавейн уж больше не поднимал щита до самой **69**.

81

На дороге в Камелот повстречались, наконец, все три рыцаря, отправленные королем Артуром в это сложное и запутанное приключение. Естественно, дотерпеть до самого Камелота они никак не могли и всю дорогу наперебой рассказывали друг Другу о своих похождениях. И им казалось, что от рассказа другу грусть становится не такой острой, а горе облегчается вполовину. И прямо с улицы, озаренной мягким вечерним светом, въехали они в большую залу Камелотского замка, где Артур и рыцари его ужинали за Круглым Столом.

И здесь, за ужином поведали рыцари своим собратьям о том, что уже известно тебе, читатель. И что ты скажешь на это? Так послушай же, что сказал на это Мерлин.

— Только дураки учатся на собственных ошибках, — сказал Мерлин, — и урок, преподанный одному и однажды, годится для всех и всегда. Поэтому вот вам правила рыцарского достоинства. Во имя славы Логрии, королевства праведности, не отступайтесь никогда от его высоких добродетелей. Не совершайте преступлений, убийств, не творите жестокости или злых дел; бегите от измены, лжи и бесчестия; щадите того, кто просит о пощаде, или никогда не садитесь больше за этот стол (тут кое-кто из рыцарей сильно удивился). И всегда оказывайте ту помощь, что в ваших силах, дамам и леди; оставляйте все свои дела, если хоть одна женщина в мире нуждается в защите вашей; сами же под страхом смерти или вечного бесчестия не причиняйте никакого зла женщине, не заставляйте ее страдать. И ни за что на свете не сражайтесь за дело несправедливое и неправедное.

— И каждый год на праздник пятидесятницы вы будете являться сюда, чтобы еще раз повторить эту клятву, — сказал взволнованный король Артур. — А я лично клянусь не приступать в этот день к трапезе, пока не явится нам что-либо, призывающее на рыцарскую дорогу подвига и приключений.

И все, разумеется, поднялись со своих мест и поклялись в том, что им предложили Мерлин и Артур, с чьим авторитетом в Логрии спорить не приходилось

После этого Мерлин неожиданно сообщил высокому собранию, что теперь должен покинуть их и спать где-то долгим сном, пока не придет назначенный срок создать новый круг логров на земле. И пользуясь общим замешательством, он вместе с леди Нимейей — той, что доставил в Камелот король Пелинор — медленно пересек залу и скрылся в направлении, которого почему-то никто не заметил.

Если ты желаешь следовать за Мерлином, то это недалеко — на **83**.

Если же тебя более привлекает то, что может затеяться вкруг Круглого Стола, тогда тебе больше подойдет **106**.

83

ерлин был человеком поистине странным. Только что он демонстративно покинул всех, казалось, навеки — и вот не прошло и суток, как он уже встретил в лесу короля Артура, который в одиночестве грустно размышлял — ах, какое совпадение! — как раз над прощальными словами мага.

— Я, собственно, проститься зашел, — объяснил чародей свое поведение. — И заодно предупредить вас хочу: берегите получше свой меч Экскалибур и волшебные ножны его... или я об этом уже говорил?., да, и остерегайтесь одной жестокой женщины, которая спит и видит, как бы похитить его у вас и вообще насолить вам любым способом. Однажды ей это удастся, ибо как раз сын ее, Злой Рыцарь поразит вас на поле Камланна. Правда, на это свершение уйдет вся ее злоба, и она, очистившись, придет к вам, чтобы вместе

с другими леди отвести вас в Авалон, А покуда другая из ваших будущих сопровождающих — леди Нимейя — погребет меня в земле заживо.

— Да зачем тебе это, Мерлин? — вскричал раздраженный Артур, — Вот ведь какой ты вздорный старикашка! В тот самый момент, когда ты, быть может, нужнее всего в королевстве, ты вдруг придумываешь себе какую-то особенную судьбу и заваливаешься дрыхнуть на бог знает сколько веков!

— Хорош же король, что не может обойтись без няньки! — огрызнулся Мерлин. — Да любой другой монарх, пользуясь моими пророчествами, уже привел бы народ свой к славе, а вы все еще стоите тут и пытаетесь найти лазейку, чтобы обмануть предначертания судьбы! Да ну вас, ей-богу! Идите-ка лучше своим путем и доказывайте свое достоинство без моей помощи!

Так и расстались, наконец, маг и чародей Мерлин и король логров Артур.

За кем из них зовет тебя последовать сердце? Если опять за Мерлином — то это на **86**. Если же за Артуром, то он теперь на **85**.

85

В те времена таинственные леса Южного Уэльса славились хорошей охотой, и король Артур, страстно обожавший это развлечение, отправился туда в компании со своим зятем, мужем Феи Морганы сэром Уриенсом и еще одним храбрым джентльменом сэром Акколоном Гальским.

Попался им, как ни странно, опять белый олень, но они не обратили внимания на странное совпадение и преследовали его, как обыкновенную дичь Олень же, однако, в оправдание своих чудесных свойств, завел их так далеко, что они напрочь заблудились в лесу, а кони их от усталости пали мертвыми прямо под своими седоками. Но охота пуще неволи, и сэры охотники продолжали упрямо двигаться за оленем, который с виду был так измучен, что должен был вот-вот даться им в руки.

Живым он, однако, им так и не достался — выбредя на травянистый берег, олень пал бездыханным, всем своим видом выражая глубокое осуждение варварской забаве и бесчеловечному отношению к животным. Тут только сэры охотники вернулись к действительности и обнаружили, что прямо к ним двигается небольшое судно, изукрашенное богатыми шелками. Команды на нем не было видно никакой, и тем не менее судно аккуратно причалило к берегу как раз возле трех охотников, измученных собственной пагубной страстью и только и мечтавших, что о хорошем привале.

Сэры рыцари посмотрели на короля, который, как старший по сану, должен был принять хоть какое-нибудь решение. Артуру же, в свою очередь, смотреть было не на кого, кроме как на тебя, любезный читатель.

Что ты присоветуешь королю:

Принять столь своеобразное приглашение и подняться на борт барки, которая отправится на **87**?

Или же приискать место для отдыха еще где-нибудь — ну хотя бы на **102**?

86

Мерлин, следуя лесами за леди Нимейей, оказался вскоре в землях Гвинеда, где правил король Пант. В тамошнем замке Мерлин имел беседу с женой короля, имя которой было Элейна.

— Чудесное у вас имя, — сказал он между прочим королеве. — Ему суждено дважды сыграть важную роль в судьбе рыцарства Логрии. И первый раз это уже произошло, когда у вас родился такой замечательный сын...

— Увы! — отвечала королева. — Хоть я и родила Ланселота, но с самой колыбели воспитывался он у Владычицы Озера, и она по сию пору сохранила немалое влияние на него. Я даже опасаюсь, что он почитает ее более, нежели родную мать...

— Это ему не повредит, — успокоил королеву Мерлин, — и со временем он станет лучшим из рыцарей Круглого Стола. Впрочем, его же сын затмит его, пожалуй, своей доблестью. Это ему, впрочем, знать ни к чему, а вот кое-какие наставления и советы на будущее он от меня получит.

И Мерлин благословил Ланселота и велел ему перед следующим праздником пятидесятницы отправляться ко двору короля Артура, чтобы просить посвящения в рыцари, ибо такова была последняя воля Мерлина, живьем сходящего в могилу.

Конечно, слова Мерлина были странны для короля Панта и королевы Элейны, однако с авторитетом великого мага спорить они не решились и обещали проследить, чтобы все исполнено было так, как предписал Мерлин.

Если теперь тебя снедает нетерпение и любопытство, можешь отправляться вслед за Мерлином на **88**.

Если же ты иногда умеешь выждать сейчас, чтобы вознаградиться потом, пережди год и вместе с Ланселотом езжай на **128**.

— Я расцениваю явление нам этой барки как начало приключения, — сказал король Артур своим спутникам. — Если других мнений нет, давайте же поднимемся на борт, ибо иначе наше промедление может быть расценено как трусость.

— Кем? — удивились в один голос сэры Уриенс и Акколон.

— Да хотя бы читателем! — вскричал король Артур, досадуя на их непонятливость. — О ком он, по-вашему, тут читает — о храбрых рыцарях или же о трусливых разбойниках, прячущих лицо от опасности и потому нападающих сзади?!

Возразить на это было нечего, и рыцари подчинились королевской воле.

Едва они взошли на борт, стремительно спустилась ночь, и тут же вдоль бортов сами собой зажглись факелы и ярко осветили палубу. Судно неслышно отошло от берега, зазвучала приятная музыка, воздух наполнился благоуханием редких цветов, и тринадцать прекрасных дам, появившихся на палубе, стали прислуживать рыцарям за обильным столом — словом, для них наступил рай земной, да и только.

Конечно, спутники разомлели после тяжкой охоты и усердных трудов за столом. Но и это, как оказалось, было предусмотрено их неизвестным благодетелем: каждому из них была приготовлена удобная и мягкая постель в богатой и просторной каюте. И хотя сэры рыцари могли обходиться в походах условиями куда более непритязательными, они не стали чураться гостеприимно предложенных им бытовых удобств и заснули удивительно глубоко и покойно.

Но если спалось всем троим одинаково хорошо, то проснуться им пришлось каждому по-своему.

При чьем пробуждении желаешь ты присутствовать?

Сэр Уриенс проснулся на **89**.

Король Артур открыл глаза на **92**.

Сэр Акколон пробудился на **94**.

Мерлин, быть может, и не последовал бы за леди Нимейей, но она столь чудно играла на волшебной уэльской арфе и пела такие замечательные песни заклинаний и колдовства, что даже многомудрый Мерлин не смог противиться ее зову и шел за ней, как послушная собачонка.

В назначенном месте леди Нимейя, не переставая играть, уселась под цветущим кустом белого боярышника, растения довольно редкого, а очарованный Мерлин прилег рядом с нею и голову свою положил ей на колени.

Тут леди свершила, наконец, то, зачем она сюда явилась, и навела вокруг Мерлина и куста девять кругов великого волшебства.

— Ну, вот и все, Мерлин, — сказала она, не боясь, что волшебник ее услышит — ибо он уже спал. — Ты был неплохим чародеем, пока надо было прорицать и лечить. Но теперь заступает время коварства, и тебе с твоей простой и прямой душой не справиться с ним. Ты был магом рыцарей, покуда они не поклялись подчиняться и угождать дамам, но теперь высшей силой стали женщины, и чтобы противостоять их интригам, надо их понимать, а мужчинам это никогда не удавалось Так спи же, Мерлин, до тех пор, пока твое светлое и честное колдовство вновь не понадобится миру, уставшему от лжи и лицемерия! А взамен тебя я отправлюсь на помощь королю Артуру, ибо сейчас он особенно в этом нуждается.

И здесь ты можешь навсегда расстаться с Мерлином и следовать за леди Нимейей на **100**.

Но можешь и попытаться выяснить для себя судьбу великого Мерлина, если не боишься попасть в его ужасное положение на **96**.

89

Наутро сэр Уриенс, проснувшись, обнаружил себя в Камелоте в своей постели возле собственной жены, которой была, напомним, колдунья Фея Моргана. Он спросонок решил, что всякие там олени, охоты и прочие развлечения ему просто приснились на почве неумеренных возлияний за Круглым Столом.

Жена его была на сей счет иного мнения, но разубеждать мужа не стала, и сэр Уриене, повернувшись на другой бок, захрапел далее.

Между тем жена его не дремала и воплощала в жизнь злодейские свои планы.

Она тут же кликнула одну из своих дам, коих было у нее без счета, и велела ей нести сюда, в опочивальню меч ее господина, ибо, с ее точки зрения, никогда не было более удобного случая, чтобы убить его,

— Сударыня, да что вы такое говорите! — возмутилась дама, которая была не простой прислужницей, а как бы даже леди. — Добро бы еще ради любви к другому лишить мужа жизни, но у вас же и любовников давно никаких нет — мужчины вас просто боятся! Что ж, вы так и отправите к праотцам единственного рыцаря, который пока еще делит с вами ложе?

— В этом замке думаю только я, решаю только я и приказываю тоже только я! — заносчиво ответила Фея Моргана. — А всем прочим надлежит покорно выполнять мои предначертания, ежели они не хотят в один прекрасный... один злосчастный день проснуться свиньями в хлеву. Но я ныне милостива сверх меры, а потому даже поясню смысл своих действий. В это самое время, как я полагаю, прощается уже с жизнью ненавистный брат мой, король Артур, ибо, наконец, удались мои козни. Нельзя же не воспользоваться такой ситуацией и не разрубить разом всех узлов! Ибо власть после Артура может перейти ко мне,

а сэр Уриенс в качестве короля логров представляется мне фигурой анекдотической. Я уж подыщу себе другого. Так что тащите меч, милочка, я и о вас не забуду!

Дама. не споря более, покинула опочивальню, однако прежде всего разыскала принца Увейна и передала ему приказание Морганы.

Дама хоть и побаивалась колдовства своей хозяйки, однако же авторитет Мерлина в Логрии был куда выше, предсказаниям его верили больше, и в народе полагали, что жизнь короля Артура сложится как раз так, как напророчил ему чародей, и поэтому все старания Феи Морганы — не более, чем мышиная возня в змеином болоте.

Сэр Увейн, однако, не полагался на одну лишь магию, сколь бы авторитетна она не была. Как-никак он сам был сыном колдуньи и по жизненному опыту знал, что крепкая рука значит иной раз не меньше изрядного колдовства. Поэтому он послал даму с отцовским мечом в опочивальню, а сам направился туда же тайными замковыми ходами. И когда Фея Моргана занесла меч над сэром Уриенсом, сэр Увейн выскочил из-за портьеры и перехватил ее руку.

— Ну, мать, ты даешь! — сказал он довольно грубо, поскольку ситуация не располагала к изящным комплиментам. — Это уж сверх всего! Я ж тебе не мешал другим пакостить, но отец-то чем виноват? Нет, ей-богу, у меня просто руки чешутся дать тебе как следует! Ты теперь того... поберегись, ибо сказано же, поднявший меч от меча и погибнет.

— Щенок! — отвечала ему неласково Фея Моргана. — И это твоя сыновняя благодарность за жизнь, которую я тебе подарила? Но ладно: раз ты не хочешь быть сыном королевы логров, ходи себе в простых рыцарях. А это дело замнем и будем считать, что это дьявол искусил меня, ибо демоны тьмы всегда готовы сбить с пути тех, кто знает об их тайном искусстве слишком много. Доволен, пащенок?

— А ну давай клянись на святом причастии! — крикнул на мать уязвленный сэр Увейн — А то я за себя не отвечаю!

Фея Моргана, видя такой накал страстей, клятву, конечно, принесла и позже, как ни странно, ее соблюдала. Но не оттого, впрочем, что считала слово сказанное святым и нерушимым — клятвопреступница она была, каких поискать — а потому лишь, что другие дела напрочь отвлекли ее от забот о судьбе сэра Уриенса.

Ибо тут как раз одна из ее дам пришла к ней с известием, что коварство ее и в другом месте дало осечку, и погиб вовсе не король Артур, а напротив, сэр Акколон, коего она на короля натравила, и король теперь отдыхает после трудной схватки в лесном аббатстве.

Фея Моргана женщиной была сообразительной и сразу поняла, что король не простит ей покушения на его августейшую жизнь ведь чьих рук это было дело, понять из обстоятельств ему было нетрудно И она быстренько покинула двор, сказав, однако, королеве Гиневре — конспирации ради — что отправляется на прогулку в лес на **102**.

Туда же лежит теперь и твой путь, читатель, как ты, наверное, уже догадался — не дурнее же ты Морганы, в самом деле!

92

Король Артур, пробудившись, вместо богатой каюты и мягкой постели обнаружил вокруг себя отвратительное сырое подземелье с гнилой соломой. К тому же камера оказалась общей, и вокруг стонали десятка два рыцарей, изнывая от жестокостей лишения свободы.

Король Артур, привыкший входить в нужды своих подданных, порасспросил рыцарей и узнал, что кое-кто из них томится здесь уже лет по восемь без суда и следствия.

— Какие ж, однако, беззакония творятся на подвластных мне землях! — воскликнул тут король Артур. — И кто же, интересно, повинен в этом?

— Да это все сэр Дамас, — отвечали ему рыцари, не переставая стонать. — Он, видите ли, злой человек и взял себе в привычку брать в плен всех. кто является в его замок...

— Знавал я одного человека, тоже имевшего привычку хватать всех встречных... — проговорил Артур задумчиво. — Но тот хоть был изрядный воин. А этот каков? Рыцарь ли он, боец или полководец?

— Ох, что вы, сэр! — отвечал один из рыцарей, на котором изоржавели уже все доспехи за исключением укрытого перьями шлема. — Он и сэр-то по названию только, а так вообще человек он бесчестный до крайности. У родного своего старшего брата, доброго рыцаря сэра Аутлейка отнял он обманом все земли и этот, изволите видеть, замок с подземельем.

— Ну и ну! — поразился Артур. — А что сэр Аутлейк, он тоже здесь, в темнице?

— Слава богу, нет! — сказал рыцарь без доспехов. — Есть у него еще один замок, унаследованный по женской, что ли, линии. Так вот оттуда регулярно посылает он поединщиков, чтобы бились они с рыцарями со стороны сэра Дамаса, поскольку считает, что самим братьям биться меж собой негоже.

— Неужели находятся рыцари, которые соглашаются служить злу и бесчестью? — поразился Артур.

— И премного, сударь, — печально сказал рыцарь. — А которые несогласные — так вот же мы, перед вами...

Тут вдруг появилась дама с лампою в руках и спросила:

— Который тут король Артур? На выход!

И когда король подошел к ней, она сказала ему:

— Сэр, вы будете освобождены и освободите также и всех этих рыцарей, если сразитесь за моего господина и одержите верх над тем рыцарем, которого пришлет сэр Аутлейк.

Трудный вопрос встал перед Артуром:

Ради освобождения невинных помочь неправому делу и отправиться на битву на **98**?

Или же отвергнуть гнусное предложение и тем самым лишить рыцарей надежды на освобождение, да и самому оставаться тут же, по крайней мере, до **97**?

Помоги королю Артуру принять правильное решение.

94

Пробуждение сэра Акколона Гальского было поначалу довольно приятным: очнувшись от своего заколдованного сна он неожиданно обнаружил, что лежит в ласковой прохладе внутреннего дворика. Однако уже в следующий момент он разглядел, что находится на самом краю глубокого колодца и не может ни вздохнуть, не пошевельнуться без риска найти свою смерть на его далеком дне.

Сэр Акколон был мужчина сообразительный и быстро смекнул, что своеобразием нынешнего положения обязан он прекрасным дамам на таинственном корабле и тут же в сердцах поклялся — мысленно, конечно, чтобы не искушать судьбу — убивать подряд всех женщин, которые занимаются черным колдовством и зловредной магией. При этом он не забыл отметить, что для исполнения клятвы ему необходимо как минимум спастись.

Словно подслушав его мысли, во дворе появился безобразный карлик, чья безносая большеротая морда походила скорее на жабью, и сделал сэру рыцарю следующее деловое предложение:

— Тут одна дама предлагает вам выбор между смертью и любовью. Не угодно ли обсудить условия?

В любое другое время сэр Акколон, конечно, вознегодовал бы, и оттого досталось бы и карлику, и пославшей его даме. Однако объективные обстоятельства не позволяли ему вести себя соответственно своему темпераменту, и он без лишних слов и резких движений выразил свой интерес к такого рода сделке.

— Вам всего и надо-то, — сказал тогда карлик, — в честь дамы поразить насмерть одного незнакомого рыцаря. Дело это, в общем, плевое, потому что биться вы будете собственным непобедимым мечом короля Артура. Конечно, если вы боитесь...

— Ничего я не боюсь, — отвечал сэр Акколон шепотом, — но что это за дама и чем насолил ей неведомый мне рыцарь?

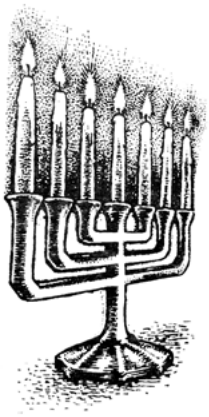
— Дама эта, между прочим, Фея Моргана, за которую вы как то, помнится, поклялись сражаться. А противник ваш выступит на стороне сэра Дамаса, сильно досадившего сэру Аутлейку, в судьбе которого Фея Моргана принимает большое участие. Если вы согласны, то вон стоит сэр Аутлейк с оруженосцами, и они вас сейчас же оттащат от колодца, накормят и снарядят к битве. Если же нет — что ж, разглядите свою судьбу в глубинах этого колодца или же в не менее глубоких подземельях этого замка.

Трудный выбор встал перед сэром Акколоном. С одной стороны, битва — дело самое что ни на есть рыцарское, тем более — ради дамы. С другой стороны, Фея Моргана была из тех как раз колдуний, коих сэр Акколон только что поклялся истреблять без пощады. Свидетелей клятвы, правда, не было, а Фея Моргана, по словам карлика, за победу в поединке сулила рыцарю брак с нею и власть над землями Горров, ибо муж ее, тяжко раненный предателем, как раз лежит при смерти.

И сэр Акколон, посоветовавшись с тобой, читатель, решил...

...С радостью принять предложение и отправиться на битву на **98**.

...С негодованием отвергнуть сделку и вверить себя судьбе на **97**.

96

Мерлин, словно в волшебном сне, который реальнее любой яви, поднялся на ноги и спустился по узкой лестнице, которая внезапно открылась в земле прямо перед ним. Глубоко под землей в огромной и мрачной пещере под непоколебимой скалой улегся он на большую каменную плиту, подобную столу для великих трапез, и заснул сном глубоким и беспробудным. И сила магии леди Нимейи закрыла проход в эту пещеру и погребла Мерлина заживо в его темной могиле. Там он и будет лежать до дня своего пробуждения, когда все до времени спящие проснутся и на острове вновь образуется круг логров. Но когда это будет, неведомо никому из смертных, как неведомо и то, где же спит великий маг и волшебник, и как можно сыскать его и разбудить.

Вот теперь с Мерлином действительно все, и если ты хочешь узнать, как повела дальше дела наследница его магии леди Нимейя, вернись-ка на **88** и там спроси, куда она оттуда направилась. Но если ты так нетерпелив и хочешь по-быстрому узнать, чем же завершился этот круг логров — тогда ступай отсюда прямо на **318**. Но уж назад не возвращайся, ибо иначе попадешь ты в положение великого Мерлина, который, зная все наперед, словно читал хорошую книгу с конца и должен был печалиться за каждого, кто полагал себя хозяином судьбы, а был на деле лишь жалкой игрушкой в ее руках.

И в подземелье замка встретились король Артур и сэр Акколон Гальский. Мрачные стражи приковали их цепями к сырым стенам и замуровали выход.

— Горе мне! — вскричал в тоске Артур. — И зачем так полагался я на пророчества этого старого болтуна Мерлина! Я ведь и вправду поверил, что буду сражен лишь в долине Камланна и потому во всех других местах полагал свою жизнь в безопасности и заботился исключительно лишь о рыцарской чести своей. И что вышло?

— Ничего хорошего, — констатировал сэр Акколон. — Хотя вот я не получал никаких особых сведений от Мерлина, ни на что особенно не надеялся — и все же разделяю вашу судьбу, мой король. Из чего я заключаю, что бороться против зла бессмысленно, раз оно все равно одерживает верх

— О, эти слова разбивают мне сердце! — застонал Артур. — Значит, ни к чему был Круглый Стол и клятва его рыцарей? В таком случае, мне, кажется, лучше умереть...

— Ну, об этом позаботились за вас, мой король, — сказал сэр Акколон печально. — Потому что некому спасти нас, ибо никто не знает, куда это мы с вами запропали с рыцарских дорог.

— Но тогда, — просветлел лицом Артур, — никто же и не узнает, что мы ушли из жизни. И в народе будет жить поверье, что король Артур где-то спит долгим сном и еще явится в этот мир, когда придет время... Нет, ей-богу, Мерлин был не так глуп! Хотя я, признаться, понял его превратно, за что и расплачиваюсь ныне.

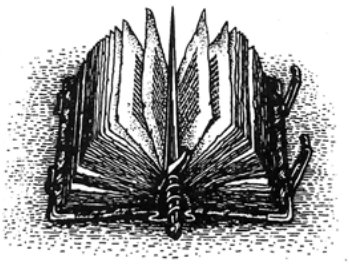
И в скором времени оба доблестных рыцаря тихо зачахли и отошли в мир иной. Так осуществилась злая воля Феи Морганы, а к чему это привело — описано на **51**.

И вот на зеленом лугу меж замками встретились два рыцаря, оба в доспехах, лишенных гербов и иных опознавательных знаков, оба с опущенными забралами и оба, как ни странно, вооруженные замечательными мечами Экскалибурами — ибо королю Артуру перед схваткой так же, как и сэру Акколону, вручен был сей чудесный клинок. Однако когда дошло дело до сечи, выяснилось, что мечи только похожи, но отнюдь не одинаковы, ибо меч Артура противнику вреда не причинял, а меч Акколона при каждом ударе пробивал насквозь доспехи короля.

Трудно сказать, после какого именно удара понял, наконец, Артур, что Экскалибур в его руке — фальшивый, а настоящим рубит его в капусту Акколон. Открытие это привело короля в ярость столь бурную, что от гневного его удара сэр Акколон повалился наземь, а меч Артура разломился на несколько частей. И теперь Артур, мало того, что израненный жестоко, остался с одним щитом в руках против вооруженного волшебным мечом противника. Исход схватки был, казалось, предрешен...

Однако в мире, по счастью, не одно лишь злое колдовство вершит судьбами, но и светлая магия иной раз приходит на выручку, когда иных надежд уже и не осталось — что, собственно, и произошло на **100**.

100

Леди Нимейя явилась на поле боя как раз тогда, когда сэр Акколон, вооруженный мечом Экскалибуром, бесчестно накинулся на короля Артура, снаряженного одним лишь щитом.

Конечно, король Артур мог бы усовестить рыцаря тем, что сразить практически безоружного — это не великая честь, а, напротив, изрядный позор. Однако, потеряв в жестокой схватке кровь и силы, королевского достоинства Артур не потерял и не стал унижаться перед рыцарем, недостойным этого звания. Он кинулся навстречу своему противнику, отразил удар его меча щитом и, в свою очередь, рукоятью своего сломанного меча так ударил поперек забрала сэра Акколона, что тот отлетел шага на три.

Тут к делу подключилась леди Нимейя, обещавшая Мерлину помогать королю Артуру, и ее волшебными стараниями с сэра Акколона сорвались и упали на землю ножны, которые Артур без промедления схватил и пристегнул к своему поясу. С этой минуты король как будто стал почти неуязвим, как и сулил ему в свое время Мерлин. Однако леди Нимейя была волшебницей старой школы, и начав дело, делала его основательно и до конца доводила собственными силами, не слишком-то полагаясь на волшебство других. Поэтому она устроила так, что вслед за ножнами сэр Акколон выронил и меч.

Артур своего и тут не упустил, и чудесный меч Экскалибур вновь оказался в руке подлинного своего хозяина. И сэру Акколону тут же было воздано по заслугам, и от одного только удара опрокинулся он на землю, и кровь хлынула у него изо рта, носа и ушей сразу.

Во власти Артура было нанести тут же и последний удар, несущий свободу двадцати рыцарям подземелья, однако он повременил с этим. Схватка далась ему нелегко, и он желал знать, что же за рыцарь доставил ему столько хлопот и переживаний. На доспехах, повторяем, указаний

не было никаких, забрала обоих шлемов магическим образом не поднимались, и Артуру не оставалось ничего иного, как спросить имя у самого рыцаря.

— Акколон я, Гальский, — захлебываясь кровью, отвечал поверженный рыцарь, — При жизни был я рыцарем короля Артура, а теперь видно, буду только прахом, ибо когда-то поклялся я не сдаваться живым, и клятвы этой своей не нарушу — довольно нарушал я других клятв. И раз уж вы, доблестный и удачливый мой противник, последний, с кем говорю я на этом свете, то знайте, что погиб я ради Феи Морганы, с которой мы любили другу друга».

— Так я и знал! — вскричал Артур, опуская меч. — Сестрица моя в своем репертуаре! Аведь предупреждал же меня старый Мерлин». Ну, ничего! Дайте мне только окрепнуть от ран, и этой колдунье достанется на орехи, несмотря на всю ее магию!

— Как рад я, о мой король, — простонал сэр Акколон, узнавая тут Артура, — что именно вы исполните мою мысленную клятву карать женское коварство! Ибо теперь презираю я ту любовь, которая коварно заставила нас скрестить мечи!

И с этими словами сэр Акколон умер, несмотря на все великодушие короля Артура.

Король Артур прямо на поле боя помирил сэра Дамаса и сэра Аутлейка, чья глупая распря принесла много горя людям совершенно посторонним. Сэр Дамас тут же выпустил всех пленников из своих подземелий, сэр же Аутлейк, напротив, своих придержал, чтобы избежать резкого повышения уровня преступности в стране.

Вслед за этим израненный в схватке король Артур в сопровождении леди Нимейи отбыла лесное аббатство на **102** для поправления здоровья и общего отдыха отдел государственных и рыцарских подвигов.

102

И вот король Артур прибыл в лесное аббатство и остановился там на отдых и излечение. И там же оказалась вскоре и Фея Моргана, которая как раз спасалась от королевского гнева.

Случай был редок, и колдунья, разумеется, не устояла перед соблазном насолить напоследок братцу-королю.

По праву сестры проникла она в опочивальню спящего Артура. Король, помня о кознях врагов, спал с обнаженным Экскалибуром в правой руке.

Однако ножны стояли поодаль у кресла. Моргане пришлось удовольствоваться малым, и она, пряча ножны под плащом, покинула опочивальню и вообще аббатство в целом, чтобы продолжать скрываться от родного брата и его немилости к ней.

Проснувшись, Артур, конечно, обнаружил пропажу ножен и устроил королевский разнос персоналу замка.

Король был крайне недоволен тем, что меч теперь придется всюду таскать обнаженным, провоцируя тем самым встречных задиристых рыцарей на напрасные схватки, и при этом он как-то упустил из виду, что без волшебных ножен он будет теперь так же уязвим, как и простой рыцарь.

Впрочем, и без того гнева его хватило, чтобы, не дожидаясь полного восстановления сил, в сопровождении сэра Аутлейка броситься в погоню за злонравной сестрой-колдуньей.

Фея Моргана и безо всякой магии смекнула, что спасения ей теперь не будет. Тогда первым делом решила она избавиться от улики и утопила ножны в каком-то лесном озере. И когда погоня почти настигла ее в каменистой долине, она силой чародейства превратила себя и спутников своих в камни. А с Артуром не оказалось, к несчастью, леди Нимейи, которую он услал уже в Камелот и которая, уж конечно, смогла бы отличить обратившуюся в камень Моргану от простых гранитов и гнейсов. И пришлось Артуру ограничиться тем,

что наудачу попинать каждый десятый камень рыцарским сапогом и с тем воротиться к себе в Камелот, где его королева Гиневра и рыцари Круглого Стола уже заждались, пожалуй, своего короля.

И вечером того же дня в большом зале королевского замка была устроена, конечно, трапеза, и в самый разгар ее, когда Артур как раз рассказывал со смехом и неприличными шутками о напрасных происках Феи Морганы, явилась некая дама благородной наружности.

— Дьявол искушающий, — обратилась она к королю Артуру, — оставил, наконец, госпожу мою Фею Моргану. В связи с чем она приносит вам свои официальные извинения, просит прощения за прошлое и обещает не вредить вам в будущем. А в знак любви и примирения шлет она вам эту вот мантию, столь прекрасную, что надевший ее однажды никогда уже более не будет страдать от болезней, боли и вообще всего зла земного.

Мантия действительно была хороша на диво и роскошью украшений своих годилась и вправду только королю. И король Артур...

...с радостью принял подарок раскаявшейся сестры на **105**.

...обратился за советом к леди Нимейе, как специалистке по вопросам доверия колдуньям и волшебницам, и получил от нее консультацию на **104**.

104

— Черного кобеля не отмоешь добела, — сказала королю леди Нимейя. — Не хотелось бы мне хаять королевскую сестру и коллегу по профессии, однако безопасность государства важнее родственных сантиментов. Поэтому я бы предложила сначала испытать действие сией чудесной мантии на комлибо менее ценном, чем единственный наш монарх — ну вот хотя бы на этой посланнице Морганы.

Король нашел это рассуждение вполне здравым и лишенным даже налета мистических предрассудков. Однако дама отчего-то воспротивилась испытанию.

— Негоже возлагать королевскую мантию, — сказала она в объяснение своей позиции, — на недостойные ее плечи! Может быть, королева Гиневра...

— Королева у нас, небось, тоже одна! — отрезал посуровевший от нехороших подозрений Артур. — Надевай!

Дама с обреченным видом накинула на себя мантию, и тут же яркая вспышка озарила зал, и с громким треском и преизрядной вонью дама вместе с мантией обратилась в кучку угольев и пепла,

— Вот уж действительно не чувствовать ей больше боли! — заключил Артур, пытаясь смехом прогнать тревожное воспоминание о том, что сам он чуть было не поддался очарованию отделки и не подставил под мантию свои собственные плечи.

И с тех пор Фея Моргана никогда уже более не ступала на землю логров, а проживала в своем замке в земле Горров, который сильно укрепила на тот случай, если королю Артуру вздумается по-родственному проведать сестренку.

Впрочем, у короля были развлечения поинтереснее, и к одному из них ты можешь приобщиться на **106**.

105

— Сколь же велика сила раскаяния сестры моей Морганы, — возгласил Артур во всеуслышание, — что она, при всей ее скупости, отрывает от сердца вещь столь драгоценную! Пусть же и великодушие моего прощения соответствует радикальности ее исправления!

И с этими словами, сойдя со своего кресла, король логров подставил свои плечи под великолепную мантию.

Однако Артур забыл, что нет при нем более волшебных ножен, охраняющих здоровье его и самою жизнь. И еще не вспомнил он, оторвавшись от народа, народную мудрость, гласившую, что «черного кобеля добела не отмоешь». И упустил он также из виду и то, что зло расчетливо и предусмотрительно, и никак не могла поэтому и впрямь исправиться злая колдунья Фея Моргана. Ведь тогда не осталось бы более в Британии достойных представителей этой ветви магии, и ничьих козней не надо стало бы с тех пор опасаться и избегать славным рыцарям — и разве не стало бы это безоблачно-деморализующее существование большей угрозой для рыцарства логров, чем какие бы то ни было битвы и походы? Конечно, даже и при всем своем коварстве и злобности никак не могла Фея Моргана действительно добиваться конца всего рыцарства Логрии, ибо при этом сама она тут же осталась бы без работы и вскоре зачахла бы с тоски. Нет, во всем нужна мера, и если уж и вправду могла перековаться Фея Моргана, то лишь частично — на словах, а не на деле.

Вот потому-то, лишь только накрыла мантия Артура, как грянул гром, полыхнул огонь и король логров был испепелен на месте, а пепел его тут же развеян был внезапно налетевшим ветром.

Однако магическое дарование Феи Морганы сильно уступало ее злобности, и не обладала колдунья к тому же предвидением в Мерлиновских масштабах, и оттого привело ее деяние к тем последствиям, что описаны на **51**.

106

риключений у Артура хватало и после того, как он установил мир в Британии, ибо одно дело — разбить в сражениях внешних врагов, и совсем другое — установить в стране повседневный внутренний порядок. Трудности государственного управления иной раз так допекали короля, что он лично брался за оружие и отправлялся воевать какого-нибудь великана горы Святого Михаила, или Кота Лозанского или даже императора Луция.

Однако куда больше приключений выпадало все же на долю рыцарей Круглого Стола, ибо, с одной стороны, у них и занятия-то никакого другого не было, а с другой, полторы сотни доблестных воинов все же способны управиться в конечном итоге со значительно большим ассортиментом подвигов, нежели один, будь он хоть самый распрекрасный за всю историю Логрии.

Впрочем, количественный подход мало что решает в таком сложном деле, как рыцарский подвиг. Можно годы напролет шляться по дорогам и колотить встречных чем ни попадя и все же оставаться в безвестности, а можно за всю свою боевую биографию ввязаться всего-то в пару-тройку ярких эпизодов и тем обессмертить свое имя. И тут немало решает не только личная доблесть, но еще и особое чутье на качество грядущего приключения, и быстрая, бойцовская реакция в выборе единственно необходимого решения.

Пожалуй, всем этим в полной мере обладал сэр Гавейн, что можно отнести на счет крови — ведь он был племянником королю Артуру. Впрочем, одно родство никакого преимущества еще не дает, ибо вот, скажем, сэр Мордред, тоже Артуру не чужой, никакой особенной доблестью никогда себя не проявлял и если и сумел войти в историю Логрии, то благодаря совершенно другим своим качествам. Или, допустим, сэр Кей, бахвал и неудачник... А-а, да что там!

Докапываться до истоков подлинно рыцарских свойств — задача неблагодарная. Если, положим, успехи Артура или Ланселота можно хоть как-то объяснить своеобразием полученного ими в юные годы воспитания, то уж подавляющее большинство других рыцарей особенных различий в условиях жизни не имели, а все же выдались на удивление разными по качествам как боевым, так и моральным. Только и остается сказать, что они, мол, такими прямо и родились. А уж как они воспользовались полученными от рождения капиталами, это разговор особый. И попавшийся нам на язык сэр Гавейн — пример тут хоть куда.

Король Артур праздники обычно справлял в Камелоте, и при этом завел он обыкновение не приступать к трапезе до тех пор, пока не услышит рассказа о каком-либо рыцарском свершении или пока новый, а лучше оригинальный подвиг не позовет его рыцарей.

И вот как-то на рождественские торжества, а именно в день Нового Года сидели себе рыцари вкруг Круглого Стола — сидели молча, поскольку как-то вот не оказалось

ни у кого рассказа, достойного начать трапезу. И в этой тишине внезапный стук подков о каменную мостовую разнесся поступью самой судьбы.

Странен был вид человека, явившегося в столу в качестве призыва к подвигу, и что-то жутковатое виделось в его облике даже привычным к великанам и драконам рыцарям. Был он могуч и высок, что, в общем-то, среди рыцарей не в диковинку, но был он к тому же и зелен с головы до ног не только одежда и снаряжение его отливали изумрудом, но того же оттенка был и собственно рыцарь, если можно так назвать зеленобородого человека, восседавшего на зеленом огромном коне.

— Вот знак мира, если кто еще не понял! — зычно крикнул Зеленый Рыцарь, бросая на мозаичный пол залы могучий сук, сломленный с дерева падуба. — Это я к тому, чтоб вы не вздумали лезть в драку — никому здесь против меня не выстоять и двух ударов! Но одним ударом я готов обменяться с любым, кто сочтет себя достаточно смелым для этого.

Столь недвусмысленный вызов не вызвал, однако, большого энтузиазма у рыцарей, прибывших к столу вовсе не для потасовки.

— Хороши бойцы! — хрипло рассмеялся Зеленый Рыцарь. — Ладно, я готов пойти даже на льготные условия. Вот мой топор зеленой стали, и от него я приму назначенный мне удар, не защищаясь, куда бы он меня ни поразил. А свой ответный удар нанесу я ровно через год и один день — если, конечно, смогу.

Но даже и такая поблажка не придала решимости рыцарям, ибо уж больно необычен был предложивший ее человек, и явно крылось тут какое-то непонятное колдовство. А опыт общения со злыми волшебниками у многих уже отбил охоту кидаться в бой, очертя голову.

— Я, случаем, не сбился ли с дороги? — насмешливо спросил Зеленый Рыцарь. — Разве это Круглый Стол и люди вокруг него — доблестные рыцари короля Артура? Иначе

что же мешает им ударить топором безоружного и беззащитного — пресловутая рыцарская честь или обыкновенная человеческая трусость?

— Так, — сказал тогда король Артур, — вы, я вижу, не понимаете законов гостеприимства и не уважаете дом, под крышу которого явились незваным гостем. Тогда придется мне, как хозяину, принять нахальный ваш вызов и поставить вас на место тем позорным для рыцаря ударом, которого вы так домогаетесь, пусть даже он отправит вас на кладбище!

При этом король обвел гневным взглядом своих рыцарей, ставших вдруг столь нерешительными, но те отводили взор. И лишь один Ланселот (как он тут появился, мы расскажем как-нибудь в другой раз), только один отважный Ланселот не прятал глаз, ибо все смотрел и смотрел он на королеву Гиневру.

Если тебя больше интересуют взгляды Ланселота на королевские достоинства, а так же к чему приводят подобные точки зрения, отправляйся выяснять это на **256**.

Если же ты не успокоишься, покуда не узнаешь, чем кончилось дело с Зеленым Рыцарем, тебе больше подойдет **110**.

110

Тут, как видно, сэр Гавейн, наконец, решил, что бьет его звездный час и взял инициативу в свои руки.

— Я думаю, — сказал он, поднимаясь со своего места за Круглым Столом, — что старый позор мой не переломит мне хребта, если к нему добавится еще и новый. Позвольте же мне, возлюбленный дядя мой, вместо вас проучить этого наглеца, ибо топор его. похоже, придется мне по руке.

— Что ж, я полагаю, племяннику короля Артура вполне можно доверить не только оружие и жизнь, но и целое королевство, — ответил на это Зеленый Рыцарь, посмотрев почему-то на сэра Мордреда, тихо сидевшего на своем месте, — Если вы обещаете мне нанести всего лишь один удар и встретить такой же с моей стороны через двенадцать месяцев — то вот вам мой топор и вот перед вами моя шея.

— Я принял ваш вызов — чего ж еще? — сказал недовольно сэр Гавейн, принимая тяжелый топор с лезвием зеленее травы и взмахивая им для пробы.

Зеленый Рыцарь кивнул и опустился на колени, отбрасывая свои длинные волосы, чтобы обнажить под удар шею.

Сэр Гавейн размахнулся как следует и...

И загляни в его душу, как в свою, и попробуй определить, чего же хочет он больше:

Действительно помериться силами с могучим и загадочным противником, каким показался ему Зеленый Рыцарь, и тем подтвердить свое рыцарское достоинство (на **112**)? Или только осадить наглеца, дерзнувшего поносить рыцарей — его собратьев по Круглому Столу (на **111**)?

...И Гавейн, страстно желая смертью наказать наглеца, ударил его так, что голова Зеленого Рыцаря легко отделилась от тела и упала прямо на середину Круглого Стола. Глаза ее полуприкрылись, а рот изогнулся в презрительной усмешке, и над залом разнеслись тяжелые слова:

— Знай же, о Гавейн, который мог стать доблестным рыцарем логров, что скорее мертвец оправится от твоего удара, чем сам ты оправишься от своего позора. Ибо послан я ко двору Артура Феей Морганой, дабы подвергнуть сомнению силы и чистоту помыслов его рыцарей. И ты, Гавейн, ударил меня не из желания испытать себя, но из одного лишь гнусного стремления убить. Так позор же тебе вовеки, жестокий Гавейн, убивший безоружного — ибо так только и станут называть тебя отныне! И позор Круглому Столу короля Артура, принимающего у себя таких рыцарей!

С этими словами голова закрыла глаза и обратилась во прах, и тело рыцаря, до той поры прочно стоявшее на ногах, покачнулось, рухнуло на пол и рассыпалось пылью.

Окаменевший, стоял сэр Гавейн посреди зала, ибо чуял он в предсмертных словах Головы Зеленого Рыцаря неопровержимую истину.

Однако все же был рыцарем сэр Гавейн и не пожелал смириться с мрачным пророчеством, а с того дня только и искал, как восстановить ему доброе свое имя. И такая возможность представилась ему однажды на **310**.

...И вложив всю свою силу, Гавейн ударил так, что острое лезвие, не задержавшись, прошло сквозь тело и кости и рассекло одну из плит каменного пола, а зеленая голова Зеленого Рыцаря скатилась с зеленых его плеч.

Но кровь, против ожидания, не ударила фонтаном — ни зеленым, ни красным, а само тело Зеленого Рыцаря не упало и даже не покачнулось.

Напротив, оно сохранило необыкновенную живость и ловко поймало свою голову на лету, не давая ей набить посмертных шишек на жестком полу.

Вслед за тем тело с головой в руках лихо вскочило в седло и, развернув зеленое лицо к Гавейну, сказало все тем же зычным голосом, который не изменило даже рассечение голосовых связок:

— Я — Рыцарь Зеленой Часовни, и под таким именем знают меня в Уэльсе и лесах Вирраля. Там вы и найдете меня через год, доблестный Гавейн, если слово ваше окажется так же крепко, как рука, столь замечательно владеющая топором.

С этими словами свежесрубленный всадник без головы галопом унесся из зала, оставляя гостей в полном замешательстве до конца праздника, а Гавейна наедине с невеселыми думами на целый год, по истечении которого он решил...

...Что исполнять обещание, данное не человеку и не рыцарю вовсе, а колдовскому чудовищу, совершенно не обязательно, и с легким сердцем отправился на **114**.

...Что слово есть слово, кому бы оно ни было дано, и поехал исполнять его на **115**.

114

И был сэр Гавейн столь весел и беспечен оттого, что так ловко разрешил он трудную проблему, что не страшился буквально никакой опасности.

И совсем неподалеку от Камелота, когда проезжал он по лесу, вдруг повалилось на него совсем Крепкое еще на вид дерево, сшибло с коня и перебило рыцарю шею — по странному совпадению, в том же самом месте, в которое год назад недрогнувшей рукою направил он свой удар Зеленому Рыцарю.

И понял тогда сэр Гавейн, что бороться с судьбой можно лишь с открытым забралом, честно и без обмана, а уловками не спасешь не чести, ни совести, ни самой жизни.

Но слишком поздно понял это рыцарь — всего лишь за миг до того, как свалилось на него роковое дерево падуб, отправившее его до срока на **69**.

115

И мрачной суровой зимой прибыл сэр Гавейн к северному морю, оставив в стороне Англесейские острова, и оказался у прохода к Святой Голове, возле колодца святого Винифреда на берегу дикой реки Дий. Места здесь были настолько глухие, что всякий встречный оказывался грабителем либо злым человеком, я сражаться сэру Гавейну приходилось не переставая, что как-то отвлекало его от невеселых дум.

А Зеленый Рыцарь и его Зеленая Часовня все никак не отыскивались, и сэр Гавейн заопасался уже было, что придется ему нарушить свое слово, ибо в то время в стране хоть я была кое-какая география, но приличных карт местности не было ни одной. И вдруг — было это в самый сочельник — прямо перед ним открылся замечательный парк и прекрасный замок на холме.

Хозяин лично вышел встретить Гавейна и предложил ему погостить у него на рождество. Высокий и сильный, с открытым и честным лицом, хозяин замка так пришелся по душе сэру Гавейну, что тот не заставил себя долго упрашивать. И он не пожалел об этом: хозяин был радушен и приветлив, стол его — обилен и разнообразен, а вина — крепки и приятны.

Но всего лучше была, конечно, хозяйка — леди, очарованием своим превосходившая, пожалуй, даже королеву Гиневру, а уж той-то не находилось еще равных среди женщин логров. И сэр Гавейн был бы рад остаться в этом замке подольше, если бы не тревожила бы его постоянно мысль о неисполненном пока долге.

До Нового Года оставалось всего ничего, и Гавейн решил откланяться, спросив у хозяина, не знает ли он дороги к Зеленой Часовне. Оказалось, что часовня эта стоит от замка всего в двух часах езды, и Гавейн, таким образом, получил еще три дня отдыха, которые хозяин просто обязал его провести в замке.

— У меня тут недурная охота, — сказал хозяин замка, — но вы, как мне кажется, не большой любитель таких развлечений.

— Признаться, после того Белого Оленя меня что-то не тянет гоняться за зверьем, — признался Гавейн.

— Я так и думал, — кивнул хозяин. — Тогда на охоту я поеду один, а вы оставайтесь здесь и делите досуг с моей женой.

На это сэр Гавейн согласился с величайшей радостью, ибо леди была столь же умна, сколь и прекрасна.

И действительно, назавтра беседа их была столь же содержательна, сколь и продолжительна, ибо началась она утром, когда леди неожиданно явилась к Гавейну прямо в опочивальню, а закончилась лишь незадолго перед возвращением хозяина. Леди при этом произнесла столько слов любви, что их хватило бы на пылкие признания всем рыцарям Круглого Стола, однако Гавейн был сдержан и учтив и не позволил себе ни одного лишнего слова, а не то чтобы даже жеста.

— Вы благородны и воспитаны, мой любезный гость, — сказала ему на прощание леди, — но неужели вы сможете огорчить даму, не дав ей прощального поцелуя, раз уж чего другого от вас ей, видно, не дождаться?

— Да ради бога! — ответил на это Гавейн. — Вот вам поцелуй и было б, конечно, и много другого, если бы не были вы супругой человека столь достойного.

За ужином Гавейн разрывался между желанием честно рассказать хозяину об обстоятельствах своей беседы с хозяйкой и опасением уронить честь дамы столь прекрасной. Потом, заключив, что ничего, в сущности, н не произошло, он уже спокойно воздал должное трапезе.

На следующий день, однако, оказалось, что хозяйка не выкинула давешнюю блажь из головы. Она вновь появилась в опочивальне сэра Гавейна и теперь повела свои речи еще более пылко, сидя на его постели. И Гавейну, наверное,

впервые в жизни понадобилось все его мужество, чтобы устоять... улежать...удержаться. И все же пару поцелуев на прощанье она с него сорвала.

Возвращение хозяина лишь усилило терзания Гавейна. Однако он сообразил, что, рассказав хозяину обо всем лишь теперь, он вряд ли сможет объяснить внятно, отчего промолчал он вчера. К тому же сэр Гавейн далеко не был уверен, что хозяин поверит, будто у него достало сил устоять перед совершенствами леди. Поэтому он решил отложить такой разговор до совсем уж крайнего случая.

Как раз такой случай ждать себя и не заставил. Назавтра, в самый канун Нового Года, когда хозяин вновь укатил на свою окаянную охоту, леди буквально ворвалась к Гавейну и, рухнув в его постель, начала дело прямо с поцелуев. Гавейн закусил губу, сцепил руки за головой и призвал себе на помощь бога короля Артура и все рыцарство Логрии, чтобы выдержать такой натиск страсти.

— Ледышка вы, а не рыцарь! — поддела его дама. — Разве учтиво по отношению к леди не поддерживать беседу, в какой бы форме она ни велась?

— Леди! — отвечал Гавейн сквозь стиснутые зубы. — У вас, кажется, уже есть собеседник для разговоров такого толка, так прилично ли мне вмешиваться в наш диалог?

— Привычные собеседники наскучивают, — махнула рукой дама. — А кроме того, может быть, вы знаете что-нибудь новое или глубже разбираетесь кое в чем старом? Отвечайте же и не прикидывайтесь более немым или скудоумным!

И как же должен теперь поступить Гавейн в ситуации столь критической?

Следует ли ему гнуть прежнюю свою линию к **118**?

Или пора перестать издеваться над дамой и дать ей, наконец, то, чего она с таким жаром добивалась, на **119**?

— Я, в конце концов, и обидеться могу! — отвечал Гавейн раздраженно. — И если вы не в курсе, то могу сказать, что мне как-то уже приходилось поднять руку на даму, и второй раз это может случиться по вашей вине!

— Ответ, достойный рыцаря! — язвительно отозвалась леди. — Что ж, если уж мне от вас ничего не получить, то я сама дам вам то, что захочу!...

Сэр Гавейн в ужасе шарахнулся от настырной дамы и заметался по комнате в поисках меча.

— Успокойтесь, отважный Гавейн, отваживающий дам! — сказала ему леди. — Дам-то я вам всего лишь вот этот зеленый шнурок из моего пояса. Носить его и помнить обо мне вы, по крайней мере, способны?

— Где бы это я стал его носить! — проворчал Гавейн, успокаиваясь понемногу. — Я ж не Зеленый Рыцарь и к моим доспехам цвет этот никак не подходит...

— А не обязательно всем показывать, что вы пользовались моим расположением! — сварливо заметила леди. — Носите его хотя бы тайно и помните, что пока на вас этот шнурок, никто не сможет вас убить, даже и всей силой всех магий на земле. Ну что, берете вы эту безделицу в обмен на прощальный поцелуй?

В самом деле, взять ли Гавейну шнурок с собой на **121**...

...Или отправиться без него на **125**?

119

Сердце Гавейна разрывалось от переполнявших его чувств, а тело уже не могло противиться желанию, и он раскрыл свои объятья навстречу леди, и она пала ему на грудь, и они сошлись на одном ложе в схватке жаркой, но не жестокой и единственной, не лишающей жизни, но дарующей ее.

Оба они были прекрасны и молоды, и сила их страсти переплавила в своем горниле напор и усердие в опыт и наслаждение. Они принадлежали друг другу до самого вечера, пока карлик, заранее выставленный леди, не предупредил их о приближении хозяина замка.

Гавейн поспешил одеться, но леди не была столь тороплива и не желала покинуть ложе до тех пор, пока встревоженный Гавейн не пообещал ей поступить далее так, как она того пожелает.

На самом же деле поступил он, повинуясь...

...Чести рыцаря (**122**).

...Разумной осторожности (**123**).

...Страсти любовной (**124**).

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ТЕХ, КТО ЗАТРУДНЯЕТСЯ В ВЫБОРЕ

На, выручку может прийти все та же знакомая монета. Оказывается, сторон у нее на самом деле три: самая тонкая монета имеет толщину, а стало быть — и ребро. Конечно, в нормальной жизни монеты, просто так на ребрах не стоят, но кто это считает рыцарские подвиги среди всякого колдовства делом обычным? Так что смело пользуйся монетой и при выборе из трех возможностей. Ну, а поскольку «ребро» выпадает все же значительно реже прочих вариантов,

то с этой стороной монеты свяжи для себя ту возможность из трех, которая с твоей точки зрения наименее вероятна в повседневном рыцарском обиходе.

КОНЕЦ ПРИМЕЧАНИЯ

Искушение было слишком велико: Гавейн сейчас же вспомнил о предстоящем испытании и, представляя мощную и загадочную фигуру Зеленого Рыцаря, не мог избавиться от мысли, что тут замешано какое-то колдовство и не будет ничего худого в том, чтобы встречно попользоваться какой-нибудь волшебной вещицей. Он принял шнурок и наградил леди таким поцелуем, что у нее не сразу достало сил покинуть его ложе.

Гавейн же тщательно повязался шнурком, решив для себя, что уж об этом он хозяину замка точно говорить не станет, ибо с чего бы это рыцарю интересоваться судьбой частей женского туалета?

И с легким сердцем встретил он вечер на **125**.

122

И едва хозяин ступил на порог замка, Гавейн преклонил перед ним колена и в простых словах поведал о постигшем его бесчестья.

Против ожидания, хозяин принял эту весть спокойно и за меч хвататься не стал.

Напротив, он расхохотался, и в смехе его слышалось злобное удовлетворение позором Гавейна.

— Так я и знал, — сказал хозяин, смеясь, — что при дворе Артура быть не может ни одного рыцаря, разом и отважного, и порядочного! Что ж, тем хуже для Артура. Ибо ты, Гавейн, мог бы стать лучшим из рыцарей на этой земле, если бы выдержал назначенные тебе испытания, а теперь будешь ли хотя бы одним из многих? Взгляни, разве не узнаешь ты во мне Зеленого Рыцаря и разве не этим топором снес ты вот эту голову год назад? Так склони же теперь свою голову и получи удар, назначенный тебе судьбой!

Гавейн от ужаса не мог вымолвить ни слова и словно окаменел.

И Зеленый Рыцарь с диким хохотом обрушил на него могучий удар. Но он повернул свой топор и рукоятью его от души шлепнул Гавейна пониже ножен, да так ловко, что с той поры не мог Гавейн ни сидеть удобно, ни стоять достойно и всегда чувствовал неудобство в теле и оттого печаль в душе.

— И судьба не будет благосклонна к тебе отныне, — прогрохотал Зеленый Рыцарь, — и быть тебе самым печальным рыцарем во всей Логрии, а может, и во всей мировой литературе!

И с этими словами прогнал он с глаз долой опозорившегося рыцаря, и поплелся печальный Гавейн, кляня злую судьбу, навстречу странным своим приключениям на **310**.

123

Гавейн встретил хозяина, как ни в чем ни бывало, и за ужином шутил и смеялся даже больше обычного.

Однако хозяин сам вдруг начал разговор на тревожную тему.

— Неужели присутствие такой прекрасной дамы не навеяло вам романтических настроений, дорогой мой Гавейн? — спросил он.

— Она замужняя дама, — отвечал на это сэр Гавейн с истинно рыцарским, как ему показалось, достоинством, — и достойна всяческого уважения, поклонения...

— ...И любви? — закончил за него хозяин замка. — Не так ли, сэр Гавейн? Кому же это знать, как не вам — ведь вы такой пылкий любовник! И такой наглый лжец!

Гавейн задрожал всем телом и пал на колени, моля о пощаде, но хозяин был непреклонен.

— Единственная милость, которую я вам окажу напоследок, — сказал он, — так это расскажу, как это вы влипли в такое дело. Мы с супругой живем в этой глуши довольно давно, и новости доходят сюда нечасто. Так вот мы и придумали этот способ, чтобы просвещаться в способах любовных утех. Если к нам забредает рыцарь, им занимается она, ну, а проезжие дамы — это по моей части. А потом мы, конечно, обмениваемся приобретенным опытом. Так что не расстраивайтесь особенно, Гавейн — ничто из найденного вами на ложе любви не пропадет втуне!

И с этими словами хозяин внезапно нанес Гавевну сокрушительный удар большим топором с зеленоватым лезвием, от которого потрясенный рыцарь не успел даже отклоняться, и его приняла **69**.

124

Сэр Гавейн был все же человеком действия, то есть рыцарем, а не мудрецом, и потому, не раздумывая долго, сгреб леди в охапку вместе с постельным бельем и с драгоценною своей ношей выскочил во двор как раз вовремя, чтобы ускакать из-под носа хозяина замка. Но хотя отвага мужского решения проблемы и придавала сэру Гавейну силы, везти даму приходилось все же не ему, а коню. Двойная ноша делала свое дело, и хозяин, лучше знавший окрестности замка, догонял неудержимо. Когда стало ясно, что от погони не уйти, сэр Гавейн, опять же не размышляя особо, сбросил наземь леди и вытянул меч из ножен. Он, пожалуй, и справился бы с хозяином, но уязвленная непривычным обращением леди стала наскакивать на него с оскорблениями и совершенно не к месту хвататься за стремя… Сэр Гавейн поневоле огрызался, отвлекался и оборонялся потому невнимательно. А когда он в сердцах отпихнул, наконец, несносную леди, было уже поздно: одежда хозяина сверкнула вдруг изумрудным пламенем, его огромный топор с лезвием зеленоватой стали со свистом рассек воздух и отправил сэра Гавейна прямиком на **69**.

125

Сэр Гавейн провел еще несколько дней с хозяином замка и его леди. Поначалу он еще собирался рассказать рыцарю о домогательствах его жены, но все никак не мог выбрать подходящего момента — уж больно все было тихо, хорошо и пристойно. А когда Гавейн собрался, наконец, с духом, оказалось, что наступил уже день Нового Года и пора отправляться к Зеленой Часовне. На сердце у него было неспокойно, и он не рискнул испортить прощание жесткими словами правды. Могло статься, что хозяин замка и леди — это последние люди, с кем ему довелось разговаривать в этом мире, и пусть уж они поминают его добром.

Жестокая буря норовила сбить Гавейна с пути, но он упрямо продвигался вперед. Хозяин довольно точно описал дорогу, и к полудню сэр Гавейн спустился в большую долину. Никакой часовни он там не нашел, но внимание его привлек зеленый холм на берегу ручья. В холме виднелась темная пещера, а из нее неслись малоприятные скрежещущие звуки, словно сама смерть правила там на камне свою косу. И едва лишь остановил сэр Гавейн своего коня у подножия холма, как из пещеры донесся могучий голос:

— Добро пожаловать в Зеленую Часовню, сэр Гавейн!

Из-под холма вышел Зеленый Рыцарь. Казалось, за год он стал еще выше ростом и еще ужаснее ликом — так, во всяком случае, показалось сэру Гавейну, и вряд ли кто обвинил бы его за необъективность в таких обстоятельствах. Но виду рыцарь не показал, спокойно спешился, снял шлем и склонил голову.

— Я всегда плачу долги, — сказал Гавейн, и голос его не дрожал. — А вам я, помнится, должен один добрый удар...

— Долги бывают разные, — несколько туманно ответил Зеленый Рыцарь. — Не все и взыщешь. Но уж удар-то я вам приготовил отменный!

И он так взмахнул своим сверкающим топором, что Гавейн невольно вздрогнул от ужасного, проникающего в самую душу свиста.

— Хорош рыцарь! — вскричал Зеленый Рыцарь. — Дрожит, как овечий хвост! А может, это обман и вы никакой не Гавейн, а так — трусливый оруженосец в чужих доспехах?

— Радуйся, что я связан словом! — взорвался Гавейн. — А не то я снес бы тебе голову не хуже, чем год назад — и уж будь уверен, не дал бы ей прирасти вновь! Уж коли ты рыцарь, так делай свое дело руками, а не языком!

— Торопятся, — проворчал Зеленый Рыцарь, подходя ближе и примериваясь, — все торопятся. Просто шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на торопыгу, спешащего на тот свет. А нет бы оглядеться, подумать да и понять, глядишь, что не вся жизнь — скачка с препятствиями...

Он широко и сильно взмахнул топором, и ветер от лезвия взметнул волосы сэра Гавейна, но рыцарь не дрогнул, и зеленая рука остановила лезвие так близко, что дыхание Гавейна замутило его туманным облачком.

— Что ж, — одобрительно сказал Зеленый Рыцарь, — вот это уже выдержка. Будь вы таким и прежде. глядишь, и не вляпались бы в историю. Ей-богу, я бы простил вас, но долг — дело святое. Так плати же по счету, сэр Гавейн!

С этими словами Зеленый Рыцарь ударил, не сдерживая размаха руки. И однако же, смертоносное лезвие лишь слегка задело шею Гавейна, срезав какой-то жалкий клочок кожи. Сэр Гавейн удар встретил с открытыми глазами, и когда он увидел, что голова его осталась на плечах, он в то же мгновенье отпрыгнул к коню, выхватил меч и закрылся щитом.

— Я выдержал твой удар, чудовище! — вскричал он несколько нервно. — А если ты захочешь повторить ето — что ж, попробуй,я отвечу!

Зеленый Рыцарь, ухмыляясь, опустил топор и оперся на него, с интересом рассматривая Гавейна.

— Глупец, — сказал он беззлобно, — неужели я промахнулся бы, если б мне и вправду нужна была твоя жизнь? Я пробовал на прочность не твою шею — тут люди в основном одинаковы, и никакой зеленый шнурок (тут Гавейн вздрогнул от неожиданности) не смог бы тебя спасти: он ничуть не волшебнее веревки висельника. Испытанию подвергалась твоя стойкость, а это уж у каждого свое. И если ты устоял перед натиском женщины, что для тебя удары самой смерти?

— Я-то, положим, устоял... — протянул в задумчивости сэр Гавейн. — Но тебе-то откуда знать?

— Ты, верно, неплохой боец, но не такой уж кавалер и красавец, чтобы сражать женщин наповал, — усмехнулся Зеленый Рыцарь. — Ты думаешь, моя жена в замке соблазняла тебя по собственному почину? Впрочем, и я действовал не по своей воле: все это зеленое колдовство затеяла леди Нимейя. Ей, видишь ли, захотелось испытать, насколько верна слава о доблести рыцарей Круглого Стола. А так-то я — сэр Бернлак, рыцарь Озерный, и в достоинствах логров я лично не сомневаюсь. Но с волшебством, сам понимаешь, не спорят...

Тут оба рыцаря обняли друг друга так, что захрустели доспехи, и расстались, благословив друг друга. Сэр Гавейн помчался так, что и не заметил, как миновал леса Вирраля. Потом он, правда, претерпел немало разных приключений, но в итоге благополучно прибыл в Камелот, где за Круглым Столом удивлял своими рассказами короля Артура вплоть до самой **310**.

128

Король Артур был большой любитель охоты, и даже в канун первой годовщины со дня основания Круглого стола не мог он отказать себе в этом удовольствии. Однако поохотиться ему толком не удалось, потому что в лесу встретился ему рыцарь, которого несли на носилках четверо оруженосцев. Рыцарь громко стонал от боли, ибо из ужасной раны на его голове торчал обломок меча.

— В таком состоянии, — заметил Артур, — лучше не мотаться по дорогам, а лежать дома и дожидаться лекаря...

— ...Или священника, — добавил негромко один из сопровождавших короля рыцарей.

— А я и дожидался, — простонал рыцарь с носилок. — Только вот дождался леди Нимейи, и она отправила меня ко двору короля Артура. Там я, дескать, должен встретить лучшего

рыцаря из всех логров, и первым его деянием будет мое исцеление. А еще одно такое же исцеление станет когда-то и последним его деянием — на закате славы логров.

— Нимейя обычно говорит дело, — сказал Артур. — А твою рану я попробую исцелить сам. Ведь Мерлин когда-то посулил мне быть величайшим рыцарем из всех логров, да и опыт кое-какой у меня имеется — извлекал я прежде мечи из мест попрочнее твоей головы...

Артур, может, и был величайшим, но в этом деле он не показал себя даже выдающимся — ни ему и ни одному из бывших с ним рыцарей не удалось излечить рыцаря, и даже доблестный Гавейн не справился с задачей. Пришлось везти рыцаря в Камелот, куда на праздник пятидесятницы должны были съехаться все рыцари — так велела им клятва Круглого Стола.

Наутро, как обычно, рыцари собрались на пир, и каждый занял свое место. Несколько мест все же остались пустыми: жизнь не стоит на месте, и за прошедший год кое-кто пал в битвах.

Каждый отчитался в своих подвигах за год, каждый повторил клятву верности высокому долгу рыцарства и все по очереди терзали раненого рыцаря на носилках, но исцелить его так никто и не смог. Обычай же Круглого Стола не позволял начинать трапезу, и в зале возникло замешательство, разрешить которое могло только чудо.

Долго голодать рыцарям, впрочем, не пришлось. Трубы возвестили прибытие леди Нимейи, и вместе с ней в зал вошли три молодых воина — оруженосцы в белых одеждах. Все трое были хороши собой, но всех затмевал первый — золотоволосый, широкоплечий, с открытым лицом. Все ахали и восхищались им, а королева Гиневра так и побледнела от изумления его совершенством.

— Господин мой король, — сказала леди Нимейя, — Мерлин в свое время нашел и напутствовал этого юношу. Это сын короля Панта Гвинедского, и он жил в моем волшебном доме на озере много лет. Зовут его Ланселот, по прозванию

Озерный, и вы будете правы, если даруете ему высокое звание рыцаря — ибо, поглядите, золотые буквы его имени появляются на свободном месте справа от гибельного сиденья!

Артур не стал спорить с завещанием Мерлина. Он возложил свой меч Эвскалибур на плечо Ланселота и велел ему подняться рыцарем. Заодно уж возвел он в рыцарское достоинство двух оруженосцев, явившихся ко двору вместе с Ланселотом — его молочного брата Эктора и кузена Лионеля, благо места за Круглым столом еще были.

Леди Нимейя тут же подвела Ланселота к раненому рыцарю. Ланселот просто, будто всегда только этим и занимался, вытащил клинок из раны, которая тут же закрылась. Боль покинула рыцаря, и он, как ни в чем не бывало, поднялся на ноги, чтобы занять последнее свободное место за столом — не считая гибельного сиденья.

Король Артур и королева Гиневра сразу поверили, что Ланселот и есть тот наидостойнейший рыцарь, о котором говорил Мерлин. Но кое-кто из рыцарей счел несправедливым оказывать столь высокую честь юноше, не совершившему еще никакого подвига. И центром этого недовольства оказался, как ни странно, сэр Мордред, сам буквально только что севший за Круглый Стол. Доставалось от него не только Ланселоту, но заодно и Лионелю, и Эктору.

Эктор продолжит свою судьбу на **131**. Ланселота и Лионеля ты найдешь на **133**.

131

Наутро сэр Эктор узнал, что молочный брат его Ланселот и сэр Лионель покинули двор короля Артура. Он решил, что они выступили в поисках приключений, достойных рыцарей, тут же снарядился сам и помчался вдогонку за ними.

Долго не попадались ему никакие следы, зато встретился старый лесник. Он, правда, не видал никаких Ланселотов и Лионелей, но смог указать дорогу к месту, где, может статься, сэру Эктору посчастливится свершить какой на на есть подвиг.

Повинуясь полученным указаниям, сэр Эктор выехал на берег реки, и перед величественным и крепким замком обнаружил он большой дуб, с ветвей которого свисали чуть не до земли премногие щиты, а посередке совершенно не к месту располагался здоровенный медный таз. На одном из щитов разглядел сэр Эктор герб кузена своего сэра Лионеля, и вскипевшую в крови его ярость излил он в ударе по тазу. Гулкий звон, как от большого колокола, разнесся кругом, и тут же за спиной сэра Эктора раздался топот копыт и громкий голос прокричал:

— Повернись лицом к своему поражению, мальчишка!

Ярость сэра Эктора утроилась и он налетел на огромного рыцаря так, что ударом заставил его коня повернуться.

— Вот это славно! — захохотал гигант. — Первый приличный удар за неделю! Ну, а теперь держись, юнец — сейчас ты узнаешь, как бьет настоящий рыцарь сэр Тарквин!

Его копье легко обогнуло копье сэра Эктора и пронзило доспехи под правой рукой так ловко, что сэр Эктор не мог более ни нападать, ни даже шевельнуться, И вот так, не снимая с копья, сэр Тарквин отвез сэра Эктора в свой замок.

— Ради твоего хорошего удара ты будешь жить. Но сражаться тебе теперь не скоро придется! — сказал он, сбрасывая Эктора в темницу на **139**.

133

Ланселот не обращал особенного внимания на ропот и завистливые слова, но не думать о них он не мог, ибо кое-что в упреках показалось ему справедливым. Рано утром он вместе с кузеном своим Лионелем отправился на поиски дела, достойного стать их первым рыцарским подвигом.

Молодости свойствен порыв и горячность — и порой так недостает ей предусмотрительного умения рассчитывать свои силы. Самолюбие не давало уснуть, и неспокойная ночь вскоре дала себя знать: молодые рыцари почувствовали, что им необходим привал и отдых. Лионель сначала бодро уселся под деревом, опираясь на рукоять меча, но вскоре стал клевать носом на **134**, а Ланселот стал бродить вокруг него дозором, отчаянно борясь со сном, и...

...Нашел средство справиться с сонливостью на **135**.

...Нашел место преклонить голову на **137**.

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ЗАТРУДНЯЮЩИХСЯ В ВЫБОРЕ

Брошенная монета, оказывается, не всегда падает непременно орлом или решкой. Бывает, что она как-то там падает, а как в точности — неизвестно, потому что она упала в болото, в море, кому-то за шиворот или обратно в кошелек. Так гадать на монетах особенно удобно, когда одну из возможностей игнорировать как будто нельзя, а всерьез принимать вроде стыдно — вот прямо как сейчас, когда Ланселот решительно не знает, что ему делать с Лионелем. В таких случаях честно распределяй шансы, честно кидай монету куда-нибудь, а потом честно поступай так, как подсказывает тебе внутренний голос. Или внешнее чутье.

КОНЕЦ ПРИМЕЧАНИЯ

134

Сквозь дрему сэр Лионель расслышал звон оружия, и когда он поднял глаза, то увидел трех рыцарей, во всю прыть удирающих от четвертого, с пилу весьма крупного и могучего. На глазах у сэра Лионеля сей воин догнал беглецов и одного за другим поверг наземь — никакого серьезного сопротивления они ему оказать не смогли. Он же побросал их поперек седел, привязал поводьями и поскакал прочь, гоня перед собой рыцарских коней с такою позорною поклажей.

Сэр Лионель немедленно воспламенился духом. Он, конечно, решил, что одного рыцарского звания уже более чем достаточно, чтобы сразить любого противника, и кинулся в бой, очертя голову. О, самонадеянная молодость! Сэр Лионель и не подумал даже найти сначала кузена своего Ланселота, чтобы просить у него если не поддержки в бою, то по крайней мере совета в своем первом боевом деле. Что ж, за это он и получил должное — сполна и по заслугам. В ответ на его довольно неучтивое требование немедленно освободить несчастных пленников рыцарь только повернулся молча и мрачно и с копьем наперевес налетел на сэра Лионеля. Тот никак не ожидал действий столь решительных. А если б и ожидал, это мало ему помогло бы: рыцарь, похоже, и не заметил, что сэр Лионель был вооружен и в доспехах — он вышиб его из седла, точно сбросил со стола кружку в хмельном застолье. Затем, связав сэра Лионеля уже привычным манером, рыцарь — а был это некий сэр Тарквин, боец, как видно, не из последних — повез всех пленников гуртом в свой замок на **139**.

135

Ланселот пытался подбодрить себя песнями, но что-то плохо ему пелось. Он полез в реку, но вода не освежила его. И тут, на его счастье, мимо проезжала крестьянская повозка.

— Эй, приятель, — крикнул по-свойски Ланселот, — нет ли у тебя чего-нибудь бодрящего? А то я тут, понимаешь, совсем с седла падаю...

— Быть-то оно, быть может, и есть, — отвечал возница, осматривая всадника. — Да ведь вы же, я гляжу, не разбойник какой, чтобы за здорово живешь отнимать чужое добро?

Ланселот припомнил клятву Круглого Стола и подтвердил, что он, конечно, не разбойник.

— Тогда надо бы уплатить за услугу и удовольствие, — сказал крестьянин.

— Вот те раз! — удивился Ланселот. — Чем же это я стану платить? Я ведь не в трактир собирался, а на подвиг — откуда ж у меня деньги?

— Беда с этими рыцарями, — погрустнел крестьянин. — Посмотреть — так вроде и господа, а как до дела дойдет — ни гроша за душой.. Ну, ладно, — решился он, — пусть себе в убыток, а отпущу я вам под залог.

— И заложить мне нечего, — совсем опечалился Ланселот. — Разве что голову свою.

— Да много ли проку в таком залоге? — отмахнулся крестьянин. — Рыцарская голова непоседлива: нынче вон она на плечах, а завтра, глядишь, и нету ее — и с кого спросишь-стребуешь? Нет, я в залог возьму такое, что вы уж непременно вернуть себе постараетесь, чего бы то ни стоило. Честь я вашу возьму, вот что!

— Ну, попробуй! — сказал Ланселот грозно. — Я и рыцарю не всякому позволю...

— Да вы не кипятитесь, сударь, — остудил его крестьянин. — Честь-то ведь саму в руки не возьмешь, на вес не прикинешь. Вот вы и дайте мне лишь знак ее, который у вас на щите — рыцарский герб. А потом уж как-нибудь при встрече и выкупите его назад. По рукам?

— Многие б хотели вырвать у меня в бою то, что ты просишь, — сказал Ланселот, — и никому я не отдал бы свой щит с гербом добровольно — а тебе, как видно, придется... Бери, пользуйся, разбойник, да подавай скорее свой напиток, покуда я не раздумал быть благородным!

Опростав солидный кувшин, Ланселот ощутил какой-то новый, непривычный для него подъем сил, некую тягу на подвиги. Он уже вознамерился силой отобрать у хитрого крестьянина свой щит, но повозка точно сквозь землю провалилась.

— Нет ли тут недоброго колдовства? — сказал сам себе Ланселот и на всякий случай дал коню шпоры, чтобы покинуть нехорошее место. О кузене Лионеле он даже и не вспомнил — единственной его мыслью теперь было: «Где добыть себе щит?»

Случай скоро ему представился. Ланселот натолкнулся на замок, к воротам которого оруженосцы как раз примеряли какой-то щит. Герба на нем, правда, не было, но Ланселот счел, что лучше будет даже и совсем без герба на щите, чем вовсе без щита или под чужим гербом. Он разогнал оруженосцев и отодрал щит от ворот. Щит оказался немного тяжеловат, зато прочен — это Ланселот изведал тут же, поскольку из ворот вдруг повалили рыцари, и все, как один, стали наскакивать на него. Ланселоту быстро надоело обороняться, и он решил нападать сам. Воин он был замечательный и вскоре загнал врага во двор замка — попав при этом, как оказалось, на рыцарский турнир при **145**.

Ланселот все шагал и шагал — и чувствовал, что голова его наливается тяжестью, ибо даже для лучшего из рыцарей существует предел сил. Вокруг же все было так тихо и мирно, что Ланселот поневоле притулил бдительность и сам не заметил, как сначала присел, а потом прилег под яблоней, подложив под голову шлем вместо подушки, и сон смежил его веки. И сон этот был так глубок, что Ланселот не проснулся даже и в полдень, когда появились вдруг четыре королевы на белых мулах, и с ними четыре рыцаря, несущие на копьях своих зеленый шелковый тент, чтобы уберечь дам от солнца.

Сначала дамы услышали ржание боевого коня, а потом увидели и рыцаря, спящего в полном боевом облачении. И Ланселот без шлема показался им столь прекрасным, что все они вчетвером тут же его полюбили.

— Ну, ссориться из-за него мы сейчас, пожалуй, не станем. Как проснется — так и выберет сам, кого ему любить, — сказала одна из дам, злонравная сестра короля Артура Фея Моргана, — А если нет, то не достанется он никому и сгинет в моих темницах,

Коварным своим колдовством сковала она Ланселота, и он, проснувшись только через семь часов, обнаружил себя в промозглом каменном подвале. Тут же явилась неведомая ему прекрасная дама и стала накрывать для него ужин. Но на расспросы его она не ответила, и разъяснения всему Ланселот получил лишь наутро, когда предстал пред четырьмя королевами.

— Так вот каков, значит, сэр Ланселот Озерный, что служит одной лишь королеве Гиневре! — сварливо сказала Фея Моргана. — Но теперь вам придется лишиться либо ее, либо самой своей жизни. Ибо не уйти вам из этого замка, покуда не выберете вы одну из нас своей леди и своей любовью.

— Вот так выбор — любовь или смерть! — отвечал Ланселот со смехом, но мысли его были невеселы, ибо задумался он всерьез над своею судьбою. Никаких обещаний светлого будущего он от Мерлина не получал и потому мог полагаться не на силу пророчества, а только на собственную сообразительность.

Помоги же ему, читатель, и подскажи, как следует поступить:

Сохранить верность королеве Гиневре и заявить об этом на **140**?

Возлюбить саму Фею Моргану и с нею отправиться к **148**?

Назвать своей леди одну из трех других королев и посмотреть, что из этого получится на **142**?

139

И в темнице, куда бросил его сэр Тарквин, встретился сэр Эктор с сэром Лионелем. Печальна была эта встреча среди множества других пленников.

— Разве что один Ланселот и способен вытащить нас отсюда, — сказал сэр Эктор. — А мы с вами против Тарквина что-то слабоваты. Да, так вы же были вместе — ну и где теперь ваш кузен?

Хотел бы я это знать! — воскликнул сэр Лионель. — Могу лишь надеяться, что он ищет меня, если уж не сумел охранить или предостеречь.

Они замолчали и погрузились в невеселые раздумья до **147**.

— Рыцарь должен держать свои клятвы, — с достоинством отвечал сэр Ланселот, — Нарушив же их, он перестает быть рыцарем и теряет право иметь леди. Так что, видите сами, ни одна из вас моею быть не может, вероломные завистницы. А верность мою королеве Гиневре я хоть сейчас докажу с оружием в руках против любого противника.

— Ну конечно, — проворчала Фея Моргана, — это вас несносная Нимейя воспитала в Авалоне так, чтобы вы стали лучшим и благороднейшим из всех рыцарей. Но поглядим, каким оружием вы справитесь с последнею вашей леди — с самой смертью!

Королевы удалились, сотрясая воздух подземелья словами, от которых зарделся бы рыцарь и более искушенный в бранном деле, чем юный Ланселот. Но ему было не до того: он весь предался грустным размышлениям об ужасной гибели, которую пророчила и готовила ему Моргана.

Тут в темнице, как видно, наступило время завтрака, потому что та же дама, что и накануне, явилась накрыть на стол. Не в обычаях Ланселота было общаться со служанками, но здесь выбирать не приходилось, и он излил даме свою мятущуюся душу.

— Ах, сударь, и не говорите, — печально кивнула его словам дама. — Эти королевы — сущие черти в юбках, и если б не семейные мои затруднения, ни за что не стала бы я им прислуживать.

— Так помогите мне, прекрасная леди, — вскричал Ланселот, в глазах которого достоинства дамы сразу повысились, — и я отблагодарю вас любым, каким прикажете, способом...

Тут дама вспыхнула и расцвела прямо-таки на глазах.

— ...Какой только дозволяет мне моя честь! — поспешно добавил Ланселот, вспомнив притязания четырех королев.

— Что ж, сэр, — сказала дама, увядая, — тогда я просила бы вас сразиться за моего отца, короля Багдемагуса на большом турнире. Там будет полно рыцарей короля Артура, а папаше что-то не везет в последнее время в боевых делах: и рука уже не та, и замок чинить надо, и меня замуж не грех бы выдать...

Тут Ланселоту выбрать уже проще, поскольку альтернатив всего две, но и здесь есть над чем подумать: Согласиться биться под чужими знаменами против рыцарей своего короля на **143**?

Или, отвергнув и это предложение, гордо удалиться на **144**?

142

По тону Морганы Ланселот понял, что колдунья не шутит. А на что она способна, в свое время рассказала ему еще леди Нимейя, воспитывавшая его в Авалоне. Ланселот решил покориться судьбе и, закрыв глаза, ткнул наугад в одну из трех королев — их он считал все же меньшим злом, чем саму Моргану.

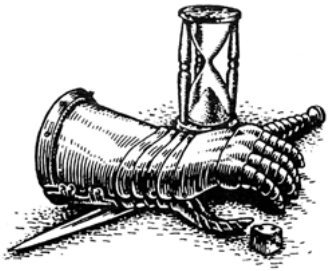
Однако Фея рассмеялась хрипло и злорадно, и когда Ланселот открыл глаза, то увидел только ее одну — прочие королевы исчезли без следа.

— И это хваленый Ланселот! — хохотала Моргана. — Как можешь ты быть лучшим из рыцарей, если не умеешь отличить истинного от мнимого? Ведь эти королевы — лишь призраки свободы выбора, созданные мною. Впрочем, здесь темно и ты вполне мог ошибиться. Посмотрим, каково твое зрение при свете дня.

И она вывела Ланселота на лужайку перед замком и там встала перед ним, сбросив с себя одежды.

— Смотри и верь своим глазам, рыцарь! — сказала она медленно и страстно. — Ибо это — настоящее, а служение даме сердца, которая никогда не будет твоей — призрачно и эфемерно. Живо лишь то, что находит отклик, что получает поддержку — так иди же ко мне, мой рыцарь!

И Ланселот, подчиняясь магическим звукам ее голоса, шагнул, точно зачарованный, прямо на **148**.

143

— Кое-кто из них смеялся надо мной, — мстительно припомнил Ланселот, — и я рад случаю показать им, кто чего стоит на деле. Я охотно сражусь за вашего отца.

— Тогда ночью я выведу вас из этого замка, — сказала дама.

— Ночью? — недовольно переспросил Ланселот. — Самое колдовское время... А может, эти королевы примутся за меня еще до обеда?

— Их же четверо, — улыбнулась его непонятливости дама. — А легко ли четырем женщинам сойтись даже в пустяках? Они не договорятся и к утру, а вы в это время будете уже далеко.

— Если я буду идти пешком, а они летать на помеле... — начал было Ланселот, но дама перебила его:

— Коня, доспехи и оружие я вам добуду — тут этого добра хватает. Не знаю только, удастся ли мне отыскать именно ваши...

— Это не важно, — успокоил ее Ланселот. — Главное — не на щите, а под щитом. Ваш папа будет доволен.

Вскоре после полуночи дама вывела Ланселота через двенадцать запертых дверей, и он поскакал прочь.

А дама вздыхала, возвращаясь в замок, и роняла слезы, потому что лишь очень немногие женщины могли смотреть на Ланселота и не полюбить его.

Некоторое время Ланселот провел в лесном аббатстве, где нашли его дама и король Багдемагус, и с ними он поехал на турнир, держа белый щит без гербов и девизов, так что никто не смог бы узнать его в бою, когда лицо скрыто забралом, а фигура доспехами. И так, неузнанным, начал он сражаться на **145**.

144

— Рыцарь, который бьется сегодня за одного, а завтра за другого, не заслуживает доверия, потому что неверен сам, — высокомерно сказал Ланселот и завалился на солому дожидаться решения своей участи.

Дама удалилась, естественно, в слезах, а в темницу внезапно явилась сама…королева Гиневра! Пораженный Ланселот вскочил и тут же пал на колени, ибо никак не мог он надеяться увидеть здесь ту, ради которой поклялся сражаться.

— Успокойся, рыцарь мой! — молвила ему Гиневра ласковым голосом. — Все, что претерпел ты, было испытанием твоей верности мне, твоей королеве. Ты вынес все с честью и теперь достоин награды поистине королевской. И ты получишь ее нынче же, сейчас же — в моей опочивальне!

И потрясенный Ланселот вышел из темницы и отправился вслед за Гиневрой по лестнице блаженства к вершинам наслаждения…а когда открыл наутро глаза, рядом с ним на подушке разметались не медные кудри Гиневры, а черные локоны Морганы, и Фея смотрела ему в лицо тяжелым, немигающим взглядом.

— Так-то вот вершат дела свои феи, мой милый Ланселот! — сказала она и усмехнулась. — Глаза обмануть просто, но разве сердце не подсказало тебе, что не Гиневра делит с тобой ложе? Впрочем, — Моргана сладко потянулась, — какая разница! Я-то ведь не хуже, а, сэр рыцарь? Только взгляни — и увидишь…

…что написано на **148**.

145

Рыцари короля Артура были неплохи, но до Ланселота им было далеко, и он одним копьем, не обломав древка, сумел поразить сэра Мадора, и сэра Мордреда, и сэра Гахалантина. Добивать он их не стал, а лишь взял с них клятву предстать перед королем Артуром на следующий праздник пятидесятницы и рассказать, как это они, славные рыцари Круглого Стола, были так легко побеждены никому не ведомым Безымянным Рыцарем.

Ланселот не стал дожидаться ни конца турнира, ни чествования и умчался, так и не подняв забрала — что, впрочем, не было нарушением тогдашних турнирных правил. Никто не рискнул последовать за ним, и в одиночестве он пространствовал немало дней, прежде чем натолкнулся на новое приключение. На его глазах огромный рыцарь ударом копья сбросил с коня сэра Гахериса, брата сэра Гавейна, перебросил его поперек седла и погнал перед собой коня с раненым рыцарем.

— Повернитесь, сэр Тарквин, ибо узнал я вас по повадкам! — прокричал Ланселот, нагоняя рыцаря. — Или вам стыдно показать свое лицо после того зла и позора, которые принесли вы многим рыцарям Круглого Стола?

— Еще один на мою голову! — прорычал Тарквин, поворачивая коня. — Ну, ничего, скоро ваше застолье опустеет!

— Быть может, — яростно взревел в ответ Ланселот, — только вам-то этого не увидать!

Съехавшись, они ударили друг друга копьями. Но оба были искусными воинами, оба успели закрыться щитами, и поэтому от удара всего лишь треснули хребты у их коней, а сами рыцари вылетели из седел и некоторое время лежали на земле совершенно оглушенными. Потом они бились еще часа два или около этого на мечах, но и тогда не смогли одолеть друг друга, хотя ран у каждого хватало и доспехи их были красными от крови.

— Не хотел бы я биться с твоим учителем, парень! — выдохнул сэр Тарквин, отступая и опираясь на меч. — Такого бойца, наверное, не сразить в честном бою, и одолевать его пришлось бы хитростью, а то и бить из-за угла!

— Моего учителя звали леди Нимейя, — ответил Ланселот, вновь поднимая меч, — и за твои подлые слова ты ответишь, негодяй!

Тарквин вскинул свой клинок, но лезвие ланселотова меча оказалось быстрее, и голова Тарквина, соскочив с плеч, вместе со злыми думами докинула хозяина.

Ланселот освободил Гахериса от пут, и они — вдвоем на одном коне — добрались до замка Тарквина, где на ветвях дуба висели щиты сэра Эктора и сэра Лионеля, сэра Кея и сэра Мархауса и еще многих других рыцарей Круглого Стола.

— Да, — сказал Ланселот, осмотрев коллекцию щитов, — боец он был первостатейный, но человечишка — дрянной. Такому не место за одним столом снами.

— Ну, он-то его теперь и не займет, — заметил сэр Гахерис, — а вот кое-кого из них, — он кивнул на щиты, — с места и не спихнешь, хотя они, по-моему, еще почище Тарквина будут.

Ланселот, свято веровавший в принципы Круглого Стола, был неприятно поражен — настолько, что даже не захотел увидеть кузена и молочного брата.

— Сам с ними со всеми возись, — сказал он Гахерису и отправился омывать свои раны на **150**.

Гахерис же побрел в замок на **147**.

149

Несмотря на ранение, сил у Гахериса оставалось еще вполне достаточно, чтобы накостылять привратнику и отобрать у него ключи. Он открыл двери темниц, и рыцари, повалившие наружу, стали с восторгом чествовать его как победителя Тарквина.

— Да, — сказал на это Гахерис, — рану я получил от Тарквина. Но освободил вас все-таки не я, а сэр Ланселот Озерный. Только ему одному был под силу такой подвиг. И вы сможете возблагодарить его в будущем году на празднике пятидесятницы при дворе короля Артура.

Рыцари загомонили согласно, разобрали оружие из подвалов Тарквина, взнуздали коней из его конюшен и под предводительством Гахериса отправились в Камелот, не забыв прихватить с собой и осиротевшую казну Тарквина.

— А я, пожалуй, поищу своего кузена, — сказал сэр Лионель, отъезжая на **176**.

— Мне тоже что-то хочется повидать молочного братца, — задумчиво произнес сэр Эктор, направляя коня своего к **173**.

— А я, пожалуй, попрошу у него прощения за все, что я там наговорил за Круглым Столом, когда Артур посвятил его в рыцари, — сказал сам себе сэр Кей, когда все разъехались. — А то ведь я ему не брат и не кузен, и щадить он меня не станет, если придется вдруг столкнуться невзначай..

И он поспешил на **170**.

148

И сэр Ланселот, отважный воин, не страшившийся смотреть в глаза самой смерти, взглянул на Фею Моргану при свете дня — и был сражен ее хищной и чарующей колдовской красотою, которая привлекает мужчин куда вернее, чем мягкое сияние светлой добродетели.

Ланселот пошел за Морганой, как собачонка на привязи, и Фея привела его в замок, где жила со старым мужем, и, не смущаясь, призвала рыцаря в свою опочивальню. И сэр Ланселот, забыв о рыцарской чести, пошел к ней и овладел ею, и с той поры совершал это еженощно, но рожден он был для боев и походов, а не для любви бесчестной, поэтому днями тосковал, не знал, куда себя девать, а сбежать от колдовских чар не мог — и искал спасения в снах.

Королевство Логров помаленьку процветало, не обращая особого внимания на исчезновение Ланселота с рыцарского горизонта и дороги подвига — разве что Гиневра вздыхала иногда украдкой. Но Ланселот проспал все свои приключения — до самой **149**.

149

И не родился сын Ланселота Галахэд, чтобы занять Гибельное Сиденье, и час славы логров так и не наступил. Рыцари же Круглого Стола так и не отправились на поиски Святого Грааля, обленились, разжирели и ослабли в праздности. А когда не стало сильных, подняли головы слабые, но злобные — и привело это логров к **51**.

150

Ланселот омыл в ручье своя раны и напоил коня, которого дал ему Гахерис. Увидев, что раны не особенно глубоки и не мешают сидеть в седле, рыцарь, не возвращаясь к замку Тарквина, отправился прямо из ручья на поиски новых приключений.

Конечно, рыцарь столь доблестный, каким был Ланселот, за год — а странствовал он почти год — успел свершить столько всего достойного и замечательного, что затмил, пожалуй, всех рыцарей Круглого Стола, вместе взятых — исключая разве что самого короля Артура да еще трех-четырех рыцарей, чьи имена стоят особняком в истории Логрии. И уже перед самым праздником пятидесятницы, возвращаясь в Камелот, в глухом и диком лесу, какой прежде никогда ему не встречался, внезапно увидал Ланселот белую суку, бегущую по следу — большим кровавым пятнам. Сука остановилась и посмотрела на рыцаря. Он счел это за приглашение к приключению и поехал за ней. Она же мчалась все быстрее, временами оглядываясь, точно хотела удостовериться, что Ланселот все еще следует за ней. Ланселот продолжал ехать, ибо другой дороги все равно не было. Но когда путь раздвоился, сука по кровавым следам рванулась налево, в самую темень и гущу леса, а направо потянулась чистая и спокойная дорожка, заметно светлеющая — должно быть, к опушке.

Рыцарь придержал коня, подумал с минуту и поехал...

...налево к **151**?

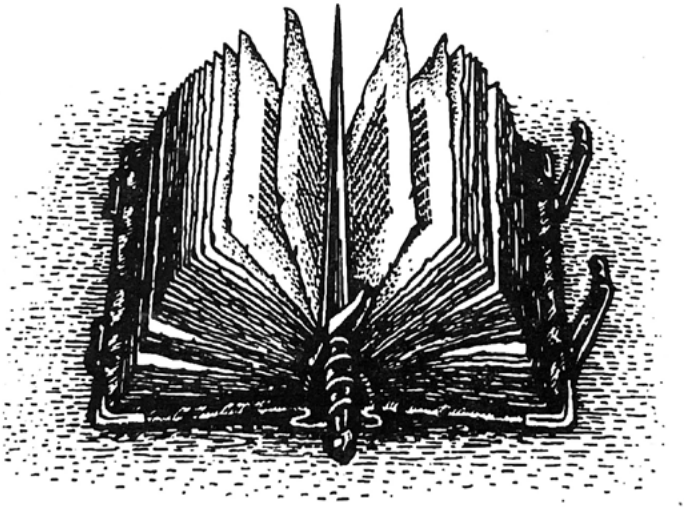
...направо к **152**?

Собака — и вслед за ней Ланселот — миновала болото, перемахнула мост и выбежала к большому старому замку. Ланселот спешился у стены, заросшей плющом, и вошел в большую залу. Там возле мертвого рыцаря леди заламывала горестно руки, и сука подошла к мертвецу в стала лизать его раны.

— Леди, — спросил Ланселот учтиво, — могу ли я чем-нибудь помочь вашему горю?

— Увы? — воскликнула леди. — Моему горю помогает лишь то, что убийца мужа лежит, жестоко раненный, и не оправится никогда. И вечное мучение будет для него вечным наказанием. Но и муж мой сэр Гилберт не восстанет никогда от вечного сна. Ах я, несчастная навеки!

И она пала на тело мертвого рыцаря, а Ланселот, решив, что это приключение досталось ему по ошибке, пожал плечами и вышел из залы. Продолжая недоумевать, он сел на коня и отправился на **152**.

152

Ланселот проехал совсем немного и повстречал даму, которая удивила его тем, что пристально вглядывалась в щит. Он подъехал ближе и откинул уже забрало, намереваясь спросить, что там такое вышло с его щитом, но тут дама узнала Ланселота и кинулась ему навстречу.

— О храбрейший из рыцарей, сэр Ланселот Озерный! — воскликнула она, воздевая руки. — Уж если не вы, то не знаю, кто мне и поможет.

— Вам, леди? — вежливо удивился Ланселот, поскольку дама не производила впечатления бедствующей.

— Не мне, не мне, — как-то сварливо отозвалась женщина, — а брату моему. Нынче сразил он сэра Гилберта.

— В честном бою, я надеюсь? — уточнил Ланселот. В некоторых вопросах он был щепетилен до мелочности — иногда.

— Да уж лучше бы в бесчестном! — в сердцах вскричала дама. — Все не так обидно было б ему теперь лежать с этой проклятущею раной. Кровь-то все точит и точит, я уж все приданое на перевязку извела, а леди Нимейя мне и говорит, что все равно конца-краю этому не будет, пока какой-нибудь смельчак не принесет кой-чего из Гиблой Часовни. Так я вот и думаю — кому ж, как не Ланселоту Озерному…

— Чувствую я здесь какое-то колдовство, — сказал Ланселот, у которого нюх на всякую магию выработался уже недурной.

— Да уж есть, — нехотя согласилась дама, — как не быть — Леди-то сэра Гилберта — злая волшебница, ну и устроила она братцу моему невезучему эту муку вечную. Но все равно, сэр, если только вы…

— Интересно, — вдумчиво сказал Ланселот в пространство, — что там такого может быть в этой Гиблой Часовне, что могло бы исцелить раненного колдовством?

— Лежит там мертвый рыцарь, — сказала дама как бы совсем уже через силу, — и всего-то надо вам взять у него меч да лоскут одежды...

Ланселот прямо не знал, что и делать:

Считать ли это странноватое приключение своим и решиться на него, как на все прочие — не задумываясь, прямо на **154**?

Или как-нибудь увильнуть, поскольку злым чародейством от всего этого несет на добрую милю — и мчаться отсюда вплоть до самой **156**?

— Ну, а звать-то брата как? — спросил Ланселот, прикрывая грубоватыми манерами душевный порыв и внутреннее благородство. — Может, думаю, знакомец?

— Звать его сэр, — с готовностью откликнулась дама, — то есть сэр рыцарь Мелиот, и он этот…ну, как там у вас…а-а, истинный рыцарь логров.

— Ага, — сказал Ланселот так, будто имя это все ему прояснило. На деле же пытался он вспомнить, не было ли в Камелоте такого рыцаря Мелиота. Но упомнить всех с одного единственного праздничного застолья… Нет, такой подвиг был не по силам даже и самому Ланселоту. И все же он рассудил довольно здраво, что истинных рыцарей логров сыскать можно только у короля Артура, и потому изрек тоном знатока: — Так он же, как и я, рыцарь Круглого Стола! Разумеется, для него я сделаю все, что смогу. А могу я…

— А можете вы не терять более времени? — довольно язвительно и невежливо перебила его дама. — Скачите вон прямо по той тропинке, а я вас тут подожду.

— А если не дождетесь? — спросил Ланселот с жадным интересом.

— Ну так, значит, такое вообще никому не по силам, — ответила дама как-то беспечно, если принять во внимание тяжелое клиническое состояние близкого ее родственника.

С таким успокоительным напутствием Ланселот вскоре добрался до странной одинокой часовни на небольшой поляне. Он привязал коня к дереву и вошел в ограду. На стене часовни Ланселот разглядел множество красивых щитов — все, как один, перевернутые. И когда он приблизился ко входу, под каждым из щитов встал огромный и могучий рыцарь в черных доспехах. Было их человек тридцать, все они скрежетали зубами и сверкали глазами сквозь

забрала так, что Ланселота пробрала дрожь, и он крепче сжал рукоять меча, готовясь дорого продать свою жизнь в смертельной схватке.

Однако рыцари вдруг молча расступились перед Ланселотом и пропустили его, так и не нанеся ни одного удара. Остро чувствуя свою незащищенную спину, Ланселот постарался по возможности быстрее войти в часовню. Внутри нее горела одна только тусклая лампада, и своды тонули во мраке, а утлы полнились тенями. В чахлом пятнышке света на каменной плите лежало тело, покрытое шелковым полотнищем.

Еле сдерживая желание отскочить к стене и спрятаться в угол, Ланселот склонился над мертвецом и отрезал от полотнища лоскут. И тут же содрогнулся, как при землетрясении, пол часовни, и заколебался, угасая, огонь лампады, и кто-то, казалось, завозился в углу, лязгая когтями об пол.

Ланселот от страха рухнул на колено, но тут же постарался придать своей позе молитвенную благочестивость. Он склонил голову и увидел неплохой меч, лежащий под рукою мертвого рыцаря. Ланселот взял его скорее из любопытства, чем во исполнение обещанного даме, и вынес на двор, чтоб получше рассмотреть при свете дня.

— Рыцарь, чье имя Ланселот! — произнесли внезапно черные рыцари, не разжимая губ, но так громко и жутко, что Ланселот чуть не подскочил от неожиданности. — Положите этот меч на место, иначе умрете вы смертью скорою и страшной.

Ланселот глянул на них еще раз глазом опытного бойца и решил»

...что лучше, пожалуй, будет вернуть им меч (**157**).

...что совершенно незачем возвращать меч (**158**).

— Не пристало мне грабить мертвых, — сказал Ланселот высокомерно. — Добро бы еще я сам сразил его в честном бою, а у какого-то залежалого трупа... Приищите себе другого мародера, сударыня!

И прежде чем ошеломленная дама успела разинуть рот, рыцарь дал шпоры коню я в облаке пыли скрылся на **164**.

И как только меч мертвеца лег на свое место, сказала Ланселоту дама:

— Правильно вы сделали, что оставили этот меч. Ибо у вас, как у истинного рыцаря, есть при себе и другой меч, который хоть и не всегда наготове, зато всегда без ножен. И им вы можете свершить подвиг не менее великий, нежели исцеление какого-то там Мелиота — вы можете родить нового, несравненного рыцаря! Идите же ко мне, мой рыцарь, станьте моим повелителем, и вместе мы послужим судьбе!

Ланселот, расставшись с чудесным мечом, почувствовал великое, прямо-таки неодолимое влечение к женщинам вообще и этой даме в частности. И он, как истинный рыцарь...

...Кинулся, очертя голову, к ней в объятья и слился с ней в поцелуе до **163**.

...Неторопливо и сдержанно приблизился и холодно коснулся губами руки дамы на **160**.

— Ну, это еще Мерлин надвое сказал! — вскричал Ланселот, пряча испуг под нахальством, прикрылся щитом и выставил добытый меч. — Оставим угрозы дряхлым колдунам и дадим перемолвиться нашим мечам!

Но рыцари не сдвинулись с места, и Ланселот беспрепятственно дошел до ворот ограды. Тут его остановила какая-то совершенно незнакомая дама. Ланселот только успел подумать, что как-то чрезвычайно много женщин скопилось в этом деле и не стоит ли за всем этим еще какая-нибудь мадам, как незнакомка воскликнула:

— Сэр Ланселот, да оставьте вы этот меч! Или жизнь вам не дорога?

— Жизнь дорога, — отвечал Ланселот, — но честь дороже. Я дал слово принести этот меч — и вот я несу его. Прочь с дороги!

— Верность слову спасла вас, — сказала дама. — Оставили бы вы меч — и не видать вам тогда больше двора короля Артура, как собственных похорон. Но оставьте же мне взамен меча, по крайней мере, хоть поцелуй на память!

Ланселот оглядел даму, которая была, признаться, чудо как хороша, и...

...Вложил в поцелуй всю силу накопленной в странствиях страсти и не отрывал уст до **160**.

...Не стал оставлять никакого залога в этом странном месте и ушел на **161**.

159

И на перекрестке встретились сэру рыцарю премногие бегущие в ужасе люди, среди которых были и оруженосцы, забывшие о своем доле, и рыцари, бросившие оружие и доспехи.

— Не дракон ли преследует вас? — с надеждою спросил рыцарь, ибо отважное сердце его истосковалось по подвигам. — Если так, то вот мое копье и меч...

— Ай, нет, сэр рыцарь! — вскричали на бегу премногие люди. — Были у нас и копья, и мечи, и щиты с гербами. Были даже и отвага, и великие силы — и где они теперь? Развеялись в дым перед чудовищным воином!

— Что же за воин одолел вас и обратил в бегство? И если он так могуч, отчего не слыхали за Круглым Столом о столь удивительном рыцаре?

— Да не рыцарь он никакой! — злобно прокричал из толпы какой-то карлик, менее других помеченный следами побоев. — Щит его без герба и похож на крышку от котла, а из доспехов у него один только шлем без перьев и железная рубаха до колен. И к тому же он пеший.

— Но, видно, диковинный меч у него, если не могли вы с ним справиться?

— Ну, если это у него меч, — отозвался один из рыцарей, на котором болтались остатки жестоко измятых доспехов, — то меня тогда и вовсе звать Экскалибур. Он отходил нас *дубиной* — и так уж, знаете, подробно, что никого не пропустил, и никому мало не показалось...

— А-а, так это простолюдин... — протянул сэр рыцарь разочарованно и повернул коня. — Ниже достоинства рыцаря биться с человеком без роду в племени!

И не торопясь, но и не задерживаясь, поехал себе рыцарь далее — на **164**...

160

Взор Ланселота затуманился, и он никак не мог разглядеть лица дамы, хотя стоял — ближе некуда. Он помотал головой, потом протер глаза, но какая-то муть, какая-то неясная дымка все не проходила. Лицо дамы расплывалось и менялось, черты скользили и преображались, в них чудилось то что-то знакомое и нежное, то, наоборот, пугающее и отталкивающее. Наконец, Ланселот оттолкнул от себя даму и сам отвернулся от нее...

...Налево, где в стене часовни блеснуло не замеченное им прежде зеркало (**163**).

...Направо, к мутноватому, прикрытому ставнями окну, отражавшему внутренность часовни (**165**).

— Увы мне! — вослед непреклонному рыцарю возопила покинутая дама. — Все мои старания пошли прахом. Уж так я старалась, возводя Гиблую эту Часовню, завлечь сюда трех благороднейших рыцарей логров. Но сэр Персиваль еще не родился, сэр Гавейн обошел меня другими дорогами печали, а вот сэр Ланселот уходит, так и не дав мне поцелуя! И горько стенаю я по этому поводу, а он должен возблагодарить судьбу свою за удачный этот поворот, ибо всякий, кто поцелует меня в этой часовне, падет тут же мертвым. И данный покойник, — она указала на тело рыцаря посреди каменной плиты, — живой тому пример. Ибо такова сила волшебницы Хелависы, действующей заодно с Феей Морганой! — возвысила она голос, но вновь обратила взор свой в спину уходящему Ланселоту и возрыдала пуще прежнего. — И только истинный, великий и благородный рыцарь способен устоять против моих чар!

Ланселот широкими шагами уходил от Гиблой Часовни, втайне радуясь избавлению и внутренне крестясь — потому что перекреститься как следует ему мешали собственный щит и чудесный меч. Он не замедлил шага даже чтобы отвязать коня, и бедное животное рвалось за хозяином до тех пор, пока не оборвало повод. Но Ланселота конь догнал уже только перед самым замком сэра Мелиота. Сестра Мелиота, завидев их обоих, выбежала навстречу со слезами радости.

Сэр Мелиот все еще лежал в одной из зал, а кровь по-прежнему струилась из его раны, придавая лицу цвет восковой и безжизненный. Ланселот опустился возле него на колени, коснулся раны мечом, обвязал ее шелком — и, о чудо! — Мелиот сразу же исцелился.

— Однако полезные же вещи можно добыть иногда у колдунов, — сказал Ланселот, прикидывая, как пригодилось бы подобное радикальное средство в боях и схватках.

Но и перспектива даже самого жестокого на земле сражения не заставила бы Ланселота вновь направить путь свой к Гиблой Часовне.

Некоторое время Ланселот с Мелиотом посвятили празднованию счастливого исцеления, а еще сколько-то дней отдыхали от этого торжества. Потом Ланселот вдруг обнаружил, что праздник пятидесятницы уже на носу, и помчался ветром прямо в Камелот, рассчитывая нигде более не задерживаться.

Но путь его лежал через **159**...

И дама, ставшая еще стройнее и прекраснее от одного лишь прикосновения рыцарских уст, сказала ему с нежностью и печалью:

— Увы, мой бедный рыцарь! Мои труды не пропали напрасно. Ибо я возвела эту Гиблую Часовню, чтобы заманить сюда трех благороднейших рыцарей логров — сэра Гавейна, вас и сэра Персиваля, который еще не родился. Но сэра Гавейна судьба призвала на другие дороги, а вы, самый любезный сердцу моему изо всего рыцарства Логрии, не выдержали испытания а отдали поцелуй мне, волшебнице Хелависе. А я действую заодно с Феей Морганой и не могу ослушаться ее воли, ибо она гораздо могущественнее меня и, говорят, почти сравнялась в силах с самим Мерлином — благословен будь его сон вовеки! И единственным мне утешением будет то, что вы останетесь здесь со мною до скончания времен...

С этими словами Хелависа коснулась рукою век Ланселота — и рыцарь упал бездыханным на ту самую плиту, где прежде лежал мертвец, и накрыл рукою своею чудесный меч. Хелависа укрыла тело его шелковым полотнищем, а сама скрылась в зеркале, которое тут же потемнело и слилось со стеной часовни.

И Ланселот спал вечным сном, а в Логрии наступила **149**.

164

В некоей местности, открытой и прелестной, как уста девушки для первого поцелуя, совсем неподалеку от Камелота увидел вдруг сэр Ланселот леди, рыдавшую у подножия большого дуба. За это приключение у рыцаря уже почти выработался условный рефлекс на женщин, однако он с трудом припомнил клятву Круглого Стола (ведь вскоре надлежало приносить ее вновь) и направил коня своего к дереву.

— О Ланселот, называемый также цветом рыцарства! — вскричала дама слегка витиевато для своего душевного состояния. — Помогите мне, как настоящий рыцарь! Вон там, у самой вершины дерева, сокол моего господина запутался в ветвях.

— Соколы, сударыня, не путаются в ветвях, — как ног, галантно ответил ей на это Ланселот. — Сокол — птица охотничья, ловкая и верткая. Где уж веткам с ней справиться?

— Хозяин мой души не чает в этом соколе и украсил его золотыми нитями. Вот они и... — пояснила дама.

— Что ж, у него, стало быть, недурной вкус и достаток, — отвесил комплимент рыцарь.

— А еще у него свирепый нрав и тяжелая рука! — тут же добавила дама. — И он, верно, прибьет меня, если я не верну ему сокола.

— Ну, уж я вас как-нибудь защищу, — пообещал Ланселот, чувствуя, что разговор сворачивает в привычное ему русло.

— Нет, вы уж лучше достаньте мне моего сокола! — не согласилась дама.

Ланселот пораскинул мыслями, сообразился с обстоятельствами и сказал даме...

...кое-что на ушко (**161**).

...или нечто совсем иное (**167**).

165

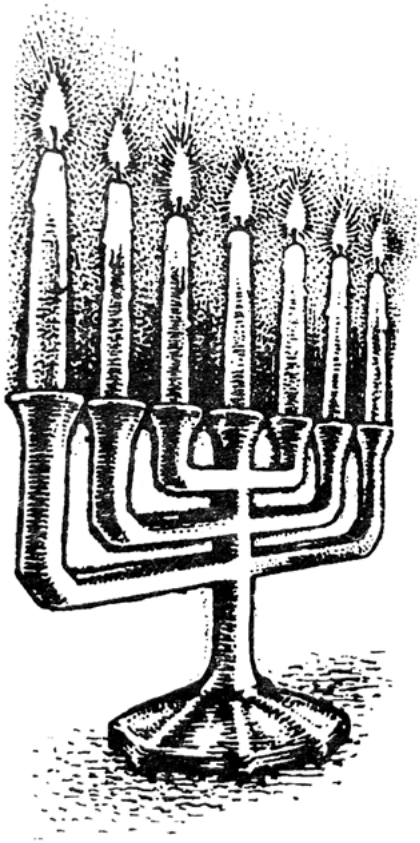
В мутном стекле отражение, как ни странно, оказалось четким и ясным, и Ланселот узнал образ, который тревожил его сны со времен их первой встречи. То была сама королева Гиневра, и взор ее, пронзенной любовью и лаской, сказал Ланселоту более и яснее всяких слов. Ланселот позабыл о своей чести и рыцарских клятвах, о славе логров и верности королю Артуру. И когда Гиневра заговорила вдруг о свадьбе, забыл Ланселот даже и о том, что перед ним жена короля Артура. Ловко же устроила все колдунья Брунзена, властвовавшая в замке Кейс!...

Ибо на самом деле была это не Гиневра, а Элейна, дочь короля Пелеса, на время принявшая чужой облик с помощью колдовских чар. Недолго длились чары — всего одну ночь. И ровно столько же был счастлив Ланселот. А утром, проснувшись и увидев спящую подле него леди Элейну, Ланселот понял, что покрыл себя позором, ибо возлюбил не Элейну, предписанную ему судьбой, а королеву Гиневру, хотя бы и мнимую. И сердце его, распаленное страстью, так рванулось к Гиневре подлинной, что тут же бросился он к окну, прыгнул вниз и, продравшись сквозь кусты роз, весь в крови помчался, не разбирая дороги, в Камелот — и добрался туда, когда исполнились назначенные сроки.

А Элейна в положенное время родила мальчика, коего нарекли Галахэдом. Сама она вскоре тихо скончалась, а сын рос, мужал и стал прекрасным и печальным юношей, с коим история логров продолжила свое течение на **252**.

— Не рыцарское это дело — по деревьям лазить! — ответствовал сурово сэр рыцарь Ланселот, у которого после всех подвигов едва сил хватало, чтоб оставаться вежливым с этой настырной теткой, лишенной возраста и.всяких признаков женственности. Поэтому он с легким сердцем тронул коня и, не слушая более горестных воплей покинутой рыцарем женщины, потихоньку отправился на **170**.

— Делать нечего, — вздохнул Ланселот, — раз уж имя мое вам известно, то с вас станется охаять меня на всю Логрию, если только вам не сподручнее разоряться на всю Британию целиком. Стойте тут, в сторонке, чтоб мне ненароком не зашибить вас, коли сорвусь я с этих чертовых сухих сучков.

Тут он с помощью леди (помощи-то, честно сказать было ни на грош, одна помеха) снял доспехи и в наряде, для рыцаря чрезвычайно непривычном (одни штаны да рубаха — ну все равно что голый!) полез на дерево. Против ожидания, ничего-то под ним и не подломилось, и вместе с соколом благополучно начал он спускаться. Но прежде, чем Ланселот ступил на землю, из шатра неподалеку выскочил могучий рыцарь в доспехах и при оружии.

— Редкое насекомое словил я в здешних лесах! — захохотал рыцарь — Осталось всадить ему булавку, куда следует! И не сметь мне оскорблять даму! — взревел он, заметив, что Ланселот с укором посмотрел на леди подле дерева. — Она всегда делает то, что я велю, а сам я исполняю волю волшебницы Хелависы, ну, а она, в свою очередь. Ну-ка, подойди поближе, и я тебе растолкую!

— Скотина вы, а не рыцарь! — сказал Ланселот, не слезая, однако, со спасительного дерева. — Позорно должно быть для вас живого человека мечом тыкать!

— Живого-то я ткну раз-другой, не более, — посулил рыцарь. — А потом уж некого будет стыдиться-то! Слезай давай, Ланселотишко, и не надейся, что я дам тебе вооружиться хотя бы столовой вилкой!

Раздумывать было уже некогда, и Ланселот принялся действовать. Он смело ринулся по стволу дуба...

...вверх, к ненадежным веткам и листьям (**168**).

...вниз, к мощным корням и твердой земле (**169**).

Ланселот карабкался по стволу проворней любой белки, но рыцарь оказался предусмотрительным и расторопным: он живо сбегал в шатер за луком и в каких-нибудь полчаса утыкал Ланселота чуть ли не дюжиной помянутых им булавок. Ланселот, однако, мужчиной оказался выносливым и все лез и лез вверх, точно пытался взобраться на небо. Туда он, впрочем, и попал, но только иным путем: рыцарь не поленился поднести запас копий и с шестой попытки поразил Ланселота насмерть. И эта бесславная гибель дала толчок событиям, развернувшимся впоследствии на **149**.

169

Спрыгивая на землю, Ланселот с размаху налетел грудью на короткий и толстый сук. Но сук был стар и сух, а рыцарь — молод и свеж, так что он напрочь отшиб собой самим сук от дерева. Ланселот тут же подхватил его и обнаружил, что держит в руке доброе оружие, не уступающее прочностью своею древку рыцарского копья. В другой же руке продолжал он сжимать золотые нити злополучного сокола, втравившего его в эту историю. Вредная птица глубоко запустила когти в предплечье Ланселота, но рыцарь, не обращая внимания на боль, содрал этот пучок перьев с живого насеста и швырнул прямо в забрало своему врагу, как раз замахнувшемуся в это время мечом. Сокол распустил крылья, закрывая поле боя, и мгновенной заминки противника Ланселоту оказалось вполне достаточно для того, чтобы нырнуть под удар и обрушить свое оружие на шлем. Сила, умноженная яростью, дала отличный результат: шлем прогнулся от удара, и череп врага треснул. Подхватив выпавший меч, Ланселот довершил дело уже в лучших турнирных традициях.

Дама в ужасе закрыла глаза и наладилась было грохнуться в обморок, но Ланселот только плюнул в ее сторону, надел свои доспехи и поскакал прочь. На скаку он обернулся и увидел издали, как она плачет и заламывает руки над мертвым мужем — и несмотря на коварство леди, Ланселоту стало даже чуточку жаль ее. Но ветви деревьев скрыли несчастную пару от его глаз, и Ланселот въехал на **170**.

170

К вечеру того же дня Ланселот достиг замка, где нашел хороший прием и удобную постель на ночь. Но перед самым рассветом был он разбужен стуком и грохотом у ворот. Выглянув в окно, увидел он перед замком сэра Кея, волчком вертящегося меж трех других рыцарей, которые наскакивали на него так, что только искры сыпались с его доспехов.

— Это не шутки, — сказал сам себе Ланселот. — Пора бы и помочь бедняге, а то они здорово испортят ему судьбу.

Ланселот живо облачился в доспехи и спустился во двор по простыне, чтобы не тратить времени на беготню по замковым лестницам и внутренним балконам.

— А вот я вас, шустрых! — крикнул он, бросаясь на рыцарей. — Поворачивайтесь резвее!

И прежде, чем они успели опомниться, он семью ударами повалил наземь всех троих — никого при этом, впрочем, даже и не ранив.

Искусство Ланселота произвело на рыцарей неизгладимое впечатление, и они хором сдались на милость победителя.

— Не много же мне чести в такой победе! — отмахнулся от них Ланселот. — Сдайтесь вон лучше сэру Кею — ему важнее число, а не качество.

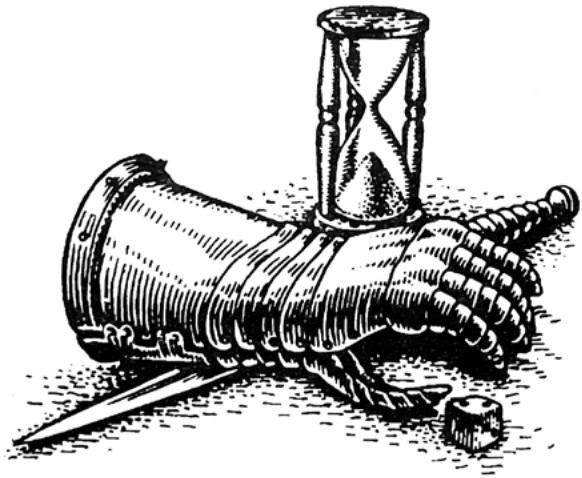
Рыцари хотели было оспорить такую передачу прав, но Ланселот прикрикнул на них, и все трое, смирные, как овечки, отправились в Камелот, чтобы на празднике пятидесятницы доложиться королю Артуру пленниками сэра Кея. Только в спальне при свете свечи узнал сэр Кея своего спасателя и чуть не разрыдался у его ног. Сэр Кей на коленях вымолил себе прощение за прошлые свои грехи и уснул, умиротворенный, на постели Ланселота. Сам же Ланселот спать уж более не ложился и вскоре покинул замок, держа путь свой в Камелот через **171**.

Сэр же Кей проснулся поздно и, не обнаружив сэра Ланселота, со вздохом стал собираться в дорогу по **172**.

Собираясь в дорогу в сумраке, Ланселот проклинал вполголоса самонадеянность сэра Кея, лишившую его нормального отдыха. Несмотря на полное прощение, присутствие этого воображалы сильно досаждало Ланселоту, и он был рад избавиться от него, хотя бы и тайком. Но покоя дорога ему не принесла.

Встретившиеся ему неподалеку от замка трое новопроизведенных рыцарей повели себя довольно странно и даже нагло для бойцов столь молодых и неопытных. Они налетели на него с трех сторон, подбадривая себя крикливыми высказываниями в том смысле, что неплохо бы намять бока рыцарю, почитающему себя несравненным в этом мире. Тогда, мол, не будет он столь дерзким на завтрашнем празднике.

Ланселот, более удивленный, нежели встревоженный, легко поверг их с коней одного за другим, отослал их на милость королевы Гиневры и с некоторым недоумением перебрался на **173**.

172

В путь-дорогу сэр Кей из-за ночных тревог собирался крайне невнимательно и поехал, понося Ланселота словами совершенно нерыцарского оборота за то, что тот оставил его на трудной дороге подвига без помощи и защиты.

Однако каково было его изумление, когда увидел сэр Кей, что встречные кланяются ему чуть ли не как самому королю Артуру, а те, кто подалее, спешат поскорее убраться с дороги. Возомнив о себе что-то необыкновенное, сэр Кей совершенно перестал бояться кого бы то ни было и даже сам стал наезжать на путников. Но драться ни с кем ему не пришлось: все тотчас бросали оружие и сдавались на его милость. И так продолжалось, пока не встретился ему сэр Лионель на **176**.

173

Продолжая свой путь в размышлениях о стремительно меняющихся нравах нынешней рыцарской молодежи, сэр Ланселот неприметно наехал на трех лучших рыцарей Круглого Стола — сэра Сеграмура, сэра Увейна и самого сэра Гавейна. Выл при них и молочный брат Ланселота сэр Эктор, но он отчего-то рыцаря не узнал и не приветствовал, из чего Ланселот с некоторым даже испугом заключил, что за время своего отсутствия попал он, видно, при дворе в какую-то странную опалу.

Принимая не вполне ясные ему еще правила повой игры, сэр Ланселот ни приветствовать, ни представляться не стал и решил дожидаться развития событий. В ответ на что сэр Сеграмур, очевидно, усмотрев в этом молчании какое-то для себя оскорбление, пустил коня в галоп, явно изготавливая копье к удару.

— Испытаю я силу сэра Кея, о которой он столько говорит! — почему-то кричал при этом сэр Сеграмур.

Отложив размышления на потом, Ланселот встретил сэра Сеграмура с такой силой, что наземь повалился не только всадник, но и конь его.

— Ого! — воскликнул сэр Эктор. — Таких могучих ударов я что-то не припомню за сэром Кеем. Проверю-ка я его на своем копье.

Ланселот, уже начавший что-то понимать, принял Эктор на свое копье довольно-таки милосердно и всего лишь перебросил его через круп коня. Эктор почел за благо лежать там, где упал.

— Так, ясно, — заключил рассудительный сэр Увейн. — Этот сильный рыцарь, по-видимому, убил сэра Кея и теперь разъезжает в его доспехах. Но не может же он быть сильнее меня!

Как видно, рассудок под напором тщеславия изменяет иногда и людям самого трезвого образа мысли. Сэр Увейн ударом Ланселота был выбит из седла так основательно, что долгое время не мог приступить к дальнейшим рассуждениям.

Теперь даже и Гавейн, который, как рыцарь наибольшего опыта и мощи, предпочитал присматриваться к противнику издали, прежде чем решаться атаковать его, понял, что пора вступать в дело и ему. Рыцари съехались как раз на середине разделявшего их пути. Ни один не промахнулся, и копья ударили в середины щитов. Только копье Гавейна разлетелось на куски, а копье Ланселота выдержало натиск и удар — и Гавейнов конь покатился по земле. Сам же Гавейн, впрочем, из седла так и не вылетел.

И Ланселот поехал дальше, потрясая замечательным копьем и мысленно вознося хвалу мастеру, его изготовившему. А еще смеялся он в голос забавному происшествию: собираясь в темноте, он впопыхах облачился в доспехи сэра Кея. То-то все казались они ему тесноватыми, да и щит непривычным, а копье — неухватистым! И все же он радовался: недоразумение доставило ему несколько минут настоящих схваток, а что может быть милее сердцу рыцаря, чем упоение боя? Рыцарь в доспехах сэра Кея уезжал, а за его спиной поверженные им рыцари с трудом подымались на ноги и кое-как приводили себя в порядок.

— Мне кажется, я узнаю эту руку, — медленно проговорил опытный сэр Гавейн, попробовавший на своем копье чуть не всех рыцарей Круглого Стола. — Такой удар... да-а! Кажется мне, что это сэр Ланселот Озерный. Впрочем, в Камелоте мы узнаем это точно.

И все они отправились вслед за Ланселотом на **177**.

176

— Здравствуй, кузен мой Ланселот! — отчего-то именно так приветствовал сэр Лионель сэра Кея, встретивши его по дороге в Камелот. Сэр Кей в изумлении скинул шлем, и недоразумение тут же разъяснилось. Оказывается, путешествовал это тщеславный сэр Кей в доспехах достославного Ланселота, и потому-то никто и не осмеливался скрестить с ним копье или меч. Обрадовавшись в целом такому повороту дел и слегка огорчившись за свой личный авторитет, смело поехал сэр Кей вперед. Единственное неудобство испытал он в пути — не мог снять шлема в довольно жаркий день или хотя бы откинуть забрало, дабы не быть узнанным. Но это он вполне перетерпел и в полной сохранности добрался до самого Камелота, стоявшего в ту пору на **177**.

177

На следующий день, в праздник пятидесятницы, все рыцари короля Артура собрались, про обычаю, за Круглым Столом. Сэр Ланселот пришел по-прежнему в доспехах сэра Кея, но без шлема. Многие тут только и узнали, кто же поверг их наземь, не преломив копья, и смехом развеяно было их настроение, слегка кисловатое для праздника.

Сэр Кей, в свою очередь, ко всеобщей потехе поведал о своих странствиях в доспехах самого Ланселота. Тут подоспели и рыцари, освобожденные Ланселотом из темниц сэра Тарквина, и честнейший сэр Гахерис засвидетельствовал:

— Это была битва честная и открытая, и победил сильнейший, хотя сэр Тарквин и был самым могучим из всех, кого я встречал когда-либо.

И король Артур был просто счастлив, что у него есть такой рыцарь... а королева Гиневра, внимая рыцарским рассказам, смотрела на Ланселота такими сияющими глазами, что не заметить этого взгляда рыцарь просто не мог. Он смешался, стал говорить коротко и выглядел оттого скромнее обычного — но тем лишь сильнее разжег пламя любви в сердце королевы.

И еще кое-кто это заметил. Заметили даже, пожалуй, и многие — но не было среди них короля Артура. Ибо хоть и знал он предсказание Мерлина о роковой любви королевы и лучшего рыцаря логров, но не особенно этого опасался, ибо в глубине души считал себя лучшим логрским рыцарем. А может, он считал, что наилучший рыцарь еще только явится лограм когда-то... По той ли причине или по этой ли, а только король был слеп, и то, чему быть, не могло миновать. И хоть знаем мы наперед, чем дело кончится, все же можно выбрать даже и теперь:

Последовать ли за Ланселотом и его любовью к **268**?

Или в ожидании неминуемых и славных новых приключений оставаться пировать за Круглым Столом до **178**?

178

Короля Артура трудно было назвать особо набожным монархом. Немного сыскалось бы обрядов, коие выполнял бы он неукоснительно. Пожалуй, одни только праздники изо всех церковых событий пользовались любовью Артура — разве найдется лучший повод собраться сланым рыцарм за хорошим столом да попировать достойно? И уж тут король Артур свято соблюдал один обычай, придуманный им при основании Круглого Стола: не приступать к трапезе прежде, чем не затеется какое-либо приключение или, по крайней мере, весть о необычном происшествии не достигнет Камелота.

И вот туперь могучие рыцари скучали вкруг Круглого Стола, дожидаясь, не позволит ли, наконец, какой случай пригубить чару старого логрского вина и обломать крылья фазану, запеченному в перьях.

Тут сэр Гавейн вдруг осушил кубок и в одиночку приступил к трапезе. Конечно, сэр Гавейн был рыцарем из числа первых за Круглым Столом и мог иногда вести себя и без оглядки на приличия, обязательные для мелких сошек. Однако же никогда прежде не нарушал он так явно и открыто обычаев Круглого Стола, и король Артур не мог не спросить его, что же за этим кроется.

— Да ничего особенного, — отвечал сэр Гавейн, не оставляя, однако, трапезы. — Просто теперь уже можно начинать пир.

И действительно, тотчас же в залу вошел юноша, опирающийся на плечи двух слуг. Был он высок, довольно строен и вообще выглядел благородно, но одет был не по-рыцарски просто.

— Прошу у тебя трех даров, король Артур! — с порога приступил к делу юноша. — И не попрошу я ничего чрезмерного либо невозможного для такого короля.

— Что ж, проси, — сказала Артур милостиво, ибо красивый этот юноша с честными глазами понравился ему своей прямотой и целеустремленностью.

— Для начала попрошу я полного содержания при дворе на год вперед...а когда минет этот год, скажу я и об остальном.

— И это ты называешь королевским даром? — усмехнулся Артур. — Столько бездельников кормится вокруг меня без всякого позволения... — тут он окинул быстрым взглядом чуть не весь Круглый Стол, — ...что еще один лишний рот мне в тягость не будет. Только скажи хотя бы, как зовут тебя, смелый юноша?

— Всему свое время, — ответил юноша несколько неучтиво.

— Вот так так! — удивился король. — Что же мне, принимать при дворе неизвестно кого? А-а, так, может, сэр Гавейн раскроет нам твою тайну, если уж он так точно предсказал твое появление?

— Что я вам, Мерлин, что ли? — огрызнулся сэр Гавейн. — Я его сам в окно вон только и увидал — а тебе, господин мой король, сэр Ланселот все застит…

— А назовем-ка его Бомейном! — предложил вдруг сэр Кей, считавший себя изрядным острословом.

— С чего это вдруг Бомейном? — удивился сэр Ланселот, не слишком любивший сэра Кея.

— А это значит «Прекрасные руки», — язвительно пояснил сэр Кей — Вон же у него какие ручонки — большие и белые, праздные и ленивые!

— Ну, хоть бы и Бомейн, а негоже оставлять без присмотра неведомого человека, — сказал Артур задумчиво. — Мало ли кем он окажется. Поручу-ка я его заботам, допустим, вашим, добрый сэр…

…Ланселот (**182**).

…Кей(**181**).

— Вы же у нас, как-никак, сенешаль, — сказал король сэру Кею, — вот и принимайте нашего гостя, как если б был он герцогом или бароном.

— Да он же ни то и ни другое, — возразил грубоватый и насмешливый сэр Кей. — И вообще он ни то, ни се. Человек, домогающийся рыцарского звания, догадался бы просить у короля Артура коня и доспехи. Этот же, как какая-нибудь деревенщина, норовит лишь нажраться на дармовщинку! Значит, и место ему на кухне — там-то он наестся вволю. Заодно и поработает малость, чтоб не растолстеть слишком.

Бомейн выслушал приговор молча и с того дня целый год проработал на кухне. А сэр Кей насмехался над ним что ни день, то все больше, отпускал грубые и глупые шутки, докучал всякими недостойными поручениями и вообще не давал жизни. Бомейн терпел-терпел и в конце концов...

...Все вытерпел (**185**).

...Дал достойный отпор (**183**).

182

Сэр Ланселот принял участие в судьбе юноши и старался всячески помочь ему освоиться в среде профессиональных рыцарей. Бомейн с радостью учился у славного воина всем боевым наукам и за год достиг немалых успехов, о которых, впрочем, никто почти и не знал — дурацких насмешек сэра Кея Ланселот не то чтобы опасался, но не любил. А уж как был бы рад позлословить сэр Кей, если б узнал, что лучший рыцарь логров отдает свои силы и знания наглому и безродному пришельцу с кличкой вместо имени!

Год пролетел незаметно, и вот уже подступила **185**.

183

Однажды, когда Бомейн растапливал печь на кухне, сэр Кей зашел отпустить какую-то очередную шуточку, по своему обыкновению. В ответ на это Бомейн как-то устроил так, что зола из печки сплошь засыпала новый наряд сэра Кея — тот отчего-то был не в доспехах. Сэр Кей справедливо воспринял это как оскорбление, бросил, не долго думая, перчатку — и тем поставил себя в сложное положение.

Что и говорить, такого рода обиды смываются только кровью. Ведь если сэр Кей шутил, как он полагал, с каким-то безродным крестьянином, то этот крестьянин оскорбил рыцаря! И сэр Кей, безусловно, был бы прав (в границах морали своего века и сословия), если б тут же выхватил меч и уложил пахала на месте. Но, с одной стороны, сэр Кей оказался не при мече (и Бомейн это, как видно, заметил и учел). А с другой стороны, сам случай был из ряда вон, ни под какой вариант поведения он не подпадал, и сэр Кей машинально сделал то, что привычнее всего рыцарям. Но, бросив перчатку, он как бы уравнял себя с Бомейном. То есть не то чтобы унизился сам до кухонного работника, но возвысил его до чести биться с рыцарем — ибо даже в такой анекдотической ситуации и даже сэру Кею просто не пришло в голову уклониться от поединка.

Были, впрочем, приняты все меры предосторожности: для схватки избран был укромный уголок, а Бомейн обрядился в доспехи, добытые для него сэром Кеем. Со стороны все выглядело обычным рыцарским поединком, только вот странным казалось, что так неумел один из рыцарей. Хотя удары Бомейна были и сильны, все же опыта у него не было никакого, и выстоять он не мог даже и против такого невеликого рыцаря, каким был сэр Кей. Сэр Кей нервничал и торопился, а потому делал ошибки и затягивал поединок, но все же в скором времени повалил он Бомейна наземь

и тут же, пока юноша не успел справиться с непривычными доспехами и подняться на ноги, сэр Кей отсек ему голову ударом меча, отправившим несчастного прямо на **188**.

Бомейн оставался по-прежнему кротким и терпеливым, сэр Кей, напротив, распалялся и глумился все больше. Глядя на них, многие задавали себе вопрос: кто же из этих двоих более достоин рыцарского звания? И ответ часто был не в пользу сэра Кея,

Между тем наступил новый праздник пятидесятницы, и рыцари опять собрались вокруг Круглого Стола в Камелоте. Как уже повелось при дворе Артура, приключения не заставили себя ждать — явилась некая дама и преклонила перед королем колени, испрашивая его помощи и защиты.

— Мою сестру леди Лионессу захватил злой тиран, — сказала она печально. — Он разорил все ее земли, а имя его — Красный Рыцарь Красных Полян.

Никто из рыцарей не успел еще вымолвить и слова, а вперед уже выступил Бомейн.

— Господин мой король, — начал он, — вот и подошло время просить мне вас о других двух милостях. Первое — отдайте мне приключение этой дамы, как достойный рыцарский подвиг, и второе — пусть следует за мной сэр Ланселот Озерный, не для помощи, но как свидетель моих действий. И если сочтет он меня достойным, то после этого путешествия своею рукою посвятит меня в рыцари.

Артур вспомнил о своем обещании годичной давности и без сожаления отдал Бомейну просимое. Но тут неожиданно оскорбилась дама.

— Хорош король, нечего сказать! — произнесла леди Линетта (так ее звали). — У самого рыцарей полный стол, а посылает спасать мою сестру какого-то грязного кухонного мужика. Ноги моей больше не будет при этом дворе!

И она действительно вскочила на белую лошадь и унеслась прочь, как белая буря (наверное, как раз в честь таких вот женщин много веков спустя станут называть женскими именами ураганы).

Бомейна это, однако, не смутило. Он сел на могучего коня, карлик подал ему меч, и в сопровождении сэра Ланселота бывший труженик плиты и котла отправился свершать достойный рыцаря подвиг.

Сэр Кей внезапно почувствовал себя обделенным — ускользал привычный и удобный своею безропотностью объект насмешек.

— Ох, и задам же я трепку моему кухонному мальчишке! — вскричал сэр Кей, поднимаясь из-за стола.

— Сидел бы дома, пустомеля, — сказал ему добродушно благородный Гавейн, но сэр Кей пропустил мимо ушей, как пропускал всегда, благое пожелание в свой адрес и пустил своего коня вдогонку за Бомейном.

Он нагнал Бомейна как раз тогда, когда тот поравнялся с леди Линеттой. То ли вдохновляясь присутствием дамы, то ли воодушевляясь новым своим качеством, прежде кроткий Бомейн неожиданно переменился и разговаривать с сэром Кеем стал дерзко.

— Изволите видеть, сэр, — сказал он с некоторою издевкой, — я теперь стою на дороге рыцарского подвига, так что не становитесь мне поперек пути. А то я забью все ваши насмешки вам обратно в глотку!

Сэр Кей просто онемел от такого нахальства и молча бросился на Бомейна с копьем наперевес. Бомейн, как был, без доспехов, вооруженный одним мечом, кинулся ему навстречу. Он действовал точно и ловко: отбил копье мечом и плашмя так стукнул сэра Кея, что тот ласточкой слетел с коня. Бомейн пополнил свой арсенал копьем и щитом сэра Кея и пустился за леди Линетой, которая, конечно же. ускакала, не дожидаясь исхода поединка.

— Конечно, — проворчал себе под нос Ланселот, наблюдавший за поединком со стороны, — братец мой молочный Кей — порядочный задира, но боец-то не из лучших. Свалить его — невелика честь. Однако же этот Бомейн — ловкий парень, и что-то мне подсказывает, что недолго ему ездить

без доспехов Ну, ладно, там поглядим, а пока следует позаботиться о братце. А то как бы не застудился он в железках этих на сырой-то земле!

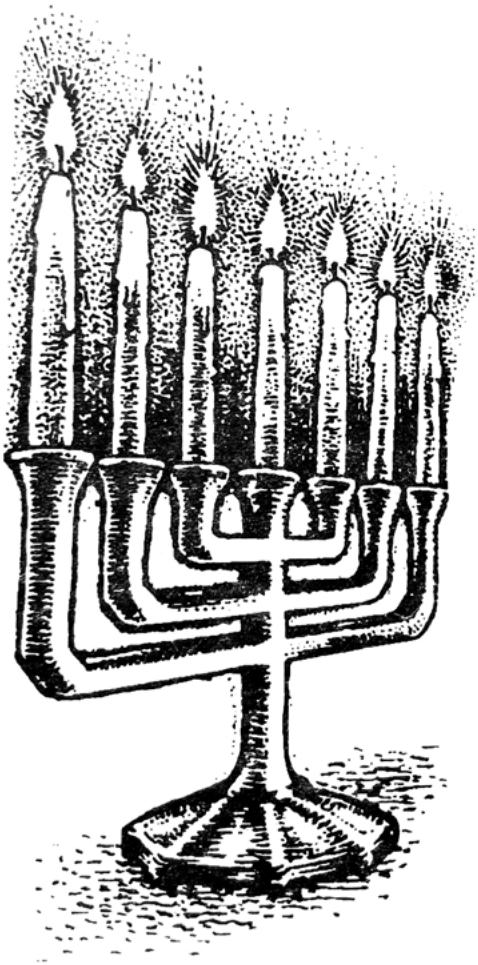
Посмеиваясь, взвалил он неудачника Кея на его коня и повез обратно в Камелот, рассчитывая вскоре догнать Бомейна где-нибудь по дороге к настоящему подвигу.

Если ты решишь следовать за Бомейном, отправляйся на **189**.

Если тебе более приятна компания Ланселота, с ним ты доберешься до **190**.

Так и погиб Бомейн, он же Гарет, который мог бы достойно носить имя Рыцаря Кухни. И хоть не суждено ему было стать самым славным рыцарем логров, все же место, предназначенное ему за Круглым Столом, осталось незанятым. Пророчество Мерлина не сбылось, час славы логров так и не наступил, зато наступила печальная для истории Логрии **51**.

189

Леди Линетта не успела отъехать далеко, но не успела она и измениться: прием Бомейну оказан был не слишком любезный.

— Тянется и тянется за мной эта кухонная образина! — жаловалась леди Линетта небесам. — Все леди как леди — и приключения у них достойные, и рыцари попадаются им приличный Одна я, видно, такая уж невезучая, что мне вот Бомейн достался! Ехал бы ты, мужик, восвояси, а то ведь позора не оберешься: я же всем скажу, что рыцаря ты сразил обманом, подло и коварно. С сэром Кеем тебе, положим, повезло, но в другой-то раз этого уж не случится.

— А вот мы сейчас и посмотрим, — сказал на это Бомейн, ибо на краю темной просеки у черного боярышника на черном коне сидел рыцарь в черных доспехах и под черным знаменем.

— Доездился, — сварливо сказала Бомейну леди Линетта, — это Черный Рыцарь Черных Полян.

— Ага! — вскричал тут Черный Рыцарь — Защитничек выискался! Сейчас я его разделаю под орех, под дуб, под ясень!

— Ну, вы тут поговорите, джентльмены, — очаровательно улыбнувшись, сказала леди Линетта, — а я уж поеду себе далее в гордом одиночестве.

Покинутый Бомейн почесал в затылке, не прикрытом шлемом, и решил, что лучше всего ему будет.

...Атаковать Черного Рыцаря немедленно на **190**.

...Объехать грозного противника по **192**.

...Бежать, пока не поздно, на **193**.

190

Ланселот, подъехав, заметил незнакомого рыцаря и решил не вмешиваться и поглядеть, что же выйдет.

А вышло вот что: Бомейн, нимало не испугавшись, пустил коня вперед и поехал прямо на Черного Рыцаря.

— Э-э! — произнес тот с некоторой тревогой. — Куда прешь? Я же тебя сейчас под этот самый... Или ты глухой? — спросил рыцарь с надеждой.

— Нет, — отвечал Бомейн, — я только слепой, безногий и горбатый, но и в таком виде я с тобой справлюсь без труда.

— По увечьям судя, немало ты бился на своем веку.

— сказал Черный Рыцарь уважительно. — Только вот годами что-то молод, да и говоришь как-то не порыцарски. Не учен, что ли?

— Еще и тебя поучу! — крикнул Бомейн заносчиво.

— Держись — вот урок первый: не по словам суди, а по делам!

Бомейн пустил коня в карьер и понесся на врага. Черный Рыцарь успел вскинуть копье, но оно только скользнуло по щиту Бомейна. А копье Бомейна пронзило Черного Рыцаря так ловко, что тот умер, еще не успев рухнуть на землю. Бомейн для надежности покрутил копьем в рыцаре, потом слез с коня и обзавелся доспехами за счет побежденного.

— Вот это правильно, — сказал тут Ланселот, подъезжая ближе. — Не годится рыцарю путешествовать без доспехов, а эти вы добыли в честном бою — сам видел. Теперь я, пожалуй, могу посвятить вас в рыцари — если только вы откроете мне свое имя. А то Бомейн, согласитесь, звучит негоже: «Встаньте, сэр Бомейн — Прекрасные Руки...» Тьфу! Бабье какое-то прозвище, вы не находите?

— Нахожу, — согласился Бомейн, опускаясь на колени, — что язык сэра Кея скорее глуп, чем остер. А зовусь я Гарет Оркнейский, младший сын короля Лота и сестры Артура

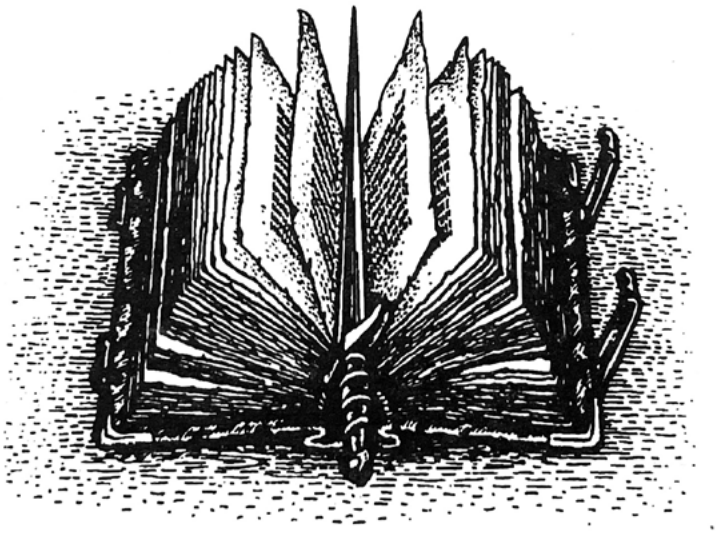
королевы Моргаузы. Добрые сэры рыцари Гавейн, Гахерис и Агравейн приходятся мне братьями, только они не видали меня лет десять, вот и не узнают теперь.

— Ну, не все, — не согласился Ланселот. — Вот Гавейн, наверное... Ну, ладно, встаньте же, сэр Гарет, которого нарекаю я рыцарем... Рыцарем Кухни! То-то побесится сэр Кей — ведь это же у вас его щит? — когда узнает, какую славу вы ему стяжали!

— Славу завоевывает рыцарь, а не щит, — сказал Гарет холодно. — Уж вам ли того не знать, сэр рыцарь?

— Действительно, — согласился Ланселот, — что это я? Говорю всякую ерунду, время вот тут с вами теряю... Ну, если надобности во мне более нету, поеду-ка я лучше ко двору, порасскажу о ваших подвигах, а вы уж меня не подкачайте там на дороге-то!

— Не извольте сомневаться! — самоуверенно заверил Ланселота сэр Гарет, и рыцари разъехались. С Гаретом попадешь ты на **194**. Ланселот доведет тебя до **216**.

192

Таким-то образом заехал славный наш юноша в какие то совершенно неведомые края — неведомые, конечно, одному только Бомейну с его невеликим опытом. Всякий же сведущий в тамошней и тогдашней географии рыцарь легко догадался бы, что занесло его в окрестности Опасного Замка, где дожидалась своего освобождения из-под тирании Красного Рыцаря та самая леди Лионесса. Но Бомейн этого, разумеется, знать не мог, поскольку прежде он Лионессу не видел, а потому смело въехал прямо в замок и нашел там неожиданно радушный прием. Леди Лионесса говорила с ним приветливо и устроила в честь него большой пир и называла ласково «Бомейнчик» и «мой освободитель», чему Бомейн немало удивлялся, но виду не подавал, приписывая внезапную нежность непредсказуемой женской натуре. Как настоящий мужчина, он старался вынести все до конца, но постепенно его стало клонить ко сну, и леди Лионесса отвела его в опочивальню и простилась с ним так ласково, как если бы он был любим ею многие годы без передышки. И юный рыцарь заснул в недоумении на **196**.

193

Этот цветной рыцарь вдруг показался Бомейну не то чтобы страшным, а каким-то раздражающе-неприятным — как черная тетя из детской «ужасной» сказки. Бомейн развернул коня и поехал прочь, стараясь спиной показать, что ничуть он не боится и даже не поворачиваясь может запросто справиться с десятком таких противников. Выражать такое оказалось непросто, все внимание Бомейна сосредоточилось на спине, а на глаза не осталось ничего, и это привело его прямо на **192**.

— Ах ты таракан запечный! — уже довольно традиционно встретила Гарета Бомейна леди Линетта. — Я, признаюсь, не видела вашей драки, но с уверенностью скажу, что опять ты какую-то подлость в ход пустил! Иначе тебе ни за что б ни справиться с таким могучим рыцарем. Но ничего, тут неподалеку найдется еще рыцарь-другой из тех, кого никому не одолеть! Может, все-таки сбежишь? — спросила она неожиданно участливо.

— Ну уж нет! — отрезал сэр Гарет. — Победят меня или убьют, а только спину мою враги не увидят!

И действительно: со встреченными на дороге Зеленым и Голубым Рыцарями соответствующих по оттенку Полян повторилась та же история, что и с Черным Рыцарем — с той лишь разницей, что Бомейн-Гарет не снимал с них доспехов, ибо был он уже облачен прилично для рыцаря.

— Я просто даже удивляюсь, на вас глядючи, — сказала ему после этих побед леди Линетта, оставив на время свой насмешливый тон, — Можно подумать, что кровь у вас в жилах благородней королевской — я вот уж поддевать вас умаялась, а вы все так же учтивы и служить мне не отказываетесь. С чего бы?

— Благородство — доспехи рыцаря, — ответствовал Гарет. — И дурное слово не может их пробить. А служу я вовсе и не вам, а лишь своему рыцарскому призванию, ибо никакой женщине, будь она даже хоть ангелом во плоти, хоть чертом в юбке, не сравниться в притягательности с Вечной Дорогой Подвига.

— А я-то надеялась... — сказала Линетта потерянно.

— Ладно, чего уж там! Простите меня за все, если уж вас этим не проймешь и езжайте себе отсюда, раз сама я для вас ничего не значу.

— Ну, не так, чтобы совсем… — сказал справедливый Гарет. — Но над вашим предложением, похоже, стоит подумать, потому что вон у того замка я вижу солидное войско, с которым трудновато справиться в одиночку. Будь здесь и сам Ланселот…

— Так это же бароны Красного Рыцаря! — вскричала, вглядевшись, леди Линетта. — Значит, и сам он где-то рядом.

— Наверное, отдыхает вон там? — предположил Гарет, указывая на кроваво красный шатер под огромным багрянником, называемом также иудиным деревом. Полускрытые алыми цветками, висели на ветвях тела многих добрых рыцарей в побуревших от крови доспехах.

— Эти несчастные, — указала на них леди Линетта,

— пытались до вас спасти мою сестру. Понимаете вы теперь, какая участь вас ждет?

— Что ж делать, — вздохнул Гарет. — Рано или поздно, не на этой дороге — так на следующей. — и он поднес к губам большой рог, чтобы трубным его звуком вызвать на бой ужасного Красного Рыцаря Красных Полян.

— Ладно, так и быть, — сказала леди Линетта. — Примите хоть последний подарок от меня — так сказать, прощальный. Хоть и не уверена я, что шибко это вам поможет, но все же знайте, Красный Рыцарь особенно силен до полудня, а потом сила его понемногу убывает, и к вечеру он становится значительно слабее, хотя и остается все же сильнее всех.

Тут сэр Гарет по прозвищу Бомейн крепко задумался, на что же решиться:

Применить полученные сведения на деле, для чего дождаться **197**.

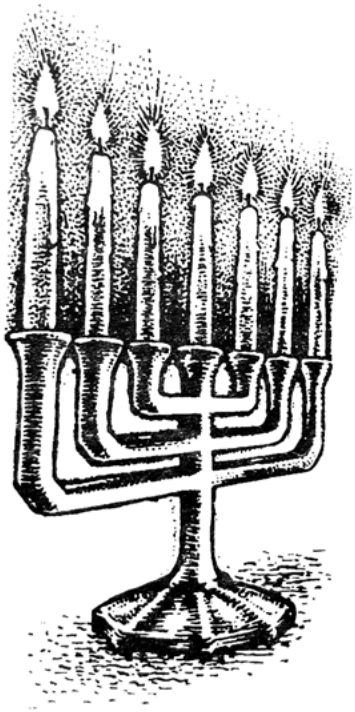
Не мешкая, идти в бой на **198**.

Отправляться подобру-поздорову восвояси на **193**.

Однако глубокой ночью, не зажигая света, ибо прекрасно ориентировался ив темноте, в опочивальню неслышно вошел слуга леди Лионессы с длинным мечом. Усталый Бомейн спал крепко, и не развившееся еще у неопытного юноши чувство опасности, сослужившее добрую службу не одному рыцарю, не смогло пробиться сквозь романтические бредни его героических сновидений. Меч поднялся и опустился, отправляя несчастного юношу к **188**.

Гарет поддался соблазну добыть победу меньшей затратой сил и охотно согласился подождать до вечера, а для верности — и до ночи, когда Красный Рыцарь, уж верно, будет слаб, как новорожденный ребенок. Однако ночью выяснилось престранное обстоятельство: силы Красного Рыцаря вовсе не убавились, в ночной же тьме он получил серьезное преимущество, ибо видел, надо полагать, в инфракрасном спектре — в этом-то и состояла его подлинная тайна. Багряный меч легко поразил действовавшего почти на ощупь сэра Гарета, и под торжествующий хохот коварной леди Линетты несчастный Бомейн отправился на **188**.

— Может, мне на него еще на спящего напасть?! — взъярился сэр Гарет, чувствуя себя заподозренным в неблагородстве, я дунул в рог так, что с багрянника листья так и посыпали, а красивая прическа леди Линетты рассыпалась по ее плечам косматой гривой. Из лесу тотчас же показался Красный Рыцарь на гнедом коне и в полном вооружении, словно только и дожидался приглашения к бою. Бароны подъехали ближе, чтобы посмаковать разделку наглеца их хозяином, а из окна покинутого замка выглянула очаровательная леди и замахала рукой Гарету. Рыцарь перестал трубить и низко поклонился.

— Вот так и стой, — крикнул ему Красный Рыцарь, — а я сейчас как-нибудь все улажу. И повадились, донимаешь, — заворчал он, вытаскивая здоровенный меч из ножен, — ездить, меня беспокоить по пустякам, даму вон понапрасну обнадеживать... Шлем-то сними, а то, неровен час, попорчу, жалко будет — братов шлем, вижу...

— Видишь, да не понимаешь! — сказал сэр Гарет. — Что ж, по-твоему, он мне его подарил, что ли? И доспехи вот со своего плеча пожаловал?

— А ведь и верно! — удивился Красный Рыцарь. — Серьезный ты, видать, мужчина... Ну, коли так — будем биться по полной программе. Я-то сокращенно хотел, поскорее, чтоб тебе зря не мучиться...

— А я и не тороплюсь! — отвечал сэр Гарет. — Я, может, тебя основательно крушить буду, со вкусом

— Ну, пробуй, гурман, — усмехнулся Красный Рыцарь и отъехал подальше.

Они понеслись друг на друга и сшиблись с такой силой, что с дерева слетели уже цветы и сорвалась пара рыцарей. Верно нацеленные копья грянули как раз в середины щитов и разлетелись чуть ли не в пыль. С треском оборвались подпруги, повалились замертво кони, а рыцари рухнули наземь один подле другого и застыли так надолго.

— Шеи они, что ли, друг другу посворачивали? — проворчал недовольно один из баронов, опасаясь, однако, подъехать ближе.

— Разве можно так бить? — поддержал его другой, тоже не трогаясь с места. — Остались мы теперь без хозяев: и старый накрылся, и новый с копыт долой. Ой, куда ж нам, сирым, теперь деваться-то? — запричитал он вдруг тонким бабьим голоском.

От его визга рыцари как-то сразу пришли в себя, вскочили на ноги и принялись рубиться на мечах. Звон стоял почти колокольный, от доспехов отлетали целые пластины, но почти не видно было крови на траве, и без того багряной. И когда подступил полдень, Красный Рыцарь с торжествующим криком выбил меч из рук Гарета и бросился на него, чтобы нанести последний удар. И Гарет...

...Благоразумно забывая прежние свои слова, скакнул прочь, сшиб какого-то барона и на его коне умчался на **192**.

...Самонадеянно кинулся навстречу разящему металлу, полагая продолжить бой голыми руками на **200**.

200

Гарета в бытность его Бомейном не зря прозывали «Прекрасными руками» — руки его действительно прекрасно умели обходиться со всяким предметом, будь то блюдо с кушаньем, деревянная чурка или вот как сейчас — рыцарь в доспехах. Красному же Рыцарю прежде, как видно, не приходилось вести бой с противником, работающим в столь экстравагантной манере, и он все никак не мог приспособиться рубить верткую фигуру. Гарет-Бомейн ужом изворачивался под свистящим клинком и оказывался вдруг так близко, что рубить его было все равно что рубить себя самого. Красный Рыцарь, чертыхаясь, отскакивал в сторону, но Гарет следовал за ним, как привязанный, и в конце концов ухитрился обхватить поверх рук так, что полностью сковал всякую свободу маневра. Понатужившись, Гарет поднял Красного Рыцаря в воздух и затем так ударил оземь, что багровые доспехи слегка даже погнулись, а алый меч выпал из ослабевших пальцев.

Гарет тут же подхватил меч, чтобы с его помощью исследовать внутренность красных доспехов, но Красный Рыцарь взмолился о пощаде.

— Не своею же волей! — кричал он, отползая потихоньку от Гарета. — Что мне, заняться больше нечем? Это все она! — он кивнул на замок, не отводя, однако, взгляда от колеблющегося клинка. — И замок себе наколдовала, и меня присушила. У нее ведь когда-то ваши...ну, эти, от Круглого Стола...порешили братьев Штук пять или шесть — я точно не помню. Ну, вот она и взяла с меня клятву, чтоб убил я, значит, в отместку сотню рыцарей короля Артура и на дереве этом поразвесил...

— И что — убил? — спросил сэр Гарет с каким-то нехорошим интересом.

— Да где там! — дернул подбородком рыцарь. — Сюда и простой-то человек раз в год заглядывает, не то что рыцарь — нашла тоже баба, где замок поставить! Я уж натаскал

доспехов, какие достал, развесил, думал, обману — и будет она, как обещала, моею. А она-то ведь их считает! Близко, конечно, не подходит — крови она, видишь ли, не переносит. Это после братьев-то… А считать — считает: каждое утро из окошка пялится, словно приданое перебирает… У-у, так бы и пришил!

— Что ж не пришил-то, в самом деле? — уже сочувственно спросил его сэр Гарет.

— Да ворота она, что ли, заколдовала — никак войти не могу, просто ноги не идут, и все тут.

— А может, любите вы ее просто — и вся магия? — лукаво осведомилась подошедшая к ним леди Линетта.

— Ну и люблю! — закричал рыцарь. — Ну и что из этого? На какой обман вон ради нее пошел, на какие унижения — а она разве видит? Только вот это деревце и разглядывает. Лестно ей, что столько народу ради нее положено. А у самой, может, братьев и сроду-то не было…

— Братьев точно не было, — подтвердила леди Линетта. — Нас с сестрой в в семье только двое детей и было…

— Вот подлая тварь! — в один голос вскричали тут сэр Гарет и Красный Рыцарь и замолчали, глядя друг на друга.

— Что, рубить-то будешь? — спросил после паузы Красный Рыцарь. — Давай уж решай, не томи, а то заржавею я тут, на росе-то.

Гарет поскреб в затылке (через шлем), поглядел на багрянник, называемый также иудиным деревом, на окна замка глянул и решил…

…непременно пощадить и без того многострадального рыцаря на **202**.

…сохранять рыцарскую последовательность и ни за что не давать пощады поверженному противнику на **203**.

202

— Что ж, поднимитесь, сэр...

— Айронсайд, — быстро подсказал Красный Рыцарь.

— ...Сэр Айронсайд, и скачите ко двору короля Артура, — сказал сэр Гарет слегка торжественно — все-таки это был первый рыцарь, пощаженный им, если не принимать во внимание, конечно, сэра Кея. — Вы присягнете Артуру вместе со всеми своими баронами и скажете, что одолел, пощадил и послал вас Рыцарь Кухни.

— Кухни?! Вот забавное имя! — не удержался от замечания сэр Айронсайд. — То-то мне все чудился какой-то печной запах... Жаркое с дымком, а? Трюфели по-фламандски...

— Поторопитесь, сэр Айронсайд, — оборвал его Гарет, — а то ведь милосердие — такая нестойкая вещь! Может развеяться в любую минуту...

— Исчезаю! — пропел сэр Айронсайд, скликая своих баронов. — Но...пулярка в белом соусе? Ах, седло барашка, я присягну тебе на верность при дворе любого тирана!

И он действительно исчез, а сэр Гарет дней десять отдыхал в его шатре, залечивая раны, и леди Линетта ходила возле него, непривычно тихая и почти скромная — с виду. Потом они вместе направились в замок, чтобы встретиться с леди Лионессой, которую Гарет формально все-таки освободил от ига Красного Рыцаря (хотя, конечно, еще следовало разобраться, кто от кого освободился). И подойдя к замку, он получил то, на что рассчитывал (**207**)...

...Или нечто совершенно в ином духе (**204**).

203

— Вы бесчестны, сэр...не знаю, как уж вас там, да и знать не хочу, — холодно и высокомерно промолвил сэр Гарет, — а потому не вижу смысла оставлять в живых такого безвольного обманщика.

— Но я же осознал! — вскричал сэр Красный Рыцарь, проворно подползая к Гарету и норовя лобызнуть его сапог. — Я исправлюсь и еще послужу...

— Никому не нужен человек без принципов, — возразил Гарет. — Сегодня вы действовали так, завтра — иначе, потом опять что-нибудь перемените... Уж если клялись даме сердца — так убивайте! А не можете, так нечего и комедию ломать! Которой, кстати, пришла самая что ни на есть финита...

Тут Красный Рыцарь счел момент подходящим, чтобы на собственном опыте проверить эффективность рукопашной тактики имени Бомейна. Он вскочил на ноги и попытался отобрать у сэра Гарета свой меч. Но Бомейн не совсем еще умер в сэре Гарете, а потому рыцарь сумел достойно и быстро отреагировать на внезапное нерыцарское коварство поверженного — я кровь была незаметною на алых пластинах доспехов.

Прямолинейный Гарет привык доводить начатое до конца, а потому счел себя обязанным нанести визит леди Лионессе и пошагал в ее замок, где и нашел самый радушный прием. Леди Лионесса говорила с ним приветливо и устроила в честь него большой пир и называла ласково «Бомейнчик» и «мой освободитель», чему Бомейн немало удивлялся, но виду не подавал, приписывая внезапную нежность непредсказуемой женской натуре. И он продолжал терпеливо сносить все знаки внимания, пока его не стало клонить ко сну на **196**.

204

— Убирайся, Бомейн! Проваливай, Рыцарь Кухни! — злобно прокричала леди Лионесса, выглянув из окна над воротами. — Моей любви может быть удостоен лишь славный рыцарь благородного происхождения, а не какой-нибудь там зачуханный кухонный мужик, питающийся объедками с рыцарского стола!

Гарет до того разгневался, что не находил слов (он, впрочем, и раньше-то оратором был не из первых). В ярости он развернул коня на мосту и помчался прочь так быстро, что успел за ним последовать один лишь карлик, привыкший к причудам своего хозяина — он-то знал, что не надо зря мозолить глаза рыцарю, но тем не менее всегда следует быть под рукой, чтобы успевать услужить вовремя и не лишиться места, а то и самой жизни.

Леди Линетта, не так хорошо знавшая Гарета-Бомейна и уж тем более не видавшая его прежде в гневе, осталась в замке и за отсутствием привычного объекта стала поддевать сестру:

— Хороша же ты, нечего сказать! А вдруг этот человек не тот, за кого он себя выдает, и ты сейчас прогнала настоящего рыцаря и шикарного жениха?

— Ну и пусть катится на все четыре ветра! — не унималась леди Лионесса. — Стоит мне только свистнуть — сразу сбежится целая свора женихов куда лучше этого!

— То-то они до сих пор не являлись — наверное, сигнала твоего дожидаются? — усмехнулась леди Линетта.

— Я что-то не пойму, сестрица, — удивилась леди Лионесса, — не ты ли слала мне почтовых голубей с записками, где хаяла этого самозванного рыцаря, как могла? А теперь он, значит, стал вдруг настолько хорош, что годится мне в суженые! Не он ли это тебя так перековал? И каким же, не скажешь ли, инструментом? По-моему, у рыцаря, кроме меча, с собою может быть только...

— Чем язвить, послала бы лучше кого вдогонку, — перебила сестру Линетта. — А то ведь смотри — уедет...

— Стану я звать назад того, кого только что прогнала! — возмутилась леди Лионесса, но тем не менее она заложила два пальца в рот и свистнула так, что ей позавидовал бы любой логрский мальчишка, гонявший голубей.

На зов, вопреки заявлениям Лионессы, не сбежалась ни свора, ни толпа, ни даже компания рыцарей — в залу вошел один лишь рыцарь сэр Грингамур, брат Линетты и Лионессы. Где он скрывался прежде и отчего не освобождал свою сестру — неизвестно. Возможно, его останавливало то обстоятельство, что кодекс чести и тогдашние правила хорошего тона предписывали рыцарю немедленно жениться на спасенной им даме, и сэр Грингамур в случае успеха спасательных работ был бы поставлен своей доблестью в довольно сложное положение.

Как видно, понимала это и его сестра, поэтому она не требовала от брата невозможного, а давала ему несложные мелкие поручения. Вот и сейчас наказала она ему всего лишь последовать за Бомейном, но не звать его в замок, а похитить ночью его карлика — с тем, чтобы допросить слугу об имени и родословной его хозяина.

Грингамур исполнил просимое с ловкостью профессионального похитителя карликов, но позабыл он заткнуть маленькому слуге чем-нибудь рот, и ночь огласилась отчаянным воплем:

— Хозяин-хозяин, нас, кажется, грабят! Хозяин, уносят самое ценное!

Гарет, однако, продолжал спать, ибо, с одной стороны, презирал мирские блага, а с другой, ценнее всего у рыцаря честь, которую похитить куда более трудно, чем завоевать в боях и походах.

Карлик понял свою ошибку и завопил на иной лад.

— Хозяин, хозяин, спасите меня! Спасите меня, о славный и добрый рыцарь!

Тут расчет оказался верен: Гарет немедленно вскочил на коня, хотя голос карлика уже едва доносился издали — ведь призыв о помощи настоящий рыцарь расслышит всюду и всегда. Его не заглушит ни грохот урагана, ни рев дракона, ни шум застолья, ни шепот дамы сердца,

Грингамур, правда, успел набрать солидную фору, и Гарет настиг Грингамурова коня, когда всадник уже добился от карлика всей правды. Поэтому, стремясь к схватке, сэр Гарет оказался вдруг, неожиданно для себя самого и для тебя, читатель, на **207**.

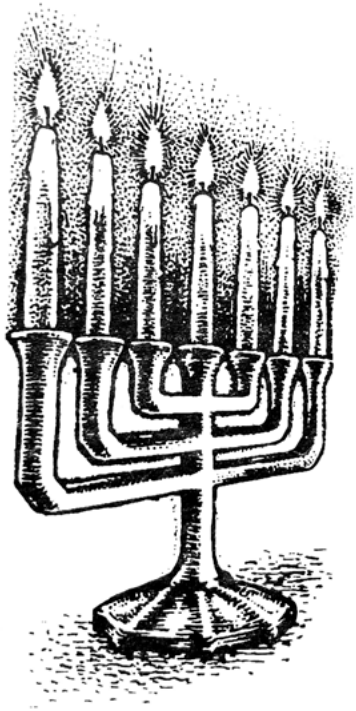
209

— Добро пожаловать, благородный сэр Гарет Оркнейский! — приветствовала рыцаря леди Лионесса, выглянув из окна над воротами. — Я всегда знала, что страдания вознаграждаются сполна, и теперь рада принять у себя такого замечательного рыцаря — моего спасителя и мою любовь.

Гарет, по своему рыцарскому обыкновению, не знал, что и сказать. Собственно, выбор-то у него был невелик — всего-то две альтернативы, и он выбрал.

...Первую, что взбрела ему на ум (**210**).

...Другую, что задержалась в пути и на ум пришла не прямым путем (**208**).

— Леди, — сказал сэр Гарет учтиво, — я тронут вашими словами и вашим признанием моих качеств И как истинный рыцарь логров, я готов даже простить- то есть я хочу сказать — просить вашей руки.

Леди Лионесса поспешно расплылась в улыбке, опасаясь, как бы рыцарь не передумал ненароком.

— Но подумайте, — предупредил сэр Гарет, как честный человек, — хотите ли вы связать свою жизнь с человеком, который готов отказаться от рыцарских свершений и посвятить себя тихой жизни в замке рядом с законной супругой, которую он, как великое сокровище, собирается бдительно хранить денно и нощно? Отвечайте же, сударыня, так, как подсказывают вам сердце и небеса.

Сердце подсказывало леди Лионессе, что такая жизнь будет вовсе не столь тихой, как предполагал сэр Гарет. Ибо у какой же жены хватит терпения выносить каждодневное присутствие мужа7 Толчется весь день без дела, лезет постоянно на глаза и еще думает при этом, что ты без ума от такой его, с позволения сказать, любви! Нет, не для того выскакивают девушки замуж за рыцарей, которые полжизни проводят в походах и не торчат над душой ненавистными помехами настоящей и полной личной жизни! Сердце леди Лионессы бушевало и требовало слова, но небеса вкладывали в уста ее совершенно иные речи — ведь она сама только что при родственниках назвала Гарета своей любовью и отказываться от него прямо вот так сразу было неудобно. Надо было выиграть время...а там посмотрим, ведь жизнь у рыцарей такая непредсказуемая, в ней столько внезапного, романтического — в опасного...

— Милый мой Гарет, — сказала она с наивозможной ласковостью, — неужели я поверю, что рыцарь оставит дорогу .подвига и превратится в жалкого домоседа, замученного геморроем и несварением желудка? Подумайте и вы, готовы ли провести всю свою жизнь совершенно безвест-

ным в четырех стенах, утешаясь лишь воспоминаниями об одном-единственном вашем приключении — в то время как слава ваших сверстников будет приумножаться год от года? Подумайте об этом хорошенько и ответьте мне... утром, когда силы свежи и усталость не туманит разума.

С этими словами она лично отвела сэра Гарета в его опочивальню и удалилась, оставив ему на прощанье жаркий поцелуй и не оставив свечи, так что сэр Гарет в темноте и растерянности встретил **188**.

— Леди, — сдержанно сказал на это излияние чувств сэр Гарет, — как-то странно мне слышать такие жаркие слова по отношению к человеку, которого вы совершенно не знаете. Прилично ли девушке вашего положения вверять свою судьбу первому встречному? Или ваше происхождение не столь высоко, каким может показаться на первый взгляд? Или вы — о небо, я весь трепещу! — уже не девушка, что так торопитесь прикрыться браком? Сэр Айронсайд — мужчина изрядный, и я сомневаюсь, чтобы такая пылкая особа, как вы, могли не раскрыть ему всех ворот, какие только имели...

В продолжение всей этой тирады леди Лионесса попеременно то краснела, то бледнела и постоянно кусала губы — то ли подавляя гнев, то ли пряча злобу.

— И все же, — продолжил сэр Гарет при полном молчании ошеломленных его речами присутствующих, — негоже рыцарю моего достоинства возвращаться после такого приключения без своей избранницы. Поэтому, поскольку в данном случае какой-то ассортимент дам имеет место, я, несмотря на вышесказанное, все же решусь выбрать себе в спутницы жизни ту из вас, о которой скажу...

...на **208**.

...на **211**.

211

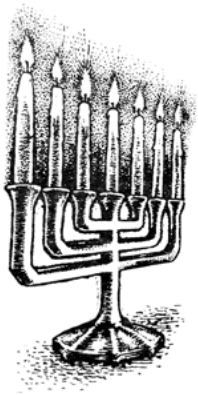
— Леди Линетта, — провозгласил сэр Гарет торжественно, — вы делили со мной все тяготы нелегкого этого путешествия и в меру своих сил, хотя и в довольно своеобразной форме, пытались уберечь меня от опасностей. Я оценил ваши заботы, а так же и ту перемену, которая произошла в вас накануне битвы моей с Красным Рыцарем, и полагаю, что достойнешей наградой вам будет моя рука... а вопрос с сердцем мы с вами обсудим как-нибудь наедине.

И леди Линетта, конечно же, сразу согласилась -отчасти по душевной склонности к сэру Гарету, которую она прежде чисто по-женски прятала за колкостями, отчасти же из желания досадить спесивой сестре, с которой Линетта состояла в родстве, но не в приятных отношениях.

Помолвка их состоялась тут же, а с венчанием было решено подождать до Камелота, куда решено было отправиться завтра — день уже клонился к вечеру. Леди Лионесса так и клокотала от ярости, но внешне оставалась почти любезной и даже сама указала гостям их покои. По забывчивости, из экономии или в желании досадить, она не оставила сэру Гарету свечи, и он...

...Решил безмятежно почивать в темноте на **196**.

...Пошел искать света по **212**.

212

По странной случайности первая же дверь привела его в опочивальню к леди Линетте, где девушка, лишенная даже необходимейшей в походных условиях служанки, сама раздевалась, чтобы отойти ко сну. Сэр Гарет вошел к ней как раз тогда, когда последний покров уже упал с девичьего тела, а тонкая ткань ночной рубашки еще не успела скрыть всех ее прелестей. Разумеется, Линетта показалась Гарету прекрасной — ведь она же была настоящей леди! А он, хоть и был истинным рыцарем, не смог справиться с собой — и у кого хватило бы смелости или ханжества осудить эту юную пару за то, что они не стали дожидаться свадьбы и сорвали свой плод с древа познания как раз тогда, когда он и созрел для них обоих?...

Любовь — дело иной раз не менее утомительное, чем любой рыцарский подвиг, и невенчанная чета вскоре забылась глубоким сном. Но благодарная нежность переполняла сердце Линетты — и, наверное, именно это чувство заставило ее проснуться, когда к ложу, неслышно ступая, подошел человек с обнаженным мечом. Слуга был послан леди Лионессойй спальню Гарета. Он прекрасно ориентировался в знакомом замке и даже в полной темноте порученное исполнил быстро, но не точно — сэра Гарета в пронзенной мечом постели не оказалось. Слуга решил поначалу, что все же ошибся отчего-то дверью, и сунулся в соседнюю опочивальню. Тамошнего сэра прикончил он без хлопот, но что-то не понравилось ему в тонах предсмертного хрипа, и он запалил свечу. Свет внес необходимую ясность: на окровавленных простынях возлежал несчастный сэр Грингамур — жертва ошибки. Понося на чем свет стоит хозяйкины затеи, слуга побрел отыскивать непоседливого сэра Гарета. В следующей опочивальне его чуткое ухо уловило дыхание двух людей сразу, и слуга перепугался не на шутку, решив, что его занесло в покои самой Лионессы, не терпевшей одиноких ночлегов.

Слуга замялся на мгновение, решая, как быть дальше, и за это время леди Линетта успела обострившимися от любви чувствами ощутить опасность и восстать ото сна. Она вскрикнула, ей сонно откликнулся сэр Гарет, и слуга, теперь узнавший голоса, ринулся к их ложу, занося меч. Но в сэре Гарете уже окончательно проснулся рыцарь, и он успел защититься от нападения — меч раскроил ему не голову, а только бедро. Исправить оплошность слуга не успел — сэр Гарет пустил в дело свой меч, который он по привычке захватил с собой, покидая свою опочивальню,

Тем временем-уже наступило утро, и леди Лионесса добралась до Камелота. Там она довольно честно рассказала, как сэр Гарет спас ее от Красного Рыцаря и тут же попросила короля Артура устроить большой турнир в честь Гарета. Она вполне справедливо полагала, что сэр Гарет должен быть мертв, а если он почему-либо всего лишь смертельно или пусть даже тяжело ранен, то все равно принять участия в турнире не сможет и покроет себя позором, как трус и бесчестный человек.

Линетта же изводила себя слезами над раненым Гаретом, будучи не в силах вынести вида содеянного ее сестрой под развращающим влиянием Феи Морганы. Однако довольно быстро она вспомнила, что в свое время кое-чему научилась у леди Нимейи, и тут же применила свои познания на практике. Результат оказался ошеломляющим: ко дню турнира Гарет был на ногах, да еще получил от невесты в подарок волшебное кольцо, позволявшее ему по желанию менять цвет своих доспехов и не быть узнанным никем. И подготовленный таким образом, он бился со многими, и всех побеждал, пока не осталось не сраженными им всего два рыцаря — сэр Гавейн и сэр Ланселот. Глянул на них сэр Гарет и решил, что будет он биться...

...с сэром Гавейном на **215**.

...с сэром Ланселотом на **215**.

...с кем угодно, только не с ними обоими, на **217**.

215

И в великой гордыне возомнивший себя непобедимым, налетел неопытный еще рыцарь сэр Гарет на своего брата, сэра Гавейна. Но недаром сэр Гавейн был одним из доблестнейших рыцарей Логрии. Его копье сломалось о щит Гарета, но меч его не подвел, и какими-нибудь семью ударами он лишил Гарета оружия и доспехов. Словно обнаженный всем на потеху, сэр Гарет совершенно потерял голову от стыда и в безумии, с мечом в руках кинулся он на **218**.

216

Напасть-то сэр Гарет, конечно, мог, а вот справиться с лучшим рыцарем Логрии — вряд ли. Ланселот стоял непоколебим, как скала, и Гарет, налетевший своим щитом на его копье, был выброшен из седла с такой силой, что шлем его слетел с головы. Юноша зарделся закатным румянцем, ибо никогда еще не испытывал он подобного позора, и с мечом в руках кинулся он...нет, не на Ланселота, а на к **218**.

— Не пристало биться меж собой лучшим из лучших, — заметил Гарет высокомерно, снимая шлем. — Ибо если сразимся мы всерьез и поразим друг друга насмерть, места наши займут уже далеко не лучшие, но и они будут спорить меж собой о первенстве — и тогда что за печальная судьба ожидает Логрию!

Сэр Ланселот посмеялся юношеской запальчивости, но сэр Гавейн подивился мудрости в столь раннем возрасте, и оба они обняли сэра Гарета, которого теперь-то уж, конечно, узнали.

При дворе затеялся большой пир, и сэра Гарета чествовали как могучего бойца. А тут еще явился Красный Рыцарь Айронсайд со своими баронами, быстренько присягнул Артуру на верность и рассказал, что знал, о доблести и благородстве сэра Гарета — не преминув, впрочем, осветить несчастную судьбу цветных своих братьев от Черного до Голубого Рыцаря. Это, впрочем, никого не опечалило, а король Артур так просто возрадовался той великой славе, что стяжал себе его племянник Гарет, и усадил его на то сиденье за Круглым Столом, где как раз проступили золотые буквы его имени. Ну, а заодно уж обвенчался сэр Гарет с подоспевшей Линеттой, так как человек он был все же честный, с одной стороны, а с другой — предусмотрительный и не хотел по пустякам портить отношения с дамой, немало сведущей в волшебных науках.

Леди же Лионесса покинула Камелот в слезах печали и краске стыда. Успех доброго волшебства сестры ее так потряс бедную Лионессу, что она разом перевоспиталась, отринула от себя всю злую магию и начала новую жизнь, столь замечательную, что многие рыцари стали искать ее руки, а добился этого один лишь Гахерис, брат Гарета.

И среди таких-то вот славных событий и приблизились логры незаметно к заветной **248**.

218

Позор внезапного поражения был столь велик и так непереносим для молодого и самолюбивого рыцаря, что Гарет принял единственно верное, как ему казалось, хотя и тяжелое решение. Он знал, что любое оскорбление рыцарь может смыть только кровью — но на беду, не было у Гарета наготове ничьей иной крови, кроме как своей собственной. И вот он, не долго думая, воткнул меч рукоятью в мягкую землю и бросился на него со всем пылом юношеских лет. Хотел ли он лишь омыться очистительной кровь, желал ли только продемонстрировать свою решительность, испытывал ли собственное мужество — теперь уже и не сказать в точности, потому что меч легко пронзил незащищенное доспехом горло и вышел из мощного, но глуповатого Гаретова затылка прямо на **188**.

219

Одно из самых странных, хотя в то же время и довольно простых приключений, случившихся в царствование короля Артура, началось вовсе не в праздник пятидесятницы, как это обычно бывало, а на рождество во время пира в замке Карлайла. К этому времени все саксы уже изгнаны были со всего острова Британии, и власть логров, казалось, твердо установилась по всей стране.

Победоносное войско Логрии бодро шествовало себе домой, а король Артур особенно никуда не торопился, и поэтому закатил рождественский пир в Карлайле, а не в привычном и уже слегка надоевшем Камелоте. Но приключения, как видно, уже привыкли увязываться за Артуром к началу пиров, и в залу сразу же вошла прекрасная дама — конечно, она плакала и заламывала руки, не переставая подсту-

пать к Артуру: так было принято выражать в то время горе и мольбу. Да и сейчас такое еще можно встретить — среди плохих актеров.

— Милости и защиты! — кричала она, как будто и так не было ясно, чего ради она явилась портить людям застолье. — Моего храброго мужа-рыцаря одолел и пленил злонравный хозяин Высеченного в Скале Замка. А стоит он на Черной Скале над бездонным озером Вателин. И страшный его хозяин грабит и пленит путников — или убивает их, если некому выплатить приличного выкупа.

Дама явно сгущала краски и вообще так безбожно переигрывала, что Артуру следовало бы обратить на это внимание и усомниться в ее словах. Но король был столь же добр, сколь отважен, и полагал всех людей насквозь честными — даже когда его обманывали ближайшие» Но об этом потом, а теперь — к даме, которая все пугает и стращает славных рыцарей Логрии.

— Мужа моего, — вещала неутомимая дама, — этот злодей просто спихнул с коня и уволок за собой. Я возмущалась, как могла, но он в ответ просто перетянул меня плетью по лицу, — и правда, какие-то следы на лице дамы имелись, но были ли то отметины плети или же знаки многих лет сварливой жизни, никто бы определять не взялся. — Ну, я и пригрозила этому невеже, что король Артур за меня расквитается. Но знаете, что он мне сказал? Он назвал вас, простите, жалким трусом и заявил, что никогда вы не осмелитесь выступить против него. Нет, каков нахал, господа рыцари, а?

— Где, вы сказали, он живет-то? — задумчиво спросил король, прикидывая, стоит ли отвечать на оскорбление сейчас же или можно погодить с этим до конца пира.

— Он промышляет разбоем у озера Вателин. В ваших владениях, господин мой король, то есть прямо под носом! — поддела дама Артура.

— Ну, тогда делать нечего, — вздохнул Артур. — Сейчас и поеду.

— А может, мне лучше съездить? — спросил сэр Гавейн, у которого что-то не слишком ладились походы и приключения. — Больно уж самоуверен этот вателинец... Вдруг там у него колдовство какое?

— Да какое там колдовство! — вскричала дама с совершенно ненатуральным смехом. — Здоровья он набрался, а ума не нажил! Вот и думает, что он уж сильнее всех. Даже смешно, ей-богу!

— Да-да, конечно, — сказал Артур, воодушевляясь. — Я должен ехать сам. Должен же и король иметь свое приключение — личное, без помощников?

На самом деле Артур был просто по-королевски мудр. Он рассудил, что ни к чему иметь свидетелей, если схватка окончится не в его пользу — все-таки давненько не брал он в руки копий. Ну, а если повезет и в замке найдется приятное женское общество-. Гиневра, конечно, оставалась королевой первый сорт, но все-таки Артур женился на ней еще юношей и уже столько лет хранил верность, соответствующую его положению. А разве король — не человек, не рыцарь? И тем более ни к чему ему брать с собою честных рыцарей, которые из лучших побуждений, просто как пример мужского достоинства опишут в цветах и красках все его свершения на личном фронте... Боже мой, что скажет Гиневра! И что он ей скажет?

— Один поеду, — решительно отрезал Артур, — разве вот с Экскалибуром на пару.

И он привесил к поясу непобедимый свой меч и отправился в путь, направляемый все той же крайне подозрительной дамой.

Ехать пришлось не так уж и близко, как сулила дама, и вовсе не под носом нашли они, наконец, мрачный замок на темными водами. Едва только подъехали они под стены, подъемный мост опустился и в воротах замка показался огромный человек на исполинском коне — оба были так ужасны, словно только что вырвались из преисподней.

— Что я вижу? — прогрохотал хозяин замка. -Трусливейший из королей у моих ворот? Да разве посмеет он сразиться со мною, самим Громером Сомером Журом!

Артур, загоравшийся обычно не сразу, тут вдруг просто вспыхнул от этого пустякового ожога самолюбия. Он пустил коня прямо на мост, крепко сжимая свое заветное копье, пережившее и перебившее немало противников на турнирах и в поле. Хозяин ждал его спокойно и даже не закрывался щитом. Подозрение шевельнулось в голове Артура, но оформиться не успело — конь уже вынес его на мост и вдруг встал, точно вкопанный, и заржал в ужасе. И сам Артур почувствовал, что не может шевельнуться, и копье в его могучей руке стало вдруг не полезнее щепки на дороге.

— Ну разве не ужасен я? — спросил Громер Сомер Жур, красуясь. — Никто ведь еще не мог преодолеть страха передо мной!

— Какой, к черту, страх! — сказал Артур сквозь лязгающие зубы. — Тут колдовство какое-то, наверное!

— А вы как думали? — самодовольно сказала дама, подъезжая ближе. — Это ж замок моей хозяйки, Феи Морганы.

— У-узнаю штучки сестрицы, — подтвердил Артур. — Ну, чего вам от меня? Берите или требуйте да отпускайте — а то ждут меня дела государственные!

— И никто-то тебя, кроме Гиневры, не ждет! — сощурился лукаво Громер Сомер, — но ладно. Отпущу тебя под честное слово, если обещаешь ты мне вернуться ровно через год и опять в одиночку. А по дороге будешь спрашивать всех встречных, чего желают женщины более всего на свете. Принесешь правильный ответ — и свободен, как ветер-

— А если — нет? — спросил король с жадным интересом.

— Ну, а если, тогда... век воли не видать! А то и прибью — по настроению смотря. Нынче-то вот я добрый. Ну, катись!

Условие показалось королю несложным и даже в чем-то оскорбительным, и он вознамерился...

...Вернуться через год с сокрушительным и исчерпывающим ответом, а пока отправляться на **224**.

...Не томить себя понапрасну и отвечать сразу же, без подготовки, надеясь лишь на благосклонность небес и извечное студенческое счастье всех времен на **226**.

224

Конь Артура развернулся как бы сам собой, без воли всадника, и понесся, задрав хвост. Никогда прежде не бегал он так резво, и Артур смог смирить его уздою, лишь когда показались уже впереди мощные стены Карлайла.

Чтобы не сеять сомнения в незрелых умах, ничего не стал говорить король об исходе своего приключения. Единственным, кому он открылся, был сэр Гавейн. Он вместе с Артуром посокрушался засилью злых волшебников, но помочь мог только тем, что посвятил весь следующий год своей жизни поискам ответа на загадку сэра Громера Сомера Жура. Тем же занимался и Артур.

И вот через год поехали они вдвоем (король уже не так твердо, как прежде, верил в силу своего духа, и не отказывался от спутника) через Инглвудский лес к озеру Вателин. Артур вез с собой две толстенные книги с изрядным количеством всяких ответов, приисканных ими за этот год, однако сильно сомневался он, что хоть один из них удовлетворит рыцаря озера Вателин.

Буквально в двух шагах от замка, пересекая какое-то болото, они вдруг встретили леди на белом коне. Одета она была нарядно и богато, но выглядела тем не менее ужасно. Да и трудновато считаться красавицей, если тело твое похоже на бочку, а голова — на огромный котел. Рыцари издали поклонились ей и хотели стороной объехать это безобразие, однако она сама окликнула их.

— Нечего сказать, любезный нынче пошел рыцарь! — крикнула дама голосом резким и надтреснутым. -Нет бы оказать внимание женщине. А еще говорят, что при дворе Артура не обижают дам!

— Что-то не заметил я здесь дам, — проворчал Артур себе под нос, а вслух же крикнул: — Мы просто не хотели нарушать вашей задумчивости, леди! К тому же мы спешим по делу, ибо...

— ...Ибо истекает уже год, отмеренный вам рыцарем озера Вателин! — рассмеялась дама, и при самом рыцарском воспитании смех ее нельзя было бы назвать приятным и мелодичным. — Знаю, знаю. А еще я знаю, что все ваши ответы не стоят и гроша!

— Не иначе, как это ведьма, — сказал вполголоса сэр Гавейн королю. — Кто еще мог бы знать все про наши дела, ни о чем не спрашивая? Эх, и везет же нам на эту гнусную магию!..

— Ну, а дальше-то что? — не слишком вежливо спросил даму Артур. — Какие уж есть ответы, такие и есть, с ними и поедем, раз других взять неоткуда...

— Есть откуда взять, — возразила дама. — Только, конечно, не задаром.

— Что ж, назови свою цену, торговка, и закончим этот торг, — предложил Артур. — Я в состоянии уплатить любую-

— Платить ничего не придется, — успокоила его дама, — надо только пообещать, что сегодня же мужем моим станет рыцарь столь же благородный, как и вы сами. А больше мне ничего не нужно.

— Ого! Я не могу обещать такого! — сказал Артур. -Не знаю, кто и согласился бы даже под страхом смерти-

— Ну, тогда и отправляйтесь сами навстречу собственной смерти! — сказала дама злорадно.

Теперь Артур может гневно отмахнуться от наглой попрошайки и ринуться держать ответ на **226**.

Но может прислушаться к зову своей мятущейся души и поискать компромиссного решения где-нибудь на **228**.

226

Король подъехал поближе и глянул прямо в лицо огромному и безжалостному сэру Громеру Сомеру Журу.

— Я отвечу, — сказал он, — хотя думаю, что ответ мой вряд ли будет похож на ту правду, которой вы от меня ждете.

— Да уж наверное, — прорычал сэр Громер и пр., — ведь для этого надо хоть сколько-нибудь разбираться в жизни, а ее не разглядеть с высоты трона... Ну, я слушаю!

Король Артур набрал побольше воздуху в грудь, закрыл глаза, чтобы внутренним взором яснее разглядеть сотни и тысячи разнообразных ответов, и единым духом выпалил, что более всего на свете женщины желают.

...Богатства (**232**).

...Положения (**233**).

...Роскоши (**234**).

...Развлечений (**235**).

...Любви (**239**).

...Праздности (**240**).

...Власти (**241**).

ТРАДИЦИОННОЕ (И ПОСЛЕДНЕЕ) ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ЗАТРУДНЯЮЩИХСЯ В ВЫБОРЕ

Семь вариантов выбора? Не беда! Бросать монету семь раз не придется — достаточно и одного: ведь на самом-то деле упасть она может как роз семью различными способами. Четыре из них уже известны -орлом, решкой, на ребро и обратно в кошелек. Но все это в том случае, если монета долетит до земли, стола или кармана. А ведь силы зла столь могущественны, что им ничего не стоит наслать ворона, дракона или ураган, чтобы, поломав незаметный полет

мелкой монетки, сокрушить столбовую дорогу великого подвига. Значит, твоя монета может быть унесена ветром или птицей, может повиснуть в воздухе, наконец, может просто раствориться, в небе — вот три исхода, завершающие магическую семерку вероятностей. И вот для выбора одного ответа из семи вариантов — семь вариантов выпадения монеты. А что чему поставить в соответствие ты уж как-нибудь сам реши (таких расстановок, кстати, возможно всего лишь 5040 штук — веселенькая перспективна для досуга!).

КОНЕЦ ВСЕХ ПРИМЕЧАНИЙ

228

Умирать Артуру не хотелось, и он устроил небольшое совещание с Гавейном. Тот посоветовал применить хитрость.

— А вдруг товар некачественный? — стал вслух сомневаться Гавейн. — Скажете вы нам какую-нибудь ерунду, а мы и расплачивайся...

— Гарантия, — веско сказала дама. — Слово леди!

— Так уж и леди... — продолжал гнуть свое Гавейн. — Вот что, сделаем так: если ваш ответ действительно поможет королю Артуру, то-то я возьму вас в жены. Я племянник короля, и за Круглым Столом место мое не из последних. Ну, а если нет — будем считать сделку несостоявшейся. Идет?

— Идет, — сказала дама. — Но перехитрить меня вам не удастся! Пусть Артур напишет об этом свой указ и скрепит его своей королевской печатью. Иначе я не скажу ни слова.

— Что ж я, таскаю с собой в походы всю канцелярию? — рассердился Артур. — Нет у меня при себе печати, да и указ писать тоже не на чем.

— Не извольте беспокоиться, — сказала дама. — Указик-то — вот он, я его уж заготовила на такой случай, вам только подписать. А вместо печати перстень приложите — тоже, небось, королевский знак-то...

— Ну все предусмотрела, бюрократка! — мрачно восхитился Артур. — Ко мне начальницей канцелярии пойдешь? Давно такого цербера ищу... Что ж, Гавейн, вижу я, не отвертеться нам с тобой от этого брака, и хоть жаль мне тебя, племянничек, до невозможности, но все же лучше тебе потерять свободу, чем мне лишиться жизни... Где там расписаться-то?

Дама спрятала указ, шепнула на ухо Артуру ответ на загадку и отъехала к Гавейну, чтобы с ним вместе дожидаться возвращения короля. А Артур поехал в одиночестве по тропе к замку.

— Ну, что? Готов ответ? — встретил его сэр Громер так, словно они расстались не далее как вчера, и притом добрыми приятелями.

— И даже не один, — отвечал король Артур бодро, стараясь в то же время припомнить, говорилось ли что-нибудь в условиях задачи о единственности решения.

О том же, вероятно, подумал и рыцарь озера Вателин. Но вспоминать было нечего: поставить ограничение он забыл и теперь вынужден был выслушивать все, что позаписали в своих талмудах Артур и Гавейн.

К концу седьмого часа рыцарь устал уже отрицательно покачивать головой в знак оценки Артуровых стараний. Он предложил положить конец напрасной трате времени и недвусмысленно вытащил меч. Артур почувствовал, что руки-ноги у него отнимаются, как и в первый раз на этом мосту. Он выронил книги, и их глухой стук о помост напомнил ему вдруг о странной даме и ее подсказке. Король закрыл глаза и произнес негромко:

— Но более всего на свете, разумеется, женщины хотят властвовать над мужчинами — даже и над самыми великими из нас. Вот и над вами тоже властвует женщина, разве не так?

— Так, тысячу раз так! — прогремел сэр Громер. — Но если эта проклятая ведьма леди Рагнелл думает своим предательством купить себе спасение, так передайте ей от меня и Феи Морганы, что до спасения ей еще очень и очень далеко! Ну, а вас я теперь естественно, не задерживаю, ибо на вопрос вы ответили правильно, хотя и не совсем самостоятельно. Впрочем, это уже формальности.

— Значит, я свободен? — воскликнул Артур.

— Вы-то конечно, а вот я... — горестно махнул рукою сэр Громер. — Знаете, если я когда-нибудь вывернусь из-под каблука этой вздорной Феи, быть может, при вашем дворе найдется местечко и для меня?

— Вот уж не знаю! — сказал король Артур холодно.

— То есть мест за Круглым Столом еще порядочно, но я сомневаюсь, что хотел бы постоянно видеть перед собой живое напоминание о моем унижении...

— Ваша правда! — вскричал сэр Громер Сомер Жур.

— Прощайте же!

И он с грохотом поскакал в замок, а за ним опустилась решетка и поднялся подвесной мост — и весь замок словно сросся со скалами, нависшими над озером. Артур поежился и поскорее погнал своего коня прочь от этого неприятного места.

Гавейн, конечно, рад был увидеть своего короля живым и невредимым, однако мысль о расплате не могла его не тревожить. Артур ничем не мог утешить своего рыцаря: честность не позволяла ему сказать, будто бы он обошелся без помощи леди Рагнелл. Однако благодарности к этому страшилищу он не испытывал никакой и только сожалел, что Гавейну долго теперь придется разделять общество этой пивной бочки. Чтобы поскорее отделаться от неприятных мыслей, Артур все погонял и погонял коня, и вскоре прибыл в Карлайл. Леди Рагнелл, непривычная к такой скачке, слегка поотстала, и ее... о, боже!.. ее жених сэр Гавейн вынужден был остаться с нею.

Артур коротко, без сантиментов поведал о выпавших на его долю приключениях и велел начать приготовления в празднеству. Пышностью церемонии он хотел хоть сколько-нибудь скрасить ужасное положение Гавейна, буквально пожертвовавшего собой ради короля.

Свита вышла к воротам замка, а жители Карлайла выстроились вдоль всей дороги, готовые приветствовать новобрачных. И когда из лесу выехал печальный сэр Гавейн и рядом с ним дама на белом коне, в лучах заходящего солнца да еще издали показались они такой замечательной парой, что все разразились приветственными криками. Но когда жених с невестой приблизились, крики и песни застряли в глотках встречавших и вся церемония чуть не пошла насмарку.

Дело спас епископ, которому на своем веку приходилось видеть пары и постраннее. Старик железной рукою провел брачующихся по таинствам обряда и объявил их мужем и женою.

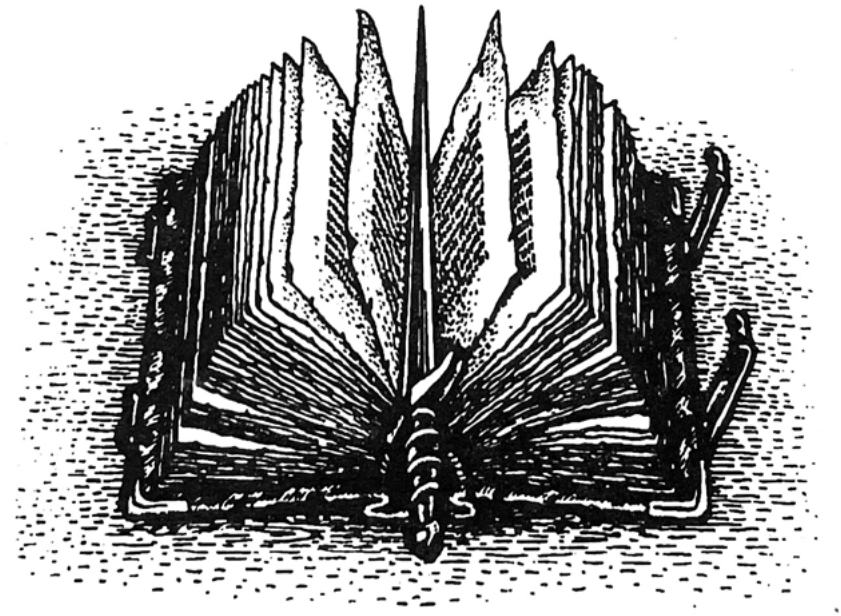
На свадебном пиру все подряд жалели Гавейна и желали скорой смерти его супруге, которая, казалось, ничего не замечала и с упоенным чавканьем пожирала кушанья, громко прихлебывая из кубка. Печален был жених, невеселы гости, и вообще свадьба эта более походила на похороны.

Когда же Гавейн со смертной мукой на лице отвел свою нареченную к ложу, леди Рагнелл, взбодренная обильными возлияниями, потребовала от него законной нежности.

Сэр Гавейн отошел на пару шагов, осмотрел супругу с головы до ног, уделив особое внимание лицу, и решительно...

...Подошел к ней (**236**).

...Кинулся вон из опочивальни на **246**.

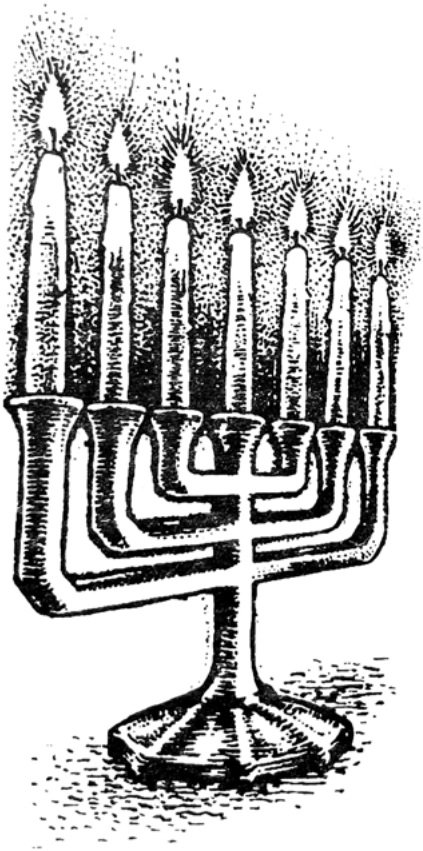
232

— Богатства?! — захохотал сэр Громер. — Неужели королевская жизнь не показала вам, что богатство уходит сквозь пальцы, как вода, как песок? И что не все на свете можно купить, какую бы цену вы не предлагали? И что ваши сокровища без сожаления сменят хозяина, как только вы ослабеете? И уж, конечно, ни одного мешка с золотом не захватите вы с собой в могилу, и обширность ваших владений вряд ли утешит вас на смертном одре... Короче, вы проиграли, делая ставку на удачу! Жизнь ваша теперь в моей руке, поэтому склоните голову и примите смиренно свою печальную участь на **247**!

233

— Положение?! — захохотал сэр Громер. — Неужели королевская жизнь не показала вам, что любое, самое высокое положение непрочно и всегда найдутся многие, желающие его занять и сбросить вас? Я ценю вашу решительность, но вы проиграли, делая ставку на удачу! Жизнь ваша теперь в моей руке, поэтому склоните голову и примите смиренно свою печальную участь на **247**!

234

— Роскошь?! — захохотал сэр Громер. — Неужели королевская жизнь не показала вам, что всякая роскошь меркнет перед новым великолепием и сама по себе еще не обеспечивает ни любви, ни хотя бы уважения? Короче, вы проиграли, делая ставку на удачу! Жизнь ваша теперь в моей руке, поэтому склоните голову и примите смиренно свою печальную участь на **247**!

235

— Развлечения?! — захохотал сэр Громер. — Неужели королевская жизнь не показала вам, что все развлечения приедаются со временем и становятся скучной обузой? Вам, конечно, не много приходилось развлекаться, да и нет для рыцаря лучшей забавы, чем добрая схватка... Но хотя бы жену свою вспомнили, Гиневруто! Что ей до всех ваших боев и ристалищ? Короче, вы проиграли, делая свою ставку на удачу! Жизнь ваша теперь в моей руке, поэтому склоните голову и примите смиренно свою печальную участь на **247**!

— Хорошо же, — сказал Гавейн сквозь зубы, — ты ее получишь — я тебя поцелую. Один раз, — добавил он поспешно, увидев разгорающуюся алчность на роже чудовищной своей супруги, — и чтоб больше ты ко мне не приставала. Никогда, слышишь?

Леди Рагнелл кивнул своей огромной головой, и это было так ужасно, что сэр Гавейн чуть не кинулся наутек. Но в глазах леди увидел он вдруг до того не замеченное им страдание и с удивлением обнаружил, что супруга его способна бледнеть. Гавейн собрал все свое мужество и прикоснулся губами к устам леди. Он не намеревался задерживаться в этом положении, но вдруг ощутил странную притягательность поцелуя, обещавшего быть по меньшей мере неприятным. Гавейн даже закрыл глаза, чтобы зрительные впечатления не мешали иным, более тонким ощущениям, и вдруг услышал рядом приятный и страстный молодой голос.

— О Гавейн, судьба моя! — звала его женщина. Пораженный Гавейн открыл глаза и там, где мгновение назад стояла уродливая леди Рагнелл, увидел он девушку — высокую, стройную и прекрасную.

— Колдовство, — сказал Гавейн внезапно охрипшим голосом. — Как есть, колдовство.

— Конечно, колдовство, — подтвердила девушка. — Неужели без магии могло появиться на свет такое чудовище, каким я только что была? Но волшебство любви оказалось сильнее, и я...

— Э-э, позвольте, — перебил ее Гавейн, — какой такой любви? Ведь я же, можно сказать, через силу...

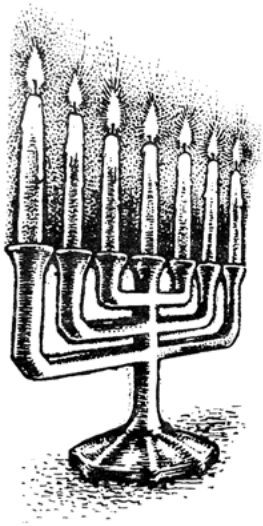
— Вот в том-то и дело! — воскликнула с досадой прекрасная леди Рагнелл. — Если б вы поцеловали меня от всего сердца, вам не о чем было бы беспокоиться. А теперь колдовство сокрушено лишь наполовину, и я могу пребывать в этом обличий лишь двенадцать часов из каждых суток. Остальное время я буду выглядеть, как прежде — вот цена вашей нерешительности, Гавейн! Так будьте решительным хотя бы сейчас и выберите, быть ли мне прекрасной днем — для всех, или ночью — для вас одного. Решайте, что для вас важнее — мнение общества или ваши собственные эмоции.

Гавейн даже застонал от раздиравших его противоречий и в конце концов, махнув рукой на возможные последствия непродуманного шага...

...Выбрал страстную ночь с прекрасной супругой на **242**.

...Предпочел чопорный день на глазах всего двора на **243**.

...Не смог сделать выбор и остался со своими сомнениями на **244**.

239

— Любовь?! — захохотал сэр Громер. — Это мог сказать только однолюб вроде вас! Да посмотрите вокруг где та женщина, которой в придачу к любви не требуется еще множества всяких благ, великих и малых? И где тот рыцарь... или хотя бы просто мужчина, кто мог бы дать женщине любовь столь всеобъемлющую, чтобы ничто уже не могло остаться за ее пределами? Короче, вы проиграли, делая ставку на у дачу! Жизнь ваша теперь в моей руке, поэтому склоните голову и примите смиренно свою печальную участь на **247**!

240

— Праздность?! — захохотал сэр Громер. — Неужели праздная королевская жизнь не показала вам, что как раз праздность надоедает быстрее всего и требует самой кипучей деятельности? Конечно, вы проиграли, делая свою безумную ставку на удачу! Жизнь ваша теперь в моей руке, поэтому склоните голову и примите смиренно свою печальную участь на **247**!

— Власть? — переспросил Громер Сомер подозрительно, — Что еще за власть? Извольте выражаться яснее. Здесь вам не вечер шарад и головоломок!

Артур втайне обрадовался, ибо понял, что стоит на правильном пути, И тут он вдруг отчетливо вспомнил свою Гиневру, ради которой многие уже сложили головы и многие еще сложат — и отчетливо понял, какого же рода власть составляет предмет женских вожделений.

— Ну уж, конечно, это власть над мужчинами! -сказал король небрежно. — Даже над такими великими, как вы или я. Разве не к этому стремится и ваша хозяйка, моя сестра Фея Моргана?

— Крыть нечем, — вздохнул сэр Громер. — В самую точку. Черт бы побрал эти их женские штучки!...

— Так я могу считать себя свободным? — спросил для очистки совести Артур.

— Ну разумеется! — воскликнул сэр Громер. — И не держите на меня зла — сами знаете, каково приходится под каблуком такой своенравной леди, как ваша сестрица.

— Могу представить, — поежился король Артур. — Хорошо еще, что она соблюдает правила игры. Ведь запросто же могла заставить вас насадить меня на копье даже и при правильном ответе!

— Пока соблюдает, — согласился сэр Громер. — Но надолго ли хватит у нее терпения?

После этих слов король Артур понял, что пора откланиваться, и во весь опор помчался в Камелот, который в ту пору стоял на **248**.

242

— Какое мне дело до двора? — размышлял вслух Гавейн. — Кому не нравится, тот может, в конце концов, и отвернуться. Нет, я решительно высказываюсь за ночь! Ведь если один лишь поцелуй дал такой эффект, то что же может принести регулярная и полноценная супружеская жизнь?! Ночь, ночь и только ночь! Кстати, милая, не кажется ли тебе, что уже сильно стемнело? Иди-ка сюда, моя красавица! И Гавейн, не мешкая более, вступил на **246**.

243

— Разумеется, мнение двора со счетов не скинешь, — вздохнул Гавейн. — Могут найтись недовольные... даже много недовольных, а я ведь не могу биться со всеми, доказывая, что моя жена не такая уж и уродина! В конце концов, любить друг друга можно и днем. А ночью порядочные люди спят. Ты не находишь, дорогая, что хорошо бы нам начать медовый месяц, пока еще не слишком стемнело?

И Гавейн, распахивая могучие рыцарские объятья, вступил на **246**.

244

— Не судите меня строго, — сэр Гавейн склонил свою слегка бестолковую голову перед леди Рагнелл. — Но я никогда не был силен в решении колдовских задач и полагался главным образом на здравый смысл и жизненый опыт. Тот и другой подсказывают мне сейчас не присваивать себе право решать чью-то судьбу. В конце концов, вам жить — вам и решать. Если вы будете прекрасны ночью, я, конечно, буду только рад, но каково придется вам, когда днем все будут отворачиваться от вас в ужасе? С другой стороны, если днем все будет прекрасно, а ночью от вас стану шарахаться — будет ли вам от того легче? Слово за вами, а я уж смирюсь с любой судьбой — таков, как видно, мой удел.

Гавейн, разумеется, немного хитрил. Он справедливо полагал, что леди Рагнелл куда больше него осведомлена в обстоятельствах накрученного вокруг нее колдовства и поэтому сама наверняка примет правильное решений Сам же он еще со времен памятной встречи с Зеленым Рыцарем зарекся заигрывать с магией и всяким там колдовством — для простого рыцаря выходило это себе дороже. И Гавейн не прогадал: леди Рагнелл, напряженно дожидавшаяся его решения, вдруг разразилась слезами счастья и кинулась к нему в объятия.

— Просто уму непостижимо, на что могла рассчитывать эта Моргана, когда есть на свете рыцари столь мудрые и благородные, как сэр Гавейн! — в перерывах между поцелуями объяснялась она, — Вы рассеяли чары навеки, и теперь я всегда буду с вами такой, какова я сейчас!

Тут Гавейн даже заопасался: а надолго ли хватит у него здоровья и темперамента отвечать страсти столь бурной? Но леди Рагнелл легко рассеяла его опасения.

— Нам не суждено состариться вместе, и в один роковой час я вас покину. Но до той поры у нас есть еще годы такого счастья, которое только может себе представить человек.

Но Гавейн был уже счастлив. Ведь он так удачно выпутался из малоприятной истории с женитьбой на чудовище и при этом формально не уронил себя. И не один он радовался счастливому избавлению от кошмара. Радовался и Артур, скинувший с себя груз ответственности за поломанную было судьбу Гавейна. Радовались и придворные, лишенные сомнительного удовольствия ежедневно созерцать страшилище при дворе, и радость и веселье не утихали в Камелоте до самой **248**.

246

— Увы, бедный и несчастный Гавейн! — жалобно вскричала леди Рагнелл, становясь на мгновение вдруг до того прекрасной, что у Гавейна даже заболели глаза смотреть на нее. — Вы жестоко ошиблись, поступив так, и такою, какою видите вы меня сейчас, мне уж больше не бывать никогда. Знайте же, что в великой любви мы с вами должны были родить прекрасного и достославного рыцаря, ради подвигов которого, может быть, только и затевалась вся история Логрии. Но теперь, увы, исполнилось проклятие злонравной Морганы, и я исчезаю из этого мира. И я уношу с собою ваш интерес к жизни, ибо теперь нечего вам искать на этой земле — вы упустили шанс осуществить великое свое предназначение.

Гавейн не успел ни удивиться, ни возразить — леди Рагнелл растаяла в воздухе прямо у него на глазах. И в тот же момент что-то словно растаяло без следа и в самом Гавейне, и отныне стал он еще печальнее, чем прежде, и ничто на свете его более не волновало. И однажды в таком-то вот безразличном состоянии выехал Гавейн по просьбе короля Артура на турнир, где и был сражен копьем совсем еще молодого рыцаря, еще не свершившего даже и первого своего подвига. Впрочем, происшествие это Гавейн воспринял безо всякого интереса и спокойно отправился с ристалища прямо на **69**.

Своими речами сэр Громер, сам того не подозревая, разбудил вулкан. Самолюбие у Артура, как и вообще у королей, запрятано было неглубоко, но покуда колдовство подавляло его. Замечания же рыцаря озера Вателин показались королю настолько обидными, что весь страх куда-то разом улетучился, и король, не помня себя, бросился на обидчика.

Все произошло слишком стремительно. Сэр Громер не успел даже поднять копья, а Артур был уже рядом. Кони рыцарей сшиблись, и когда Артур уже обхватил противника, чтобы выбросить из седла голыми руками, соударение схватки докатилось до критической точки — и весь замок, содрогнувшись до основания, обрушился на мост. Каменный поток снес обоих рыцарей и увлек их за собою в бездонные глубины озера Вателин. Так погиб славный король Артур, а над Логрией распростерла свои черные крылья печальная **51**.

248

Мир и покой в Логрии стараниями короля Артура установились прочно. Год от года все меньше становилось грабителей, реже встречались колдуны, а великаны почти совсем перевелись. Рыцарям становилось скучновато -не с кем уже было биться, и все чаще съезжались они померяться силами на турнирах. Уже не только на пятидесятницу и новый год, но и на пасху, михайлов день и рождество собирались рыцари в Камелоте или Карлионе. И вот в один из таких дней в зале Круглого Стола вдруг появилась прекрасная дама на белом коне. Она казалась встревоженной и требовала, чтобы ей непременно показали Ланселота.

— Добрый сэр рыцарь! — сказала она Ланселоту. — Я хочу, чтобы вы отправились со мной в лес неподалеку отсюда.

Ланселот с радостью согласился, потому что дама была весьма хороша собой и взгляд ее обещал, казалось, много дивных тайн.

— Боюсь, вы не поняли меня, — сказала ему дама. — Мне следовало сказать, что вы должны отправиться со мной.

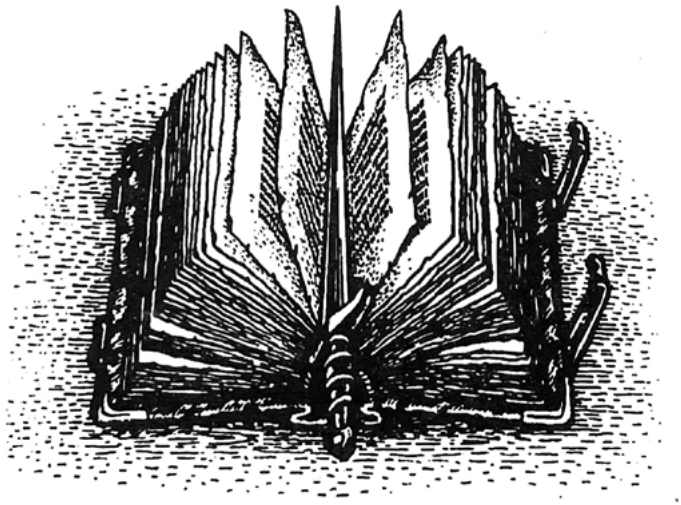
Ланселот, для которого долг был превыше всего, не стал спорить и лишь только попрощался с королем и королевой.

— Какая жалость! — воскликнула Гиневра несколько более пылко, чем заслуживали обстоятельства. — Лучший рыцарь Логрии покидает нас накануне праздника!

Король, точно что-то вспомнив, пристально посмотрел на «лучшего рыцаря», но промолчал. А Ланселот впал в растерянность, не зная, чему подчиниться:

Долгу в лице дамы, зовущей его на **251**?

Или же чувству, влекущему ответить на призыв королевы на **250**?

250

Ланселот остался в Камелоте, и можно сказать, что совершенно напрасно: ничего-то у них с Гиневрой в этот раз не было — их время еще не пришло. Так что доблестный рыцарь безо всякого дела проболтался в замке до самой **252**.

251

Вместе с дамой поскакал Ланселот в лес, и вскоре у тихого аббатства приветствовали их монахи и монахини. В просторной палате для гостей встретился Ланселот со своими кузенами сэром Ворсом и сэром Лионелем, заночевавшими в аббатстве по пути в Камелот. А во время их беседы двенадцать монахинь привели в палату юношу столь прекрасного, что лучше него никого не приходилось еще встречать рыцарям, хотя и пострaнствовали они немало.

— Этот юноша — королевской крови, — представила нового человека настоятельница монастыря, -растим мы его с малых лет. Насьенс, наш здешний отшельник, обучил его владению оружием и прочим рыцарским наукам. И теперь самое время произвести в рыцарское достоинство этого замечательного юношу, чье имя...

— ...Галахэд! — выкрикнул вдруг Ланселот. Все присутствующие удивились, откуда бы знаменитому рыцарю знать этого неведомого никому юношу. Но Ланселот ничего не пожелал объяснять — так взволновали его воспоминания. Ибо в юноше, как в волшебном зеркале Мерлина, увидел он и себя, и прекрасную Элейну — ведь то был сын их Галахэд.

Галахэд, как юноша воспитанный, тоже вопросов не задавал — а может, ему что-то подсказал голос крови. Во всяком случае, юноша безропотно выстоял всю ночь на коленях перед алтарем монастырской часовни, а наутро Ланселот благословил его и посвятил в рыцари.

Однако следовать в Камелот вместе с Ланселотом Галахэд отчего-то отказался. Ланселот и не настаивал, потому что прекрасно понимал, что все здесь происходит не просто так, а во исполнение пророчества великого и мудрого Мерлина. И Галахэд остался в аббатстве, а Ланселот с сэром Лионелем поскакали ко двору короля Артура на **252**.

252

Наступил наиболее почитаемый в Логрии праздник пятидесятницы, и в большой зале Камелотского королевского замка собрались за Круглым Столом все рыцари. И оказалось, что в это утро заняты все сиденья, надписанные золотыми письменами рыцарских имен, за исключением одного только Гибельного Сиденья, на которое никто так и не решался по сию пору садиться. Но усаживаясь по обе стороны от этого места, Ланселот и Персиваль увидели вдруг новую надпись, загоревшуюся золотой вязью на Гибельном Сиденье:

«*Это сиденье будет занято через четыреста пятьдесят лет и четыре года после смерти господа нашего Иисуса Христа.*»

Сэр Ланселот посчитал на пальцах и обнаружил, что указанный на сиденье срок исполняется как раз сегодня. И тут же в залу вошел оруженосец с вестью о чуде, без которого как-то не принято было начинать трапезу за Круглым Столом.

Вслед за оруженосцем все рыцари во главе с королем вышли из замка и, миновав большой луг, увидели камень, что плыл по реке, и воткнутый в него сияющий меч с золотой рукоятью, похожей на крест. На мече пламенели слова:

«*Никому не взять меня отсюда, кроме лучшего в мире рыцаря*».

— Ну, это по вашей части, сэр Ланселот! — сказал король, уже не считавший себя самого замечательнейшим из рыцарей.

Но и Ланселот знал за собой уже немало такого, что не слишком-то подобало лучшему рыцарю, а потому уклонился от попыток извлечь меч из камня.

По желанию короля брались за золотую рукоять сэр Гавейн и сэр Персиваль, но даже пошевелить меч им не удалось. И было это удивительно, потому что уж лучших-то рыцарей негде больше было искать, кроме как за Круглым Столом, а как раз за Круглым-то Столон их и не оказалось.

Тем не менее чудо было явлено и можно было теперь приступать к трапезе. Но едва расселись рыцари по своим сиденьям, как сильный порыв ветра потряс весь замок, и на пороге залы появился старик с длинной белой бородой, ведущий за руку высокого юношу в багровых доспехах.

При молодом рыцаре не было щита с гербом, а ножны на его поясе отчего-то были пусты. Ланселот, конечно, тут же узнал сына своего Галахэда и сообразил, что старик — это, должно быть, тот самый Насьенс, отшельник таинственного замка Карбонека, воспитавший Галахэда — но говорить никому об этом не стал, справедливо полагая, что все и так разъяснится само собой.

— Любезные и достославные рыцари! — торжественно и громко провозгласил Насьенс. — Примите в свое сообщество этого славного молодого рыцаря, и вы не пожалеете. Ведь мало того, что он королевской крови, так он еще и прямой потомок Иосифа Аримафейского.

Известие это произвело сильное впечатление за Круглым Столом, ибо даже самые необразованные рыцари знали, что именно Иосиф Аримафейский собрал кровь Христову в чашу Святого Грааля под распятием Иисусовым. И знатность рыцаря, принадлежащего к этому роду, была столь высока, что сам король Артур поднялся со своего трона, чтобы приветствовать сэра Галахэда.

Галахэд в сопровождении Насьенса и самого короля прошествовал через всю залу и остановился прямо перед Гибельным Сиденьем.

Тут все вдруг увидели, что утреннее сообщение уже угасло, а взамен его появилось другое: «*Это сиденье высокородного принца сэра Галахэда*».

И все рыцари, затаив дыхание, следили за тем как сэр Галахэд опустился на Гибельное Сиденье, и… и ничего с ним не случилось.

Кое-кто зароптал даже, что, мол, сиденье-то вовсе никакое и не гибельное, а просто хитроумный Ланселот зарезервировал таким образом местечко для родственника — слухи в Логрии распространялись так же быстро, как и во всем остальном мире. Но сэр Ланселот так грозно глянул на самых говорливых и завистливых, что те сразу спрятали языки под забрала.

Короля же Артура замечательное достоинство Галахэда навело на довольно дельную мысль, и после обеда он лично проводил молодого рыцаря к реке.

— Я смотрю, вы нынче без меча, — заметил Артур, -а тут вот в камне как раз торчит меч без ножен. Возьмите-ка его себе, если, конечно, сможете.

— Разумеется, я возьму положенное мне по праву! — ответил на это сэр Галахэд и одним движением легко вытащил меч из камня. Глядя на этот подвиг, король Артур невольно вспомнил себя в молодости, и глаза его увлажнились.

— Неплохая смена нам грядет! — сказал Артур и немножко загрустил оттого, что вот уже и подступила вплотную пора сходить ему с исторической сцены.

— Не печальтесь, господин мой король! — успокоил его Галахэд. — Не один за другим пройдем мы по Логрии, но рядом и вместе — до самого конца, как назначено нам судьбой и предсказано Мерлином.

— В таком случае не откажитесь принять от меня щит с королевскими знаками, — сказал успокоенный Артур, — а то как-то неудобно будет вам биться без щита на турнире, который я собираюсь сейчас устроить в честь вашего появления в Камелоте.

— Бог пошлет мне щит в положенное время, — отвечал королю Галахэд, — а пока я буду биться с тем оружием, которое имею.

И он выехал на турнир и с одним копьем без щита бился так достойно, что не устояли против него даже и такие прославленные бойцы, как сэр Тристрам и сэр Гарет. И когда остались перед ним только лучшие из лучших рыцарей Логрии, решил он биться...

...с самим Ланселотом, отцом своим, на **258**.

...с доблестным и печальным сэром Гавейном на **258**.

...с сыном Гавейва и леди Рагнелл великолепным сэром Персивалем на **258**.

...с кем угодно, только не с этими достойнейшими людьми, на **257**.

...с форменным шутом гороховым на **256**.

256

Публика заметно оживилась, когда чинное единообразие поединков вдруг оказалось нарушенным появлением нового, анекдотического лица. Одетый, словно оборванец или ярмарочный фигляр (для шута благородного господина у наглеца не хватало сдержанности и достоинства), этот недомерок восседал на какой-то внебрачной дочке осла и его тележки.

Глядя на это убожество, сэр Галахэд не мог удержаться от смеха и едва не выронил копье. Но маленький сумасброд не шутя послал сэру Галахэду вызов, причем снабдил его таким количеством пышных титулов, что их сталось бы и на половину Круглого Стола. Сэр Галахэд все же пытался покончить дело миром и свести все к шутке, но после божбы и ругательств примирение стало невозможным — и противники понеслись друг на друга,

Впрочем, понеслись — резковато сказано. Мчался главным образом Галахэд, пришелец же стоял почти неподвижно, с интересом разглядывая налетающую на него гору лязгающего металла. Потом он как-то неуловимо сместился в сторону, взмахнул рукой — и крик ужаса вырвался из многих глоток: сэр Галахэд, непобедимый рыцарь, вылетел из седла ! Затихли в отдалении крики изумления, словно раскаты летнего грома, и над лугом Камелота повисла тяжелая и гнетущая тишина, будто разом вдруг онемели все свидетели падения кумира логров.

Маленький человечек между тем спешился, опутал сэра Галахэда какими-то своими паучьими нитями и, поставив ногу на грудь несравненного, непобедимого панциря, с чувством произнес:

— Книжки надо читать, мистер сэр рыцарь, тогда небось сразу будешь узнавать *Янки из Коннектикута*!

После чего он приторочил тело поверженного противника к седлу и скрылся вместе с ним... в своей книге, где ты и найдешь, читатель, для истории такого сорта вполне подходящий *КОНЕЦ*.

259

Турнир окончился полным триумфом Галахэда. А вечером того же дня, когда король Артур и его рыцари возвращались с турнира в замок, некая дама на белом коне (И отчего это все роковые женщины Логрии предпочитали именно белых лошадей? Какая-то загадка вкуса!) стала вдруг интересоваться, куда же девался достойный сэр Ланселот.

— Никуда я не девался! — удивился Ланселот. — А что такое?

— Или вы не были на турнире? — спросила его дама.

— Ну, положим, был... — ответил Ланселот, недоумевая все больше.

— Тогда как же не заметили вы того ужасного, что случилось с вами? — воскликнула дама патетически, осторожно заламывая руки.

— Что там могло со мною случиться? — вконец изумился Ланселот. — Я ведь даже и не бился-то ни с кем...

— Вот именно! — провозгласила дама почти с настоящей болью в голосе. — И поэтому теперь вовсе не вы лучший рыцарь Логрии, а этот молокосос Галахэд, который только и сделал, что вытянул меч из плавучего камня. Ну не обидно ли вам после стольких подвигов и свершений отойти на второй план? Помните — дорога к полному забвению начинается с малого небрежения достоинством...

Ну что было тут делать Ланселоту?

Попытаться переиграть распределение ролей на **259**?

Или согласиться с объективным положением вещей на **260**?

258

Сэр Галахэд налетел стремительно и неудержимо, как ураган. Молодой рыцарь не хотел ударить в грязь лицом, он собрал все свое умение, и все свои силы вложил в один удар копья — могучий и неотразимый. А поскольку был он действительно лучшим рыцарем в мире (а не только в Логрии, как отец его Ланселот), то и сразил он своего противника наповал.

Но то же копье поразило и всю Логрию в самое сердце, ибо погибший рыцарь не мог уже исполнить назначенной ему роли в истории Круглого Стола. Рыцарство понемногу захирело, а король Артур в печали удалился отдел на **51**.

— Действительно, — удивился Ланселот, — и как это я упустил из виду? Ведь со мною-то он не бился! Так отчего же это его считать лучшим рыцарем, чем даже я? Не-ет, это мы еще поглядим! Еще посмотрим, чему его там выучил отшельник!

И Ланселот тут же вызвал сэра Галахэда на бой — всерьез, в полную силу, чтобы ни у кого уже не возникало сомнений, кто же здесь лучший по праву.

Галахэд оказался в сложном положении. С одной стороны, абсурдно было бы всерьез биться с собственным отцом. Но с другой стороны, уклониться от прямого вызова значило уронить свою честь- Горячая кровь, унаследованная Галахэдом от Ланселота, вскипела мгновенно, и прежде чем кто-нибудь успел вмешаться, он принял вызов.

Законы рыцарского этикета суровы. Вызов можно не принимать или осмеивать, рискуя собственной честью или жизнью, но когда вызов принят, бой дол -жен состояться непременно, и не было во всей Логрии рыцаря, который попытался бы помешать схватке, затеянной по всем правилам, хотя бы и сошлись в ней не на жизнь, а на смерть сын и отец.

Рыцари разъехались на дальние края большого луга перед замком, сам король Артур — такой же пленник условностей, как и прочие рыцари — дал знак, и вони понесли всадников навстречу **258**.

— Ну что ж тут обижаться-то? — сказал Ланселот добродушно. — Я всегда знал. что никакой я не лучший. А быть отцом лучшего рыцаря не так уж и плохо — как-никак кровь-то в его жилах моя!

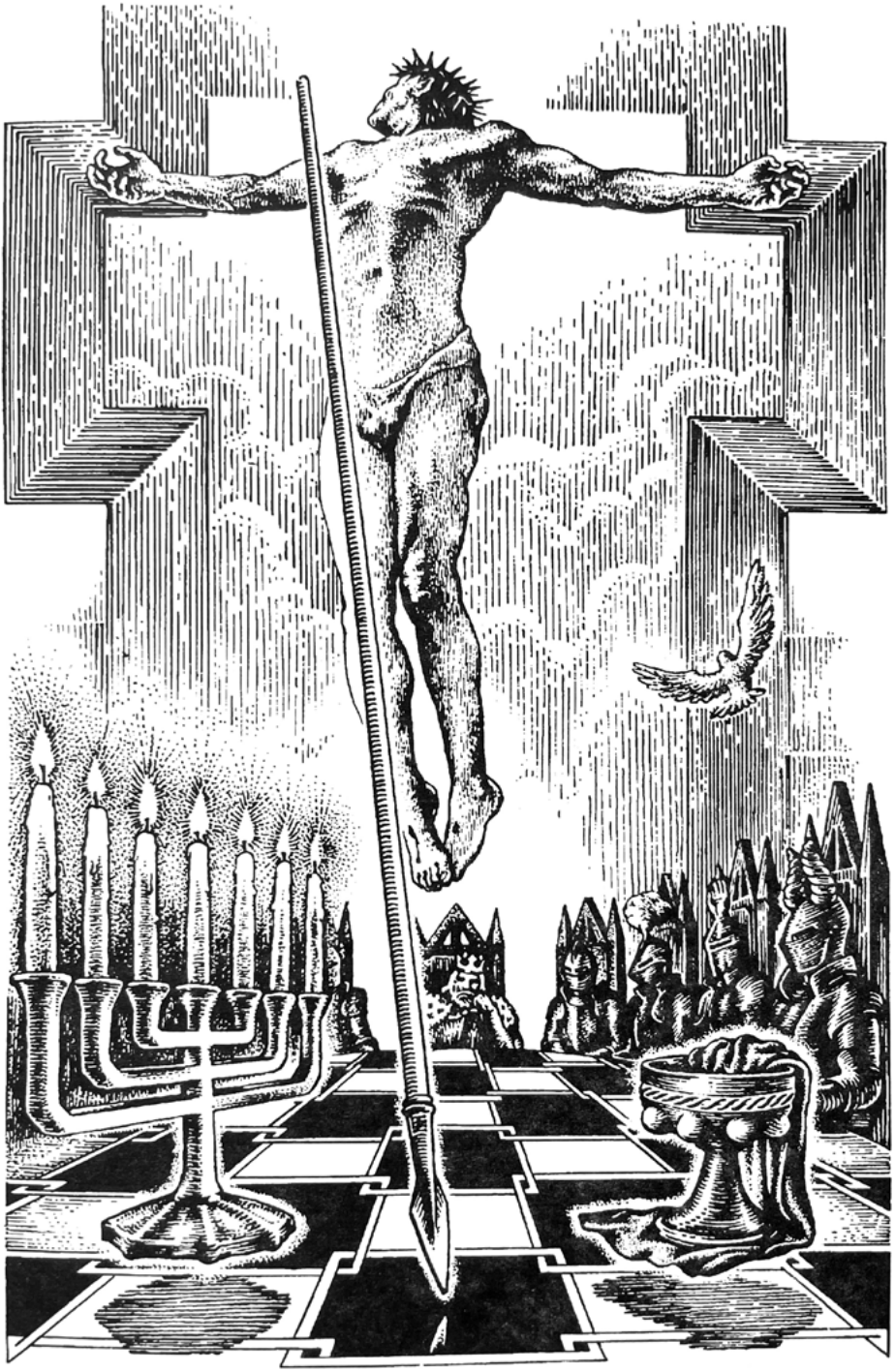
— Ну, если вы так на это смотрите, — несколько растерянно сказала дама, — то можете, конечно, и не оплакивать свое первенство. Тем более, что из грешных людей вы так и остались лучшим. А вот с этим вашим небесно-чистым сыном к королю Артуру нынче придет такая великая слава, какой не знал прежде ни один король земной!

И странная дама растворилась в сумерках. Размышляя о ее словах, король Артур вернулся в большую залу, и когда рыцари вновь расселись по своим сиденьям, увидел он, что все места за Круглым Столом теперь заняты.

— Действительно, славный сегодня день! — воскликнул Артур. — Нынче за этим столом — лучшее собрание рыцарей, которое когда-либо суждено увидеть миру. И стало быть, час этот — час славы логров, самый славный час нашего королевства.

Тут вновь могучий порыв ветра потряс замок, и грянул сильный гром. Лучи солнца прорезали вдруг темноту, и каждый из сидевших за столом показался остальным куда лучше и благороднее, чем выглядел прежде. Но отчего-то никто не мог произнести ни слова, а уж тем более сдвинуться с места.

В зале неведомо откуда появился некий предмет, накрытый белой парчой. Он сиял так, что даже те, кто никогда прежде его не видели, сразу признали в нем Святой Грааль. Не видно было никого, кто бы нес эту святую чашу, и тем не менее плыла она в лучах солнца над Круглым Столом, наполняя присутствующих радостью та, благодатью.

За Граалем проследовало над столом копье, обращенное острием вниз, и большой подсвечник о семи свечах, горящих неколебимым пламенем. Все сидели, словно завороженные, и никто не заметил, как и куда исчезла чаша.

— Да-а, — сказал сэр Гавейн, — а все-таки недостойны мы оказались созерцать Святой Грааль — он ведь так и остался скрытым парчой. Так вот я и решил: поеду-ка я завтра прямо с утра на подвиг во славу Святого Грааля я, даст Бог, свершу что-нибудь настолько выдающееся, что удостоюсь увидеть Грааль без покровов.

— Погодите же, любезный племянник мой! — вскричал обеспокоенный король Артур. — А ну как не увидите вы Грааль никогда!

— Ну что ж, значит, я вовсе недостоин его узреть! — ответил сэр Гавейн довольно спокойно, ибо при своей доблести полагал такой исход дела невозможным.

Тут все рыцари Круглого Стола подосадовали втайне, что не хватило у них, как у Гавейна, смекалки избрать себе такой гарантированный долго-действующий подвиг вместо вздорных мелких стычек на дорогах. Но как истинные рыцари логров, все они хорошо владели собой и умели скрывать эмоции под манерами. Так что все благородное собрание вдруг встало как бы в едином порыве и вслед за Гавейном произнесло клятву Подвига Святого Грааля.

— Уел меня племянничек, — грустно констатировал бедный Артур. — Теперь лучшие и вернейшие мои рыцари разъедутся и никогда уж больше не соберутся здесь в таком отменном составе — Мерлин знал, что предсказывал. И теперь авансом опечалюсь я за тех, кто погибнет в пути, и предамся еще большей скорби оттого, что час славы логров миновал и близится теперь час последней битвы, в которой как будто и самому мне суждено пасть, и всему государству логров рассеяться, как напророчил нам старый Мерлин.

Наутро многие из рыцарей сообразили, что клятву они дали сгоряча, не взвесив всех последствий и неудобств ее выполнения, но — делать нечего! — невольники чести, держа

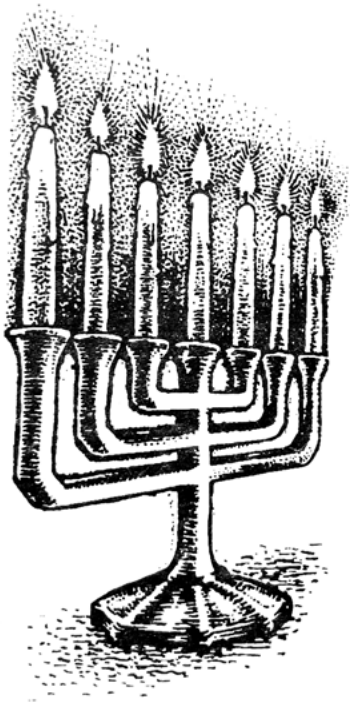
данное слово, выехали из Камелота и отправились в разные стороны. Большая часть их сбилась в группы, полагая, что так если и не легче, то уж, по крайней мере, веселее в пути. Иные отправились в путь лишь вдвоем с ближайшими друзьями. Совсем же некоторые и особенные пустились в странствия в одиночку. Не навязывая им своей компании, ты, однако, можешь по своему выбору последовать за…

…Отважным Ланселотом Озерным на **265**.

…Странноватым и загадочным сэром Мордредом на **266**.

…Прекрасным и юным сэром Галахэдом на **267**.

…Прежде неведомым тебе своеобразным сэром Керладоном Гарнейским на **264**.

264

И сэр Керладон Гарнейский отправился на поиски Святого Грааля, подобно многим другим (и более достойным) рыцарям Круглого Стола.

Однако честь свершения такого подвига ни с кем не захотел он делить, и поэтому в путь отправился даже без оруженосца.

А поскольку благородному рыцарю как-то не пристало якшаться с простолюдинами и спрашивать дорогу у людей простых и некультурных, то сэр Керладон то и дело сбивался с пути и вместо великого подвига разменивался на мелкую возню с недостойными противниками.

Народу такого сорта в Логрии хватало даже и в лучшие времена, а уж теперь, когда двор Артура опустел, ощутившие свою безнаказанность злые люди поперли просто изо всех щелей.

Бедному Керладону буквально некогда было перевести дух, так что, когда иные рыцари уж возвратились, а о других дошли до короля Артура печальные вести, сэр Керладон все еще бродил по дорогам, поражая встречных хриплыми выкриками во славу Грааля и ни с чем не сообразными поступками.

И королю Артуру, несмотря на дела государственной важности, пришлось специально отправить нескольких довольно доблестных рыцарей уже на поиски самого сэра Керладона, чтобы хоть как-нибудь уберечь от его подвигов землю логров, которой в то время и без того доставалось изрядно.

Однако несчастливая звезда Нелепого Рыцаря не дала ему быть найденным, и он где-то бродит, наверное, и по сию пору, когда спит уже вековым сном

Король Артур, и великий Мерлин в потаенном месте ожидает того, кто его разбудит. И вместе с ними засыпает и наша история, и во мраке безвестности пропадает ее

КОНЕЦ

265

Отважный Ланселот, выехав на поиски Святого Грааля, для начала хорошенько припомнил все, что он слышал об этом диковинном чуде, и после этого, не колеблясь, направил коня своего через безлюдные ущелья Уэльса в Опустошенные Земли. Видимо, достоинство и доблесть рыцаря и вправду были так велики, как о них рассказывают, потому что в конце концов удалось ему найти огромный полуразрушенный замок Карбонек, а в нем — Короля Пелеса, потомка Иосифа Аримафейского. Ланселот не без оснований рассчитывал застать Грааль по месту его долговременного хранения, однако тут его постигла неудача: Грааль, как видно, сам отправился странствовать.

— Не печальтесь, добрый рыцарь, — утешил его король Пелес, — зато вам одному раскрою я значение виденного вами в Камелоте, Знайте же, что Грааль — это чаша, из которой вкушал господин наш Иисус Христос на последней своей вечере. И в нее же собрал Иосиф Ариыафейский кровь господню, вытекшую из раны, нанесенной тем самым — помните? — копьем римского центуриона Лонгиниуса. Это знание — единственная компенсация, которую могу я вам предложить за то печальное известие, что не вам суждено найти в этом мире Грааль.

— Позвольте, — спросил короля наблюдательный Ланселот, — но ведь там был же еще и подсвечник о семи свечах! Это-то что означает?

— Увы! — ответил король Пелес. — Вы узнали лишь предназначавшееся вам, а насчет подсвечника я и сам, честно говоря, не в курсе — это уж, как видно, тайный символ для особо посвященных, каковыми — вы, ни я не являемся.

И загрустивший Ланселот покинул Карбонек и поехал прочь. По пути он в сердцах свершил кучу величайших подвигов, но словно и не заметил этого, я прибыл в Камелот на **268**.

266

Сэр Мордред всегда был личностью странной и загадочной.

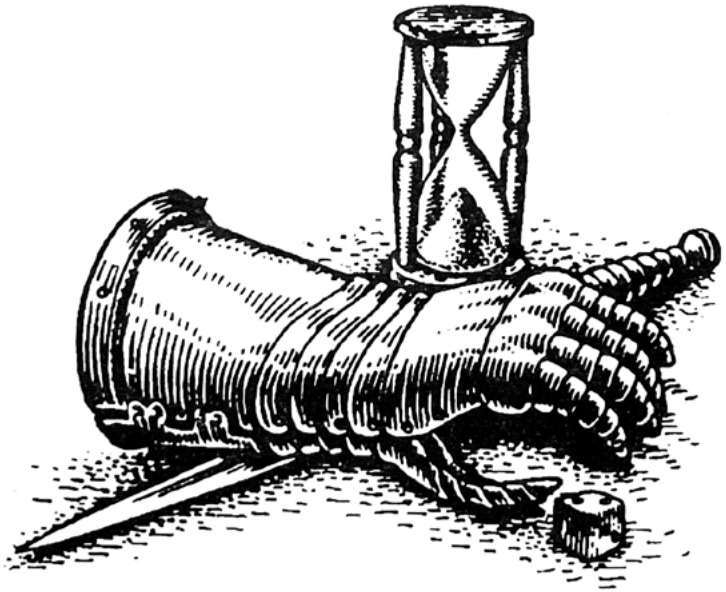
Начать с того, что со времени своего посвящения в рыцари никаких он подвигов не совершил и вообще почти не покидал Камелот, предпочитая геройствовать за пиршественным столом, а не на поле брани. На это ему, правда, никто не пенял, поскольку какая-то загадка в его происхождении и положении была, и многие в Камелоте глухо намекали, что им известна эта ужасная тайна. А пуще того хранило сэра Мордреда особое расположение к нему Феи Морганы — совершенно необъяснимое, если принять во внимание, что Мордред даже и в милых ее сердцу злых делах никак себя не показал.

Но когда все рыцари, как один, покинули Камелот, сэр Мордред счел неудобным для себя оставаться за Круглым Столом в одиночку и торчать там, как бельмо в глазу. Он чинно выехал за ворота, отделился от основных, а затем и от второстепенных групп рыцарей и безо всяких помех добрался до замка Морганы в землях Горров, где и пересидел благополучно все время поисков Грааля. Сэр Мордред, как видно, был человек практический и трезво полагал, что при его достоинствах Грааль не то чтобы искать, а даже и во сне видеть не полагается. Недурно проведя время в замке, сэр Мордред отправился в обратный путь, как только услышал, что с пустыми руками возвращается даже и отважный рыцарь Ланселот, которого Мордред нагнал уже у ворот Камелотского замка на **268**.

Немногое время спустя дошли до Камелота вести, что где-то в далеких землях пал на дороге подвига сэр Галахэд, и многие этому верили и премного оттого печалились. Однако не меркло имя Галахэда на сиденье у Круглого Стола, ибо на самом деле хоть и ушел сэр Галахэд из этого мира, но продолжал он вечно странствовать, сопровождая Святой Грааль и являясь иногда достойным его искателям как знак того, что они на верном пути. И так пребудет вовеки, и никогда не будет более занято Гибельное Сиденье за Круглым Столом, хотя бы и пробудилось к новой жизни все великое рыцарское королевство логров, ибо истинному рыцарству в мире

НЕТ КОНЦА...

268

В Камелот съехались все рыцари, что остались в живых на трудных дорогах подвига Святого Грааля. Многие места за Круглым Столом остались незанятыми, и больше не появлялись на них написанные золотом имена, ибо неоткуда уже было взяться новым могучим рыцарям, и Логрия потихоньку приближалась к часу, когда суждено ей было исчезнуть во мраке.

Силы зла понемногу поднимали голову, и Ланселот, пользуясь этим, как поводом, старался как можно меньше находиться в Камелоте.

Для рыцарей тяга к подвигу была в порядке вещей, поэтому на разъезды Ланселота они внимания не обращали. Однако мимо внимания королевы не прошли частые отлучки лучшего рыцаря логров (а Ланселот вновь утвердился в этом звании после исчезновения Галахэда), и с чисто женской логикой Гиневра все приняла на свой счет.

Королевский же образ жизни сдержанности ее научить не мог, и вот Гиневра, призвав к себе Ланселота, спросила его напрямик:

— Вы, похоже, не то чтоб лучшим, но и вообще рыцарем себя не считаете, что так пренебрегаете своею королевой?!

— Какое там! — махнул рукой Ланселот. — Я бы, может, и рад иногда был бы отделаться от этой любви, да только это выше моих сил. И выйдет мне это, я чувствую, боком. Вот я через эту любовь уже и из лучших выпадал, и Грааль в натуре видеть не сподобился...

— Хороша любовь, нечего сказать! — воскликнула по-королевски непосредственная Гиневра. — Всякий день глаза на сторону и чуть что — за ворота!

— А я вам, кажется, и не муж еще, — обиделся Ланселот. — На Артура своего вон покрикивайте, госпожа моя королева, И вообще не очень-то забывайте о своем достоинстве, а то у вас тут доброжелателей полон двор — враз подведут под монастырь!

— Уж лучше в монастырь, чем при таких кавалерах жить! — вскричала в сердцах Гиневра. — Прочь с глаз моих навеки, навсегда, пока не позову!

И они разошлись: Ланселот — на **275**, Гиневра — на **270**.

Ступай и ты, читатель — за кем-нибудь из них.

Гиневра хоть и давно уже была королевой, но все же прежде того была она женщиной, а потому скоро пожалела о своих словах.

Однако же природная гордость (или упрямство?), а также высокое положение не позволяли ей открыто признаться, что она рада была бы возвращению Ланселота — тем более, что все равно звать его было неоткуда, ибо шлялся он неизвестно где.

Но возможности королевы были все же достаточно широки, и вот Гиневра, чтобы скрыть истинные свои намерения, призвала к себе десяток рыцарей Круглого Стола с тем, чтобы они сопровождали ее в традиционном майском поезде.

Рыцари, томившиеся без дела, согласились с радостью (ну-ну, попробовали бы они отказаться!), хотя на дворе (и во всей Логрии) стояла еще середина апреля — а праздничный выезд королевы приурочивался к началу весны и производиться должен был в мае, как и следовало из его названия. Гиневра тоже не стала заострять на этом внимание, хотя ей ничего не стоило провести указом переход на летнее время и новый календарь -но делать это было незачем, поскольку во всей Логрии не нашлось бы в то время и пары приличных часов, а времена года определялись там на глазок — по солнышку.

И вот рыцари, одевшись в честь необычайно ранней весны во все зеленое, выехали из ворот Камелотского замка в сопровождении своих леди — также в зеленых нарядах.

И были еще при них дамы для услуг и всякие оруженосцы, а впереди всех ехала нарядная и как будто беззаботная Гиневра, и вообще все кругом было светло, свежо и радостна

Но не один Ланселот любил королеву — были у нее и другие воздыхатели при дворе. И если благородства Ланселота хватало, чтобы до поры до времени не ронять высокое чувство в грязь подлых слухов и сплетен, то у его соперников ни силы

духа, ни воспитания не доставало, чтобы не использовать подходящий случай. Ведь так удачно все складывалось: и Ланселот в отъезде и опале, и свита при королеве невелика, и едут-то они все больше лесами... Короче, рыцарь Мелигранс решил, что пришел его час, и устроил в лесу засаду из двух десятков воинов и сотни лучников.

Развеселый майский поезд влетел в ловушку столь неожиданно, что никто из рыцарей Гиневры не успел даже схватиться за оружие.

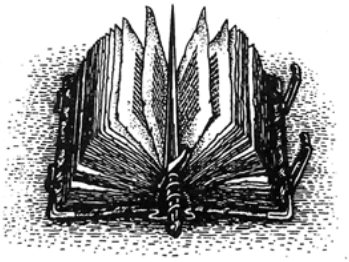
— Вот что, — сказал Мелигранс, когда рыцари замерли перед направленным на них оружием. — Королеву я люблю давно, намерения у меня самые серьезные, и я никому не позволю путаться у меня под ногами, будь он хоть трижды Ланселот — слишком долго я ждал!

— Никогда я не полюблю предателя! — воскликнула Гиневра. — И долг всякого благородного человека — дать достойный отпор этим гнусным посягательствам на королевскую честь! — добавила она несколько казенно, но по существу.

Обращалась-то она, конечно, к сопровождавшим ее рыцарям, а вот решать за них придется тебе, читатель:

Исполнить свой долг и защищать королеву перед превосходящими силами противника на **272**?

Или признать высшим авторитетом любовь и уступить коллеге Мелигрансу на **273**?

272

Рыцари, как один, кинулись на защиту своей королевы — отважно и безрассудно, ибо все они без доспехов были как черепахи, лишенные своих надежных панцирей. Нарядные одежды не спасали, и вскоре все рыцари были повержены — кто раненным, в кто и убитым, ибо воины Мелигранса оказались под стать своему хозяину: не так искусны, сколь кровожадны и жестоки.

— Если твои люди станут добивать раненых, — прошипела Гиневра, — то пусть уж убивают и меня -живой я тебе не достанусь! — и она выхватила кинжал, с которым никогда не расставалась.

Мелигранс, увидев что рискует остаться на бобах, пошел на попятный и согласился рыцарей не добивать, а оставить их, как есть. Правда, собирался он оставить при них (на **274**) еще несколько человек своих — якобы для охраны, а на самом деле, чтобы закончить начатое. Сам же сэр Мелигранс вместе с Гиневрой отправился в свой замок на **277**.

273

Рыцари были людьми храбрыми, но практичными. Они здраво рассудили, что если все они полягут в битве, то и славы не добудут, и королеву не спасут. А сдавшись на милость победителя, они как-нибудь найдут способ известить короля Артура о случившейся беде — чья же она, в конце-то концов, жена?! — и уж тогда пощады предателю не будет! Приняв такое единогласное решение, рыцари безоглядно доверились слову коварного предателя и дружно передали с рук на руки королеву домогавшемуся ее Мелигрансу, а сами преспокойно отправились на **274**, еще не зная, с каким ужасным человеком свела их судьба.

274

Люди сэра Мелигранса дело свое знали, и едва лишь хозяин их рука об руку с королевой скрылся за поворотом лесной дороги, налетели они внезапно на рыцарей короля Артура. Конечно, каждый из рыцарей был воин хоть куда и стоял, может быть, десятка других — но в благородном бою один на один. А битва, развернувшаяся на поляне, более походила за пьяную деревенскую драку, нежели на благородное ратное дело. К тому же рыцари никак не могли отделаться от въевшихся им в плоть и кровь правил честного боя, а их противники применяли все методы подряд, не отличая приемов разрешенных от запретных. И не успел еще сэр Мелигранс с Гиневрой доехать до своего замка, а на поляне уже завершилась кровавая бойня: ушлые людишки не оставили в живых никого… то есть никого из рыцарей. Один юный оруженосец, по молодости лет не слишком стесненный еще всякими условностями, почел за благо скрыться в кустах (чему способствовала зеленая его одежда). И когда опустела поляна, сей трезвый и практичный юноша сломя голову помчался в Камелот на **181**, чтобы там устами очевидца поведать об ужасном преступлении против королевской чести и достоинства.

275

Ланселот, пространствовав, сколько требовали приличия, воротился ко двору короля Артура. А там как раз происходило новое чудо. Вернее, должно было происходить, но все что-то задерживалось: рыцари Круглого Стола по одиночке подходили к лежащему на носилках сэру Уриенсу и пытались возложением рук излечить три его ужасные раны. Но случай был, как видно запущенный — в поисках лечения сэр Уриенс объехал чуть не всю Европу — и рыцари отходили, пристыженные собственным неумением справиться с таким, в общем-то, обычным в те годы делом.

— О горе мне! — вскричал из последних сил сэр Уриенс. — Я должен быть исцелен рукою лучшего рыцаря в мире, и уж если при дворе короля Артура не сыскалось такого, то, видно, придется мне, наконец, умереть...

Но тут как раз вошел в залу сэр Ланселот. Король наскоро разъяснил ему, в чем дела

— Ну, меня это не касается! — заявил Ланселот. -Я-то уж точно не лучший в мире рыцарь.

Он имел в виду свою любовь к королеве, но Артур, не уловивший намека, тем не менее повелел ему не выпендриваться и поступать, как все рыцари до него. Ланселот послушно возложил на ужасные раны сэра Уриенса свои руки, так и не отмытые от дорожной пыли. Но, видимо, цивилизованные представления о санитарии еще не успели отравить простую жизнь древних логров, и мануальная терапия по методу Ланселота оказалась вполне действенной: сэр Уриенс сразу же встал, целый и невредимый, точно никогда и не был ранен. И все вокруг удивились и обрадовались, а Ланселот вдруг заплакал, точно обиженный ребенок.

И король Артур, глядя на него, вспомнил предсказание леди Нимейи и понял, что это исцеление и есть последнее чудесное деяние Ланселота перед концом королевства логров и, значит, самого конца ждать уже совсем недолго, ибо деятельный Ланселот не привык простаивать без дела.

Тут в залу на взмыленном коне влетел оруженосец и, забыв даже спешиться в присутствии короля, залпом выпалил свой рассказ о происшедшем с королевой. И все, конечно, тут же ему поверили — одному-единственному свидетелю, чьи слова могли быть и неточны, и обманчивы, и корыстны- Поистине, волшебные времена проходили тогда над Логрией -и надо ли говорить, что не могли они длиться вечно?

Ланселот, естественно, вскипел и прежде, чем кто-то смог его остановить, уже кинулся вперед по дороге мести на **277**.

Королю Артуру ничего другого не оставалось, как последовать за ним. Но королевский выезд со всеми рыцарями и оруженосцами — дело хлопотное и долгое, и поэтому, пособиравшись всю ночь, Артур добрался до замка Мелигранса только к утру, когда наступила уже **282**.

Стремясь скорее освободить свою королеву, Ланселот мчался, подобный буре, поднимая тучи пыли на проезжих дорогах. Но вот остановил его целый отряд лучников, и у каждого стрела дрожала на натянутой тетиве.

— Поворачивай! — вскричал предводитель отряда. — Зла мы тебе не хотим, поэтому для начала подстрелим твоего коня, а без коня ты не рыцарь!

— Много вы понимаете в рыцарях! — насмешливо ответил Ланселот и пустил коня в галоп.

Лучники выпустили тучу стрел, и конь Ланселота, сразу ставший похожим на ежа, тут же испустил дух. Ланселот, однако, сумел быстро выпутаться из стремян и накинулся на врагов столь стремительно, что никто из них не успел выпустить в него вторую стрелу — все они бежали, объятые страхом перед неудержимой мощью рыцаря.

Спешенный Ланселот двигался теперь довольно медленно, ибо доспехи и оружие, незаметные для конного, весом своим пешему причиняли изрядное неудобство. А разоружаться было еще рано, ибо коварство Мелигранса могло и не ограничиться одной ловушкой. Поэтому можно понять радость Ланселота, когда на дороге повстречалась ему телега с лесниками.

— Любезные други, не подбросите ли меня к замку сэра, черт бы его побрал, Мелигранса? — сказал Ланселот лесникам.

— А на что вам? — спросил старший из лесников. -Мы вообще-то в другую сторону, за дровами...

— У меня беседа с хозяином замка, — сказал Ланселот и брякнул щитом. — По совершенно неотложному вопросу.

— Знаем мы эти беседы! — усмехнулся лесник. — К вашему хозяину никто с добром не ездит, а самим на себя его немилость навлекать нам что-то неохота. Сойдите-ка с дороги, рыцарь, и дайте нам проехать от хлопот подальше...

Ланселот мгновенно вскипел и кулаком так двинул лесника, что тот замертво повалился на землю. Жизнь простолюдина мало что стоила в глазах рыцаря и в обычное время, а уж в таких экстренных обстоятельствах, когда дело шло о чести королевы... Впрочем, Ланселот и здесь остался благородным — оружия-то он в ход не пустил.

— Поворачивай! — прорычал он оставшемуся в живых леснику. — И поживее!

Ланселот нарочно старался нагнать страху на этого возницу, потому что если б и этот отказался, попал бы наш рыцарь в довольно затруднительное положение: прекрасно обученный езде верховой, вряд ли справился бы он не с рыцарским конем, а с крестьянской лошадкой, да еще прицепленной к телеге. Но лесник хотел жить и погнал лошадь так, что в считанные минуты доставил Ланселота к замку. Колеса прогрохотали по подъемному мосту, возвещая о прибытии демона мести, и Ланселот еще подпустил жути, под бряцанье доспехов прокричав в ночи ужасным громоподобным голосом:

— Где тут прячется подлый предатель со своею свитой? Давненько что-то не бил я Мелигрансов!..

Мелигранс в панике распростерся перед Гиневрой, моля о прощении и заступничестве. Гиневра обещала замолвить за него словечко, ибо, по ее словам, хотела мира, но не войны. Ворота замка были тут же подняты, и Ланселот разъяренным львом ворвался во внутренний двор.

Там уже стоял на коленях понуривший голову Мелигранс, и Гиневра высказала рыцарю свое мнение по разрешению конфликтной ситуации.

Что тут было делать Ланселоту?

Подчиниться зову чувства и покарать предателя немедленно на **279**?

Или прислушаться к голосу рассудка и поискать благородное решение где-нибудь на **280**?

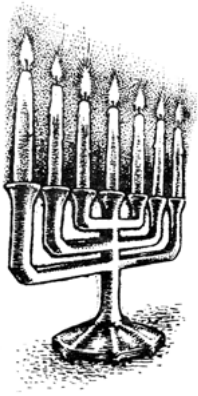
— Ланселот плохо слышал, что говорила Гиневра, а видел и вообще только одно: рядом с его любовью, с чистой и прекрасной Гиневрой стоял низкий и грязный предатель, недостойный ни дышать с нею одним воздухом, ни ходить по одной с ней земле, ни жить под одним небом. Меч взлетел в руках Ланселота, голова предателя покатилась по земле, и королева замолкла на полуслове.

— Что ж, — сказала Гиневра после паузы, — не дело женщины вмешиваться в рыцарские дела, но позвольте вам заметить, сэр Ланселот, что убивать безоружного прилично скорее палачу, нежели благородному рыцарю.

— Карать предателя, оскорбившего даму — мой долг, как рыцаря Круглого Стола, — возразил ей Ланселот, — и каждый год я приношу в этом клятву.

— Все это так, о прекрасный рыцарь мой, — печально согласилась королева. — Но теперь не осталось у нас с вами свидетеля нашей чистоты, и никто не поверит, что не были мы здесь с вами так близки, что ближе не бывает... Видно, такова уж наша судьба — так возьмем же то, что нам уготовано! — и она пала в объятья Ланселота.

И под покровом ночи он отвез ее в Камелот и не расстался с ней даже и в ее опочивальне на **296**.

280

Ланселот хоть и был взбешен, но привычной острой наблюдательности своей не утратил и потому уловил какой-то неясный намек в глазах Гиневры. Он помялся для вида и, как бы через силу уступая заступничеству королевы, согласился пощадить Мелигранса сейчас — с тем, однако, условием, что позднее они в полных доспехах сразятся в Камелоте в присутствии самого короля Артура. После этого Ланселот хотел сразу же прогнать Мелигранса с глаз долой, однако королева опять намекнула о чем-то своим прекрасным взором, и он великодушно разрешил предателю остаться, недоумевая, однако, к чему все это нужно.

Гиневра разрешила сомнения Ланселота, когда омывала его раны — не все лучники оказались снайперами, и кое-что из стрел, посланных в коня, перепало и всаднику. Повосхищаться рыцарем народу собралось немало, но королева умело использовала журчанье воды и собственные охи и ахи в качестве прикрытия слов.

— Не следует нам сейчас оставаться с вами наедине, — прошептала она Ланселоту. — Многие из зависти станут нашептывать королю что-нибудь дурное в оба его царственные уха, и свидетель не будет лишним для нас в таком деле. А есть ли лучший свидетель, чем враг? До утра вам придется помозолить глаза сэру Мелигрансу. Да и приглядеть за ним не лишне, чтоб не сбежал до поединка.

— И вы продолжаете называть это ничтожество сэром?! — как бы от боли яростно прошипел Ланселот. — Эту тварь с гербом, это ничтожество в доспехах! — Увы, мой прекрасный рыцарь, — отвечала ему Гиневра. — В рыцарское достоинство посвящает король Артур — и кому, как не ему, решать, остается ли и потом рыцарь рыцарем?

— Пережитки монархизма, — проворчал Ланселот больше для порядка, чем по существу, ибо для него в устах Гиневры и самые нелепые аргументы казались исполненными великой мудрости словами оракула.

Нечего и говорить, что совету Гиневры Ланселот последовал безоговорочно и в течение всей ночи не только сам не спал, но и не давал сомкнуть глаз бедному Мелигрансу, развлекая его всякими героическими историями из своей бурной биографии до самой **282**, когда утром подъехал к воротам замка король Артур и сопровождающие его лица.

282

Утро вечера мудренее — это замечено давно и справедливо, и подъехавший поутру король Артур, получивший от Ланселота с рук на руки живую и невредимую королеву, отказался от вульгарной мести Мелигрансу, охотно заменив ее честным поединком с Ланселотом.

— Битву назначаю в Камелоте, через неделю, — сказал Артур. — И если кто не явится на поединок — засчитаю поражение и покрою позором на всю Логрию.

С точки зрения Мелигранса, не было большой разницы между немедленной местью и отсроченным поединком, ибо выстоять против лучшего в мире рыцаря ему нечего было и думать. Но возражать было неуместно, ибо формально король все же проявил великодушие, и Мелигранс решил подойти к проблеме с другого бока.

— Сэр, — обратился он к Ланселоту, — я думаю, до дня битвы вражды меж нами не будет? Тогда позвольте мне пригласить вас остаться нынче на поистине королевский пир, который я устраиваю здесь в вашу честь.

Ланселот внимательно оглядел сэра Мелигранса с головы до ног и...

...Великодушно и благородно согласился разделить с ним трапезу на **283**.

...С негодованием отверг самую мысль делить стол с предателем и вместе с Артуром и Гиневрой немедля уехал в Камелот на **287**.

— Пировать — дело недурное, — согласился Ланселот. — Посмотрим, может, вы хоть здесь окажетесь удачливее, чем в иных своих предприятиях!

Пир готовили весь день, а вечером сэр Мелигранс лично пришел за Ланселотом и сопроводил его в пиршественную залу. Но повел он его тем коридором, где была устроена западня для почетных гостей. Плита пола повернулась вдруг под ногой Ланселота, и вместо резного кресла на пиру оказался доверчивый и самонадеянный рыцарь на вонючей соломе в темнице.

Лежал он там семь дней и семь ночей, и всю неделю некая прекрасная дама приносила ему еду и питье, уговаривая при этом медовым голосом:

— Никакая цена не велика за свободу. А я прошу только благородного сэра Ланселота стать моим господином и любить меня во всю его рыцарскую силу.

Ланселот крепился и сохранял верность Гиневре дней шесть, но заколебался в последний день, когда время стало поджимать, и он оказался перед выбором:

Продолжать оставаться несгибаемым до **285** в надежде, что коварство когда-нибудь будет разоблачено и посрамлено?

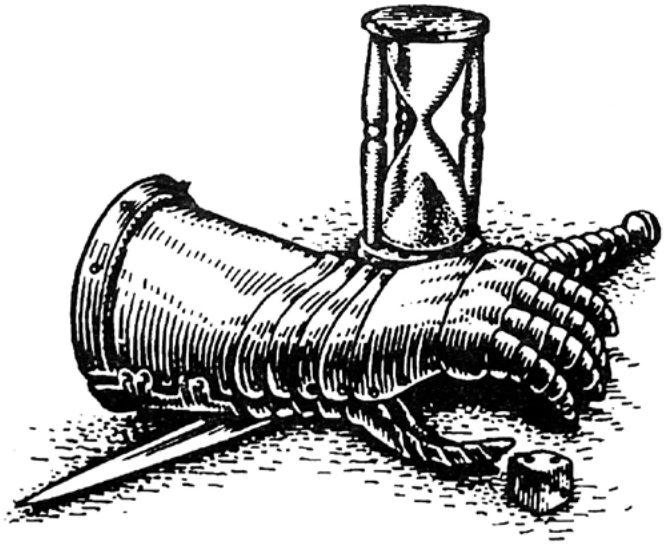
Или все же поставить честь рыцаря превыше всего и ради нее дать даме требуемое на **284**, ибо просят-то, она, в сущности немного?

284

— Что такое, в сущности, поцелуй? — спросил себя Ланселот и сам же себе ответил: — Это вовсе не знак любви, а простой символ вежливости — вроде рукопожатия между рыцарями, И отчего бы мне не поцеловать эту даму? Авось, она растает в моих объятьях, потеряет голову и не станет требовать большего, а свое обещание как-нибудь да исполнит...

И он привлек к себе даму и запечатлел на ее губах самый страстный поцелуй, на который только хватило его воображения и опыта. И дама ответила ему с такою пылкостью и горячностью, что не она, а он уже потерял голову и напрочь позабыл и о сэре Мелигрансе, и о предстоящем поединке, и даже о самой королеве Гиневре. Да и не мудрено это было, поскольку дамою-то этой была сама Фея Моргана, и против ее коварства трудно было устоять даже и такому славному логру, каким был Ланселот. Так что рыцарь и дама тешились друг другом, покуда не наступило утро, а вместе с ним — **148**.

— Вы хотите сказать, что я потеряю честь, не явившись в срок на поединок? — спросил даму Ланселот, — но добытая таким путем свобода куда бесчестнее. К тому же король Артур достаточно мудр и легко догадается, что явиться мне помешали какие-то злые козни.

— Не так уж и мудр ваш Артур, — сварливо заметила дама, — если не видит кое-чего прямо у себя под носом! Ну, да Мерлин ему судья! А мне дайте поцелуй на прощанье и можете быть свободны.

Целовать дам безо всякой любви и обязательств Ланселоту приходилось и прежде. Он наскоро чмокнул даму, сбегал в свою комнату за доспехами и был таков — только пыль вертелась на дороге.

— Скачи-скачи, — проворчала дама ему вслед. — И пусть любовь твоя к Гиневре приведет к концу рыцарство Логрии! — и она рассмеялась смехом злым и неприятным, ибо была это Фея Моргана. И ничего удивительного не было в ее помощи Ланселоту добро и зло и тогда, и сейчас часто идут рядом — только к разным целям...

Сэр Мелигранс тем временем важно разъезжал по лугу у Камелота и выражался в том смысле, что вот даже хваленый рыцарь Ланселот испугался его мощи и теперь, стало быть, лучшим рыцарем Логрии следует признать сэра Мелигранса. Король Артур чувствовал здесь какой-то подвох, но ничего возразить не мог и только клял себя за то, что назначил такие жесткие условия состязания.

Миновал назначенный час, и Мелигранс уже собирался покинуть этот двор, где, как он заявил, даже лучшие рыцари бесчестны и трусливы. Но тут на дороге показалось облако пыли, и перед собравшимися предстал Ланселот.

Он не стал оправдываться — он обвинял, рассказывая о коварном вероломстве сэра Мелигранса. Рыцари Круглого Стола тут же обрадовались случаю взять реванш и принялись честить сэра Мелигранса на все корки. Взбешенный крушением своих планов Мелигранс схватил копье и выехал на луг.

Ланселот тоже занял свою исходную позицию на **287**.

И на широком лугу перед Камелотом в назначенный час ринулись друг на друга сэр Мелигранс и сэр Ланселот. В искусстве владения копьем Ланселоту не было равных, и от его удара Мелигранс, как и многие до него, перелетел через круп своего коня. Ланселот спешился, не торопясь, ибо знал, что после его ударов рыцари нескоро встают на ноги. Но сэра Мелигранса подогревал страх за свою шкуру, и он довольно резво подскочил к Ланселоту с мечом в руке. Впрочем, и в этом виде рыцарского многоборья Ланселот был бойцом хоть куда, чего не скажешь о несчастном Мелигрансе. Неминуемое свершилось, и конец изменника был скор и ужасен — лезвие Ланселотова меча пронзило его насквозь вместе с доспехами.

Король Артур сразу перестал терзаться и перед всем двором вынес Ланселоту свою монаршую благодарность за спасение королевы. Сама же королева одарила своего спасителя поцелуем, во время которого успела шепнуть ему:

— Приходите в мой сад, когда сядет солнце, и я отблагодарю вас наедине.

Слов этих, сказанных столь тихо, никто не слышал, но их прочел по губам королевы сэр Агравейн, брат сэра Гавейна, воспитывавшийся в монастыре среди глухих монахов. Невероятный смысл сказанного до того поразил юного рыцаря, что это не укрылось от глаз стоявшего с ним рядом сэра Мордреда. Сэр Мордред, по гнусной своей сущности привыкший совать всюду свой нос, тут же поинтересовался, в чем дело, и Агравейн по простоте душевной все ему сразу и выложил.

Мордред понял, что настал его час. Но он знал, как относится к нему большинство рыцарей Круглого Стола, поэтому решил заручиться свидетельством человека честного и чистого, каким был в глазах рыцарского общественного

мнения тот же сэр Агравейн. Вместе спрятались они в саду, чтобы наблюдать встречу королевы с Ланселотом и ее благодарность рыцарю.

И встреча состоялась: самый могучий и благородный рыцарь в мире преклонил колени перед прекрасной королевой, а она попросила у него прощения за прежние свои грубые слова.

— Вы же понимаете, прекрасный рыцарь мой. -сказала Гиневра, и каждое слово ее было отчетливо слышно притаившимся Агравейну и Мордреду, — что могут значить произнесенные устами слова, когда сердце говорит откровенно? Я полюбила вас, кажется, в первый же день, как вы появились в Камелоте!

— Не пристало мне спорить с королевой, — улыбнулся Ланселот. — И я любил вас все эти годы, и хоть пытался смирить себя, но где уж чувству справиться с долгом!...

— Ланселот, — сказала Гиневра, и голос ее зазвенел, как у юной девушки, — больше всего на свете желаю я быть любимой вами и принадлежать вам — хотя бы тайно, раз уж судьба отдала меня другому. И сегодня я жду вас в своей опочивальне...

Ланселот, хоть и стоял уже на коленях, но при этих словах пошатнулся и чуть не рухнул в кусты прямо на спрятавшихся сэров.

— Если вы и вправду всем сердцем... — сказал он хрипло.

— Всем сердцем, всей душой, всем телом! — с жаром вскричала королева и подкрепила свои слова страстным поцелуем, от которого музыка зазвучала в ушах Ланселота.

И в то время, пока Ланселот в некотором замешательстве раздумывал, как же ему поступить: рискнуть на встречу с королевой на **289** или сохранить верность королю на **290**, Мордред с Агравейном уже успели добраться до **291**.

289

До самого позднего вечера просидел Ланселот в своих покоях, терзая раздумьями бедную свою голову, а потом встал и сказал кузену своему сэру Ворсу:

— Пойду-ка я повидаюсь кое с кем... а вы тут без меня спите спокойно.

— Не надо бы вам нынче уходить, — сказал на это проницательный сэр Ворс.

— Что такое? — удивился Ланселот. — Чего мне опасаться при дворе короля Артура?

— Не чего, а кого, — поправил сэр Боре. — Эти два молодчика, Агравейн с Мордредом, спелись не к добру...

— Дети! — отмахнулся Ланселот. — Все в заговорщиков играют...

— Смотрите, как бы вам не доиграться! — предостерег его сэр Борс. — Если дознается король про ваши дела с Гиневрой.

— Да откуда ему...- начал было Ланселот и осекся.

— А вы-то сами — откуда?...

— Слухом дворец полнится, — улыбнулся сэр Борс.

— Но мой замок — с краю.

— При случае учту, — сухо сказал Ланселот и решительно зашагал на **296**.

290

Видит Бог — всеми силами старался Ланселот избежать бесчестья и позора, каких не знала еще Логрия. Измаявшийся в поисках выхода рыцарь даже принудил себя улечься спать, чтобы потом замять дело, сославшись на усталость и забывчивость. Но откуда было знать воину, привыкшему иметь дело с мужчинами, какова бывает сила и настойчивость женщины, ступившей на дорогу любви?

Был уже поздний вечер, когда в покои Ланселота пришла вдруг дама, приближенная к королеве на дистанцию столь малую, что меж ними не осталось уже никакого места для тайн и секретов.

— Сэр рыцарь, — сказала она надменно, но не громко, — велено мне передать вам, что ежели сил ваших не достанет сменить это ложе на иное, более вам ныне приличное, то некая особа сама навестить вас явится, нимало не опасаясь быть узнанною в таком безлюдном месте, как Камелот...

Удар направлен был точно: годами затверженная клятва Круглого Стола не позволила рыцарю подвергнуть опасности даму. Ланселот со вздохом поднялся с ложа, не переставая поражаться одновременно предусмотрительности и безоглядности своей обожаемой королевы, в последовал за дамой в покои Гиневры на **296**

— Что ж, — говорил Мордред на ходу, — и вправду, кажется, настало мое время — в мои руки отдают эти двое все королевство логров! — и недобрый огонь в его глазах, казалось, разгонял сумрак ночи и освещал дорогу прямо в покои к сэру Гавейну, брату сэра Агравейна. Мордред, предпочитавший загребать жар чужими руками, даже и в комнату не вошел, а остался на пороге, предоставляя вести рассказ сэру Агравейну.

Сэр Гавейн выслушал брата довольно учтиво, не перебивая и не задавая уточняющих вопросов, и-

...Сразу всему поверил (**292**).

...Вежливо усомнился (**293**).

...Решительно ничему не поверил и возмутился (**294**).

Пожалуй, это похоже на правду, — сказал сэр Гавейн задумчиво. — Ведь Мерлин, помнится, предсказывал что-то в этом роде...

— Совершенно верно! — с жаром подхватил Мордред, вступая в комнату. — И заметьте, как точно до сих пор сбывались его пророчества! Взять хотя бы это исцеление...

— Извольте излагать свое мнение из коридора! -осадил его сэр Гавейн. — Если я и пойду с вами к королю нашему Артуру, то не потому, что разделяю ваши методы и взгляды...

— А зачем же еще? — удивился Мордред, отступая, однако, за порог — сэр Гавейн был скор на дело и тяжел на руку.

— А затем, чтобы свершилось назначенное! — отрубил Гавейн. — В молодости я не верил в судьбу и все пытался объехать ее на кривой. Не понимал, видите ли, высшего смысла предначертанного!..

— А сейчас понимаете? — осторожно и уважительно поинтересовался сэр: Агравейн.

— И сейчас не понимаю! — вскричал Гавейн. — Но уважаю рок и фатум... Впрочем, — заметил он как будто между прочим, — я с Артуром объясняться не собираюсь. Это уж ваше дело — его убеждать, а я так — поприсутствую... по родственному.

И втроем отправились они к Артуру на **295**.

293

Любезный брат мой! — сказал сэр Гавейн вежливо, что было у него признаком сильного волнения. — Сам я в такие дела нос не сую и вам не советую — по праву старшего и опытного...

— Ну конечно! — вскричал сэр Агравейн, уязвленный намеком на свою молодость и бестолковость. — Так я и позволю случиться этому позору!

— И как же, интересно, собираетесь вы помешать самому Ланселоту? — спросил Гавейн насмешливо. — Таких, как вы, против него и десятка мало...

— А я один и не полезу! — отмахнулся сэр Агравейн

— не очень, правда, уверенно. — Вот скажу Артуру, и он найдет людей-

— Этот придумал? — кивнул Гавейн на таящегося в сумраке Мордреда, и тот в испуге отступил еще глубже в темноту. — Видно птицу по помету!

— А я и один могу к королю сходить! — прошипел Мордред из коридора. — По-родственному. Он мне тоже не чужой...

— Ясно, — кивнул сэр Гавейн, — уж ежели рыцари идут на подлость, и брат поднимается против брата

— видно, и впрямь близко наше королевство логров к гибели... Ступайте же с глаз моих, вы, оба!

И сэр Гавейн остался в одиночестве и печали, а Мордред с Агравейном отправились к королю Артуру на **295**.

294

Не потерплю поклепа на славнейшего рыцаря логров! — вскричал скорый на суд и расправу сэр Гавейн и в сердцах так хватил брата рыцарской своей рукою, что чуть было не выбил из бедного Агравейна не только дух рыцарский, но и вообще всякое жизненное дыхание. Но желания досадить Ланселоту он из него так и не выбил -и сэр Агравейн вылетел в коридор и помчался прямо к королю Артуру, а за ним поспешал и сэр Мордред, опасавшийся, как бы и его не настигла могучая карающая длань. И так во весь опор влетели они к королю Артуру на **295**.

295

Молча выслушал Артур все, что сказано было о королеве и Ланселоте, и голос его не дрогнул, когда сказал он Агравейну и Мордреду:

— Возьмите дюжину рыцарей и сделайте так, чтобы не ушел Ланселот от справедливости. Но если вы солгали мне... или, что хуже, если он уйдет от вас... лучше бы не родиться вам на свет! А если все это правда — то не рождаться лучше бы мне самому...

Тут Мордред с Агравейном удалились, чтобы спланировать операцию и подготовить группу захвата. А король остался на своем месте, и слезы текли по седой его бороде и орошали сильные руки, но он не стирал их, ибо некого было стесняться королю за пустым Круглым Столом. И так просидел он, пока не настала печальная **296**.

296

Коротки часы встреч для всех влюбленных мира. А тут их и еще укоротили: нетерпеливый и коварный Мордред выждал лишь столько времени, сколько необходимо для очевидности вины, и вместе с Агравейном и другими двенадцатью рыцарями подступил под двери опочивальни Гиневры.

— Лан-се-ло-та! Лан-се-ло-та! — дружно скандировали они под дверью, и призыв этот долетал до самых отдаленных уголков замка, а кое-где проникал и наружу, приводя в замешательство редких ночных путников и дворцовую стражу.

— Нас предали! — догадалась Гиневра.

— Удивительная проницательность, — усмехнулся Ланселот. — Сразу видать, что королева...

Паниковать рыцарю было некогда: он срочно придумывал тактику обороны. Дело в том, что рыцарь далеко не всегда носит доспехи — удовольствие это сомнительное, ежели не вызывается необходимостью, и потому даже самые выносливые пользуются случаем, чтобы снять с себя эти железки. Нечего и говорить, что на свидание в покои королевы Ланселот явился экипированным не как для турнира. Меч он, впрочем, захватил, но без доспехов шансы даже и такого доблестного рыцаря были невелики — здесь, повторяем, был не турнир, и на нарушение правил даже сам король охотно закрыл бы глаза.

Внезапно Ланселота осенило.

— Возлюбленная моя королева, — обратился он к Гиневре, — нет ли здесь случайно каких-либо доспехов? Многие дамы украшают свои покои на рыцарский манер, и такая модная женщина, как вы...

— Ах, что вы! — отмахнулась Гиневра. — Мне достаточно этого добра и за Круглым Столом, чтобы еще любоваться им на сон грядущий...

— Жаль! — сказал Ланселот откровенно. — В доспехах-то им бы меня так легко не взять.

— Как видно, — сказала тут Гиневра печально, — конец приходят нашей любви?

— Ну уж нет! — вскипел Ланселот. — Конец придет кому-нибудь другому! И если кет других средств защиты, то остаются все же внезапность, быстрота и натиск!

И с этими словами он кинулся в схватку, положась на судьбу, которая играет шансами на удачу, как сторонами подброшенной монеты.

Но с судьбой не в «орлянку» играют, и могучий «орел» может быть сражен на самом взлете меткою стрелой или даже камнем, а дырявая «решетка» прикроет и спасет, в то время как бог знает что еще может выйти боком. Так что не пытайся обмануть судьбу, читатель, и кидай свою монету честно!

И если выпадет «орел», прочти свою участь на **298**.

Откроется «решка» — загляни на **301**.

Ну, а если уж встанет на ребро — тогда разузнавай, как там сложились твои дела, на **299**.

Дверь распахнулась, рыцари ввалились в опочивальню королевы, и тут их встретил Ланселот. Наверное, никогда в жизни не дрался он искуснее и отважнее — ведь ставкой в этом турнире была не его честь или даже жизнь, но нечто более ценное, более высокое — честь его возлюбленной, его королевы! Но...

Как бы ни был силен и умел рыцарь, а все же все его воинское искусство строится, исходя из определенных условий боя. И никто из бойцов, почитающих себя благородными, не станет метать тяжелое копье или отражать удары противника крестовиной меча — это будет не по-рыцарски, да и непривычно. Но куда непривычнее для рыцаря биться без доспехов, ибо с ними он словно срастается в боях и походах и лишаясь их, уподоблен может быть черепахе без панциря. И хоть такую резвую черепаху, как сэр Ланселот, можно еще поискать, даже и ему оказалось не под силу одолеть стольких закованных в латы противников. А поскольку сдаваться он не захотел, то и был сражен наповал десятком трусливых клинков.

После этой печальной ночи рыцарство Логрии раскололось: одни осуждали Ланселота, другие — Мордреда. Об Артуре речь как-то не заходила — королю хватало семейных проблем; потерявшая Ланселота Гиневра тронулась рассудком, и Артур сидел днями напролет у ее постели, ловя в некогда милых глазах хоть отблеск надежды. От дел он совершенно устранился, и Логрия тихо сползала в пучину **51**.

Подскочив к двери, Ланселот воскликнул неожиданно испуганным голосом:

— Друзья, к чему весь этот шум? Сию минуту вам открою! Тут, знаете ли, такие тугие запоры…

— Давай-давай! — рыцари из-за двери подбодрили выкриками его, а заодно и себя: мало кому из них хотелось драться с самим Ланселотом, который даже и без доспехов оставался первым рыцарем Логрии. — Сдашься без боя — так и быть, доставим к Артуру живым.

— Не извольте сумлеваться! — залебезил Ланселот и мало что не расшаркался. — И глаз не успеет моргнуть! Только сильно-то уж не бейте…

И под изумленным и презрительным взглядом королевы он действительно отворил дверь.

Правда, он отчего-то не распахнул ее настежь, а лишь приоткрыл немного.

— Вот ведь черт знает что такое! — вскричал Ланселот в досаде, подпирая между тем дверь ногою. — В кои веки решил сдаться — а и тут все не слава богу! Нет бы петли смазать ради такого случая…

— Ну кто же мог знать-то? — откликнулась с ложа начавшая понимать ситуацию королева. — Господа рыцари не предупреждали меня, что станут пленять Ланселота в моей опочивальне…

— Ай-ай, невежи! — воскликнул Ланселот, уже открыто дурачась. — А особенно вот этот, нахальный!

И с этими словами он выдернул из коридора одного из рыцарей, что жались у дверей и все еще не решались войти. Имя этого несчастного было, кажется, Колгреванс, но ровно никакого значения для истории это не имеет, потому что единственным подвигом сего рыцаря была слабая попытка поднять меч на Ланселота. Ланселот играючи отразил удар рукой, на которую он загодя намотал плащ,

и так шмякнул рыцаря об створку, что прихлопнул разом и дверь, и рыцаря. Он тут же проворно стянул с убитого доспехи и облачился в них, а Гиневра помогала ему со сноровкой лучшего оруженосца -все-таки она была женой короля рыцарей.

— Гнусный изменник! Коварный негодяй! — бушевал в коридоре Агравейн — впрочем, не слишком близко от дверей. — А ну давай выйдем!..

— Еще как выйдем! — пообещал Ланселот, целуя на всякий случай королеву.- И сквозь строй пройдем!

Тут умиротворенная королева вернулась на ложе и удобно расположилась там, чтобы в подробностях созерцать события **301**.

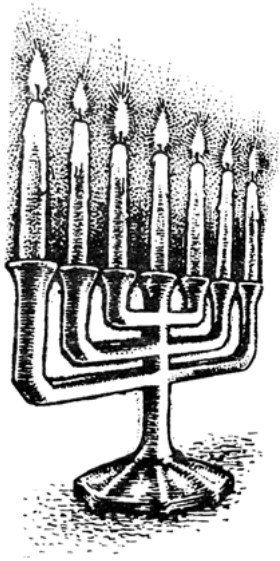

301

Ланселот широко распахнул дверь и встал на пороге, как в раме еще не написанного с него портрета — и в следующий миг изящным росчерком меча превратил портрет в батальное полотно. Враги его дрались отчаянно, но никто из достойных рыцарей не присоединился к позорному делу, и потому не было среди нападавших никого, кто в одиночку мог бы сравниться с Ланселотом — а соединить усилия он им не дал. Своим искусным мечом рассекал он сначала массу нападающих, а потом и массу каждого из нападающих — и вскоре рухнул наземь даже отдаленный сэр Агравейн, а с поля боя спасся один лишь сэр Мордред, раненный в место скорее обидное, чем опасное.

— Что делать будем, королева? — спросил Ланселот, подходя к Гиневре и вытирая меч кружевным покрывалом. — Я могу быстро умчаться один (на **302**) или увезти тебя с собою (на **305**).

И королева, конечно, выбрала маршрут, который подсказал ей ты, о многомудрый наш читатель.

— Езжай один, — сказала Гиневра спокойно, — Я пока еще королева, и мне нечего бояться в собственном королевстве...

— Кроме собственного мужа, — пробормотал Ланселот себе под нос, вылезая в окно.

— Что?!

— Я говорю: до встречи, любовь моя! — воскликнул Ланселот могучим голосом, закаленным в подвигах, и к нему тотчас же сбежались сэр Ворс, и сэр Лионель, и многие другие — но не затем, чтобы напасть или пленить его, а для того, чтобы следовать за ним. Ибо никто из них не считал любовь преступлеиием... и все они терпеть не могли сэра Мордреда.

Далеко отъезжать они не стали, а расположились тут же, неподалеку, чтобы видеть, что будет дальше.

Мордред тем временем дохромал до Артура и между стонами поведал королю о великом сражении при постели. В другое время Артур, быть может, и посмеялся бы над неудачниками, но нынче заботы омрачили нрав короля.

— Разрушилось навеки товарищество Круглого Стола, — сказал он печально, — ибо многих достойных увел Ланселот с собою.

— Зато оставил королеву, — сказал Мордред злорадно, — и она теперь умрет на костре — таков закон, ибо она изменила не мужу, но королю!

— Ну, это еще надо доказать!-неожиданно возразил ему сэр Гавейн — Мало ли зачем могла позвать Ланселота королева?

— Зачем доказывать то, что предсказано? — покачал головой Артур. — Мерлин не ошибается, и королеве придется умереть. И вы, сэр Гавейн, поведете ее на костер,

— На костер?! Женщину?! Мою королеву?!! — изумился Гавейн. — Да-а, может, и зря не уехал я с Ланселотом...

— Впрочем, — решил миновать опасный поворот темы король, — есть же еще ваши братья, Гарет и Гахерис. Вот им и поручим.

Сэры Гарет и Гахерис особого восторга не выказали, но они не были так знамениты и независимы, как сэр Гавейн, и потому протест их носил ограниченный характер.

— Как рыцари, мы не согласны, но как ваши подданные, отказаться не можем. Мы пойдем, но без доспехов и оружия, в траурных одеждах.

— Да хоть нагишом! — вскричал король. — Только немедленно! А то я за себя не ручаюсь!

И Гиневру в одной рубашке повели к столбу, где заботливый Мордред уже все приготовил для аутодафе. Многие, подобно Гарету и Гахерису, явились к месту казни в траурных одеждах, но Мордред оставался в доспехах, и вооруженный отряд под его началом обеспечивал порядок на церемонии.

Церемония, впрочем, была сорвана в самый ответственный момент когда Мордред уже подпалил факел, вихрем налетел вдруг непредсказуемый сэр Ланселот со своими сторонниками, мечом проложил себе путь к столбу (Мордред предусмотрительно убрался в сторонку) и унес королеву на своем седле. Среди прочих пали от его руки и безоружные Гарет с Гахерисом, стоявшие у самого столба и принятые им за палачей.

Ланселот скрылся в Замке Веселой Стражи в Северном Уэльсе и укрепился там, ожидая **306**.

— Знаешь. — протянула королева задумчиво, — Артур хоть и великий король, но когда-то и он любил меня. А ревность — плохой советчик» Да еще этот ужасный Мордред его подзуживает! Кстати, поговаривают — он сын Артура. о, Господи!... от Морганы! Каково, а?! Понятно, отчего король так к нему расположен. Я уж лучше поеду с тобой.

Стоны Мордреда между тем подняли на ноги весь Камелот, и хоть многие его не любили, поведения Ланселота они также не одобряли. Немало, впрочем, было и таких, кто принял сторону Ланселота, считая, что любовь свята и с чинами не считается. И когда Ланселот с Гиневрой вышли из опочивальни, их встретили друзья, которых привел сэр Воре. А у ворот замка засели враги под гнусным руководством Мордреда, и пришлось прорываться с боем. Но меж двух сил всегда найдутся и те, кто хочет примирения. Среди них, на свою беду, бродили безоружными Гарет и Гахерис, братья сэра Гавейна, призывавшие и других последовать их примеру, сложить оружие и прекратить междоусобицу в славном товариществе Круглого Стола.

Нейтралитет — штука непростая и на спокойную голову, а уж в предутреннем сумраке да в горячке боя... Неистовый меч Ланселота сразил обоих, и первый рыцарь Логрии, не узнав о содеянном, унесся в земли Северного Уэльса, чтобы там, в укрепленном Замке Веселой Стражи, дожидаться событий **306**.

306

Остыв от гнева, Артур в душе даже поблагодарил Ланселота за предоставленное для размышлений время. Ведь под горячую руку можно было натворить много неисправимого, а теперь, на трезвую голову, все происшедшее казалось Артуру не таким уж и страшным. Он даже удивлялся, как это хватило у Ланселота выдержки прежде не выказать свою любовь. Кроме того, он винил и себя в том, что слишком много сил и времени отдавал делам государственным и мало обращал внимания на Гиневру. Артур дошел до того, что почти недоумевал: как же это королева не изменила ему раньше?!

Но если Артур готов был помириться с Ланселотом, то Гавейн теперь, напротив, жаждал его крови.

— Как крепка была прежде наша дружба, — кричал Гавейн, — так сильна теперь будет наша вражда!

— Ну, дорогой мой племянник, — пытался урезонить его поостывший Артур, — не надо так уж убиваться...

— Убивать надо! — скрипнул зубами Гавейн. — Убивать убийцу! Безоружных и беззащитных братьев моих — как скот, как снопы соломы... Не бой, а бойня!

Артур не знал, что и делать. Идти на конфликт с лучшим из оставшихся при дворе рыцарей явно не следовало, ибо тогда можно было остаться и вовсе ни с чем. Но и позволять помыкать королем А тут еще сунулся под горячую руку этот несносный Мордред и принялся что-то совсем уж несусветное плести про королеву. Раздражение Артура нашло выход, и король велел схватить Мордреда и казнить его немедля во внутреннем дворе замка, как провокатора и источник всех бед королевства.

Мордред, конечно, струхнул порядком, но вида не подал и призвал на помощь всю свою хитрость.

— Пощадите меня, о светлый король! — сказал он не жалобно, а с каким-то печальным достоинством. — Ибо, если не сделаете вы этого, страшные бедствия падут на землю логров.

Король сильно удивился, потому что со времен уснувшего Мерлина не приходилось ему слышать такого рода речей. И даже сэр Гавейн отвлекся от своего горя, чтобы послушать пророчество Мордреда.

— Вспомните, о король мой, предсказание Мерлина! — вещал между тем Мордред. — Лучший ваш рыцарь полюбил вашу королеву — а вы не защитили честь свою ни ее казнью, ни войной с ним — и что же теперь? Час славы логров, конечно, длится, но не продлится он вечно! Ибо, с одной стороны, устрашенные силой и могуществом Логрии враги перестанут нападать, рыцарям не для чего станет совершать подвиги, рыцарство захиреет в мире и покое и тихо скончается вкруг Круглого Стола. Или же, еще того хуже, рыцари станут шептаться за вашей спиной, станут высмеивать за глаза короля, отдавшего на поругание свою честь и постепенно разбредутся из-за вашего стола, преставшего быть славным, ибо честь и слава нераздельны. И великое королевство логров тихо канет в неизвестность, вместо того, чтобы достойно окончить дни свои в величайшей битве, как и подобает стране истинных и доблестных рыцарей.

И король Артур, воспламененный магией слов находчивого Мордреда, велел трубить сбор, чтобы отыскать Гиневру и пленить Ланселота. И не мог знать великий король, что словам этим загодя научила Мордреда Фея Моргана, которая хоть и не была такой могучей волшебницей, как великий Мерлин, однако брата своего, короля Артура знала куда лучше и умела бед смычка играть на разных струнах его простой и благородной души.

Пятнадцать недель длилась осада Замка Веселой Стражи, но толку из этого не вышло. Наконец, Ланселот, которому все это надоело, однажды ночью скрытно увел свое войско на побережье и оттуда уплыл за море, в Арморику, что на земле Франции. Он думал таким образом прекратить бессмыслен-

ную войну, однако под влиянием распалившихся рыцарей и особенно Гавейна Артур тоже переправился через море я осадил замок Бенвик, где поселился Ланселот.

Ланселот не успел укрепить Бенвик так же хорошо, как Замок Веселой Стражи, но не только поэтому вышел он однажды к воротам на переговоры с Артуром, ведя за собой Гиневру.

— В конце концов, — сказал Ланселот, — любовь любовью, а политика — политикой. И я предпочту потерять даже одну горячо любимую мною королеву, нежели целую родную мою страну,.

— …Тем более такую, как Логрия! — подхватил Артур, ибо в словах Ланселота услышал он отголосок и собственным мыслям.

— Так пожмем же друг другу руки и заключим мир, — продолжил Ланселот, — назло гнусным интриганам и подлым клеветникам!

И он поискал глазами сэра Мордреда, но не нашел его, ибо Мордред остался править Логрией на время отсутствия короля Артура. Зато тут как тут оказался сэр Гавейн с его неукротимой жаждой мести.

— А-а, изменник и убийца! — вскричал Гавейн с неприятной улыбкой. — Хочешь откупиться королевой? Так здесь тебе не шахматы, и эта жертва не спасет тебя от поражения моим мечом!

И сэр Гавейн, нарушая все обычаи и традиции, с обнаженным мечом кинулся на сэра Ланселота. И Ланселот был вынужден принять этот бой.

А король Артур стоял в стороне, смотрел на них и печально думал, что действительно закатывается звезда логров, если два столь доблестных рыцаря королевства сталкиваются между собой не на турнирном поединке, но в жестокой схватке, где ставкой — сама жизнь, а наградой — позор.

Впрочем, в горестных этих размышлениях не забыл он отправить за море в Камелот выручennую Гиневру. Королеве, похоже, было все равно — от военных впечатлений она как-то поблекла, поскучнела и покорно отправилась на **310**,

Сам же Артур остался стоять в осаде у Бенвика на **311**.

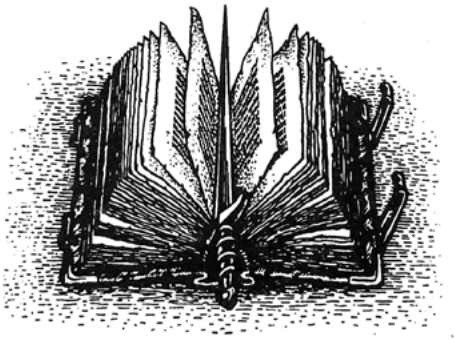

310

Между тем сэр Мордред в Британии не терял времени даром. Заручившись поддержкой большинства рыцарей, оставшихся в Логрии, он объявил короля Артура погибшим во Франции, а новым королем провозгласил себя и даже сам себя короновал в Кентерберри.

Архиепископ Кентерберийский в свое время короновал самого Артура. Он не мог смолчать, в ответ на что Мордред посулил попросту убить строптивого служителя церкви. Архиепископ, в свою очередь, проклял Мордреда и отлучил его от церкви. Престижу новоиспеченного «короля» был нанесен серьезный урон, и Мордред кинулся было исполнять свою угрозу. Но предусмотрительный старец уже был в Гластонберри, и разыскать его седую бороду и тонзуру среди простых отшельников было решительно невозможно.

Тут как раз прибыла из Франции королева Гине-вра. Мордред немедленно захватил ее, чтобы сделать своей женой и таким образом лишний раз утвердиться в королях. По счастью, и при дворе «короля» Мордреда не все разделяли официальный курс, и Гиневре удалось бежать. Из замка Тауэр, где она укрепилась с верными ей и подлинному королю людьми, королева послала гонцов к Артуру во Францию на **311**.

311

Время тянулось довольно однообразно: осада успеха не имела, и единственным развлечением были регулярные поединки сэра Гавейна и сэра Ланселота. Трижды одолевал Ланселот Гавейна и всякий раз, используя все свое искусство, не убивал, а только ранил его. Гавейн излечивался от ран, но не от безумной ярости своей, и всякий раз кричал в лицо Ланселоту:

— Смерти Гарета и Гахериса я не прощу никогда и буду биться, покуда один из нас не смешается с прахом земным!

Очередная рана Гавейна только поджила, когда появился гонец от Гиневры и рассказал о бесчестных притязаниях Мордреда на логрский трон и на самою королеву. Разгневанный Артур тут же снял осаду Бенвика и морем вернулся в Британию. Но Мордред встретил его у самого Дувра, и прямо с кораблей рыцари Артура вступили

в ужаснейшую битву. Все же рыцари под началом короля оказались сильнее, и Мордред со своим войском отступил за холмы.

Сэр Гавейн во время битвы был поражен прямо в одну из ран, нанесенных ему Ланселотом, и когда Артур обнаружил своего племянника на поле боя, благородный сэр Гавейн уже умирал.

— Поистине угасает рыцарство Логрии, — со слезами на глазах сказал Артур, преклоняя колено перед одним из достойнейших своих рыцарей. — Те, кого я любил, покидают меня: один удалился за море, и вот другой уходит еще дальше...

— Не пришлось бы мне уходить ныне, — с трудом промолвил сэр Гавейн, — кабы я в безумной своей гордыне и гневе не вынудил Ланселота расстаться с нами. Вместе мы были несокрушимы, как скала, порознь же рассыпаемся в песок...

И густеющей кровью своей написал сэр Гавейн последнее послание сэру Ланселоту: «Я жаждал вашей крови -так пусть же моя кровь соединит нас. Не ради себя и не ради короля Артура, но ради судьбы самого королевства Логрии прошу я вас, о Ланселот, цвет благородного рыцарства, лучшего воина из всех, вернуться на землю Британии прежде, чем коварный мятежник Мордред соберет свежие силы. Нам уже не свидеться с вами, и потому — простите меня на пороге похода, из которого не возвращаются. Простите — и прощайте, друг и брат мой, благородный Ланселот...»

Тут кровь иссякла в жилах Гавейна, и король всю ночь плакал у его тела, и горькие цветы полыни распустились там, где упали слезы мужественнейшего из королей.

А через несколько дней Артур со своим войском настиг мятежного Мордреда почти в тех же местах, где некогда сам он получил свой меч Экскалибур из рук Владычицы озера. Где уговорами, где посулами, а где и угрозами собрал Мордред немалое число вооруженных людей, и теперь стоял в долине Камланна, готовясь к великому сражению.

Готовился и Артур — вернее сказать, он готовил дух свой. Исполнялось пророчество Мерлина, и наступал час последней битвы для рыцарства Логрии, и самому ему суждено было пасть в этом бою. И в тот час, когда ночь уступает утру, а сны мешаются с явью, привиделось вдруг Артуру, что сэр Гавейн, погребенный в Дуврском замке, явился к нему со свитой прекрасных дам.

— Рад видеть вас живым, любезный племянник, -сказал король Артур взволнованно (а может, только зарыдал во сне). — Что привело вас ко мне в этот час и в таком окружении?

— Господин мой король, — ответствовал ему Гавейн — или только ветер прошелестел в траве. — При жизни сражался я за обиды этих леди, и теперь они, воздавая добром за доброе, привели меня к вам, и последнюю свою службу сослужу я вам ныне. Если сражение состоится сегодня, погибнут в нем почти все ваши рыцари, и вы с сэром Мордредом падете также. Но если на любых условиях сможете вы заключить с Мордредом на месяц перемирие, за это время явится к вам на помощь Ланселот со своими рыцарями, и вместе вы сокрушите силу Мордреда, как прежде сокрушали врагов и посильнее.

И сэр Гавейн исчез, не прощаясь, как тонкий туман на восходе солнца. А король Артур поднялся со своего ложа в глубокой задумчивости. Он хорошо знал, что судьбу не обманешь, но знал столь же хорошо и то, что часто считают за исполнение предсказанного случайное стечение обстоятельств и тем оправдывают свою бездеятельность и уныние. И король Артур...

...Внял совету Гавейна, из-за чего произошла **314**.

— Не внял совету, и оттого оказался со своим войском на **318**.

314

Король Артур призвал к себе сэра Лукана и сэра Бедивера, велел им отправляться на переговоры к сэру Мордреду и заключить с ним перемирие на любых условиях,

— Предлагайте ему сокровища казны, земли всей Европы, сулите этому негодяю рай земной, но только вырвите мне у него месяц перемирия! — так напутствовал своих послов король Артур.

Но рыцари повиновались с такою явной неохотой, что Артур вынужден был рассказать им о своем видении.

— Кое-кто скажет, конечно. «Да мало ли что может привидеться! Из-за всякого сна теперь и не воевать?!» Но я знаю, что для вас, как и для меня самого, слово сэра Гавейна, хотя бы и не наяву, значит много. И если его подняли из могилы, чтобы донести до меня весть — значит, дело тут не о пустяках.

Серьезность миссии своей рыцари, как видно, прочувствовали, потому что всего лишь за полдня выторговали они у Мордреда месячное перемирие в обмен на Корнуэлл и Кент сейчас и остальную Британию — после смерти Артура.

— Посмотрим, кто кого переживет! — сказал Артур, потому что в связи с предсказанием Гавейна на сей счет у короля появились свои планы.

Переговоры на уровне послов должны теперь были получить законную силу при встрече глав воюющих сторон. Решено было, что для этого встретятся Артур и Мордред между двумя дружинами, каждый в сопровождении только четырнадцати рыцарей.

И то, что сказал по этому поводу Артур, указано на **315**, а слова Мордреда содержит **316**.

И, молвил король Артур перед своими рыцарями:

— Не слишком доверяю я словам Мордреда. Предавший однажды ненадежен. И если увидите вы, что хоть один из его людей обнажит клинок, сразу же нападайте и убейте предателя, не дожидаясь пока он нас прикончит.

И в таком-то вот настроении вывел он своих людей к **317**.

Сэр Мордред к своему войску обратился с такою речью:

— Если только блеснет где-то обнаженный меч, не ждите более никаких сигналов и указаний, а нападайте и убивайте всех без пощады! Этот Артур только и думает, как бы отомстить мне, и верить такому человеку нельзя совершенно ни в чем.

С этаким напутствием и вышел Мордред со свитой к **317**.

317

Два рыцаря, два короля, два родственника, два врага встретились, как уговаривались, и записали все условия достигнутого перемирия в золоченые пергамента, и скрепили своими подписями и отпечатками перстней, а в честь свершившегося выпили старого доброго вина. Но как раз в это время выползла из зарослей вереска змея -как тут не вспомнить коварного змея-искусителя? — и ужалила одного из рыцарей Мордреда в пятку — сквозь щель в доспехах. А рыцарь — человек боя, и все привычки у него выработаны для схваток. И реакция на разные события, увы, однозначная — машинально выхватил рыцарь привычный меч и зарубил гадину.

И меч этот сверкнул на солнце так, как никогда не сиял и сам Экскалибур, кованный эльфами в Аваллоне. И оба войска, подчиняясь данным заранее приказам, с шумом ринулись друг на друга. И король Артур с воплем отчаяния вскочил в седло и помчался навстречу Мордреду — в самую гущу битвы на **318**.

Ни прежде, ни потом не было ни в одной христианской земле битвы печальней и ужаснее. С криками налетали друг на друга воины, с грохотом и лязгом сталкивались их доспехи, с ржанием, похожим на рык хищников, били и топтали друг друга их кони. И получивший один удар уже не мог подняться, а получивший два — испускал дух, и новые воины бросались на врага, ступая по телам павших. Король Артур превзошел свою былую славу и был поистине непобедим, и даже сэр Мордред бился, не отступая ни на шаг, и показал себя бойцом из числа первых.

Солнце переваляло полдень и склонилось к закату, и постепенно стихли звуки боя над полем, ибо некому уже стало греметь доспехами и звенеть мечами: от всего войска короля Артура остались лишь он сам да еще доверенные послы его сэр Лукан и сэр Бедивер. Но и они, израненные, едва держались на ногах.

— Проклятый Мерлин! — вскричал Артур со слезами на глазах. — Видишь, не сбылось твое пророчество: погибло рыцарство Логрии, а король Артур все еще жив — себе на горе! Отчего не убил меня когда-то сэр Громер Сомер Жур? Почему не сразил наповал король Пелинор? Зачем нужно было мне доживать до такого скорбного дня?!

— Чтобы встретиться здесь со мною! — разнесся вдруг над полем жуткий скрежещущий голос, и король Артур, оглядевшись, увидел невдалеке сэра Мордреда. Несостоявшийся король Логрии стоял, опираясь на меч, меж грудами мертвых тел.

— Не годится осквернять славный Экскалибур об эту мерзость в образе человеческом! — сказал король

Артур. — Подайте-ка мне вон то копье, сэр Лукан — оно еще как будто цело и пригодно, чтобы покарать предателя, навлекшего тлен и разрушение на нашу страну.

— А может, ну его? — сказал нерешительно сэр Лукан. — Вспомните предостережение сэра Гавейна: вы останетесь живы, если переживете сегодняшнюю битву, или падете вместе с Мордредом. Вы уж поберегите себя...

— Для чего?! — вскричал Артур громовым голосом. -Для чего жить королю, чье королевство лишилось славы и защиты и обречено теперь пасть под копыта чужих коней?

— Для истории, о господин мой король, — смиренно промолвил сэр Бедивер. — Вы ведь уже не принадлежите себе, вы — почти легенда, вы должны оставаться жить...

— И дать уйти этому негодяю?! — захохотал Артур. — Плохо же вы знаете своего короля! Пусть каждый получит то, что заслужил — а легенды о нас сложат потом и когда-нибудь споют баллады!

— Помоги вам бог! — с чувством сказал сэр Бедивер, а сэр Лукан, напрягая последние силы, поднял и подал копье своему королю.

— Конечно, без коней что за бой...- вздохнул Артур, ибо рыцарские кони, эти честные и преданные бойцы, лежали на поле боя вперемешку со своими хозяевами и врагами. Король перехватил копье поудобнее и шагнул вперед. — Иди, подлец, навстречу своей смерти!

И Мордред двинулся навстречу Артуру, поднимая обнаженный меч. Король сделал шаг, другой и вдруг, чуть шевельнув копьем, вогнал острие под щит и пронзил сэра Мордреда насквозь. Он коротко засмеялся своему удачному удару, но тут Мордред, почуяв смертный холод раны, яростно рванулся вперед, еще глубже насаживаясь на королевское копье, отбросил бесполезный уже щит и обеими руками обрушил свой меч на голову Артура. Клинок рассек шлем, глубоко вошел в голову, и рядом упали на груду тел король и предатель.

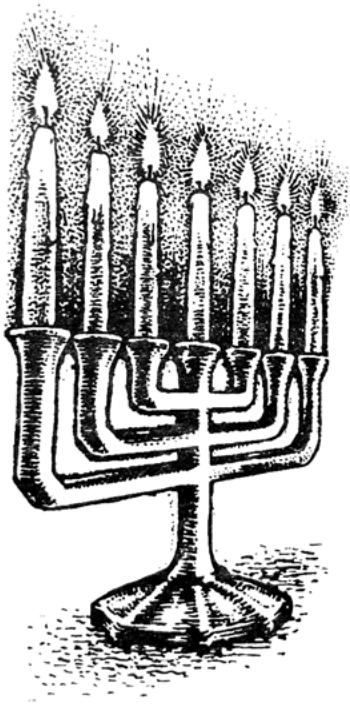

MCMXC

Сэр Лукан и сэр Бедивер, собрав остатки сил, подняли тело короля и понесли в маленькую часовню на берегу странного, бескрайнего, похожего на море озера. И в тумане, окрашенном закатными лучами в цвет крови, упал и умер на пороге часовни сэр Лукан, ибо раны доконали его.

Тут Артур очнулся и сказал сэру Бедиверу, с трудом отыскав взором его фигуру в подступающих сумерках:

— Время мое на исходе, и хоть негоже утруждать человека с такими ранами, как у вас, все же прошу я вас вернуть один мой давний долг. Этот славный меч Экскалибур отнесите вон на ту гору и бросьте в темное озеро, что прячется в ущелье. И поторопитесь, чтобы успеть вернуться, пока я жив.

И сэр Бедивер взял меч и пошел, как ему было указано, на **322**.

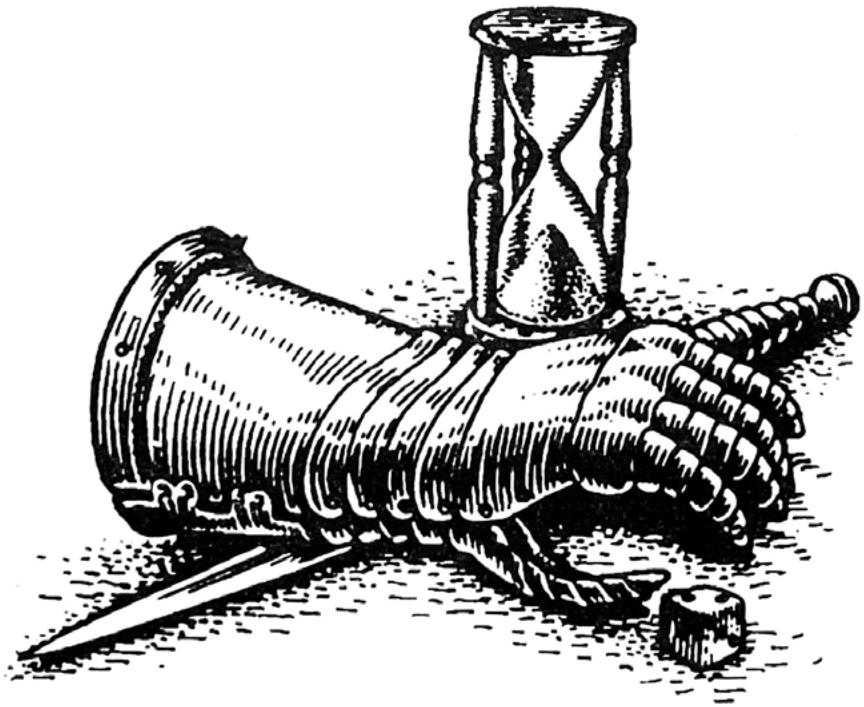

322

Сэр Бедивер шагал, размышляя о словах короля и этом диковинном и прекрасном мече с рукоятью, отделанной драгоценными камнями, и удивительным сияющим лезвием. Сомнения раздирали его чем дальше, тем сильнее, и на берегу темного озера в мрачном ущелье сэр Бедивер решил, что...

— Такой замечательный меч топить просто жалко и глупо (**323**).

...Несмотря на достоинства меча, воля умирающего короля священна и должна быть выполнена (**324**).

323

Сэр Бедивер не стал бросать меч Экскалибур в озеро, а спрятал его в камышах у берега и поспешил назад.

— Король Артур — не последний рыцарь на свете, — сказал сэр Бедивер себе, — и совершенно незачем вместе с ним хоронить и все рыцарское снаряжение. Кое-кому оно еще очень может пригодиться!

Он вернулся и сказал Артуру, что бросил меч в озеро.

— И что же произошло? — спросил Артур.

— Да ничего особенного, — как можно беспечнее ответил рыцарь, — только круги пошли.

— Обидно в моем положении выслушивать ложь от человека в вашем положении, — вздохнул король. — И хоть воспитывать мне вас поздно, да и некогда, ибо промедление грозит мне гибелью и тело мое холодеет, все же вернитесь на **322** и поступите, как полагается честному рыцарю Круглого Стола. А не то потомки вычеркнут вас из легенд и не помянут в балладах!

И сэр Бедивер, поплелся, куда послали, недоумевая: и как же это умирающий Артур смог за ним подсмотреть?

324

Сэр Бедивер взял меч, подошел к самой кромке темных вод, размахнулся и со стоном душевным и скрежетом зубовным зашвырнул сияющий клинок как мог далеко в озеро. Навстречу его сверкающему полету поднялась из темных глубин таинственная и чудесная рука в ослепительной белой парче и легко поймала меч за рукоять. Трижды взмахнула рука мечом так, что лезвие прошелестело над самой водой, как бы отсекая серебристые полосы тумана, и исчезла в глубине словно бы со сдавленным стоном.

Сэр Бедивер очнулся и заторопился вниз, потому что тени почернели и земля захолодала даже здесь, на горе, а ведь раненный король лежал внизу, в долине...

Артура сэр Бедивер застал ослабевшим, но живым и рассказал ему все, что видел на озере.

— Вы сказали правду, — кивнул на это король и поморщился от боли в ране, — только, боюсь, не слишком ля дорого обойдутся мне ваши сомнения...

Сэр Бедивер осторожно приподнял короля, и вместе спустились они по травянистому склону, сверкавшему в каплях вечерней росы. И когда подошли они к берегу таинственного моря, из посветлевшего тумана выплыла чудесная барка, и было в ней много прекрасных леди, одетых в строгое и черное. Сэр Бедивер отнес Артура на барку, и к королю подошли леди Нимейя, Леди Озера и королева Фея Моргана, сестра Артура. Втроем уложили они короля так, чтобы голова его покоилась на коленях Леди острова Аваллон. И фея Моргана, опустившись подле него на колени, воскликнула с плачем:

— О бедный милый брат мой, отчего же вы так медлили?

Сэр Бедивер, устыдившись, тихонько сошел на берег, и тут барка как бы сама собою двинулась вглубь озера. Сэр Бедивер, устрашившись, закричал от горя и досады, и ответом ему был тихий голос Артура:

— Вы остаетесь, чтобы донести мои слова до тех, кто жив и помнит славу Логрии. Сейчас ждут меня долины Аваллона, но когда-нибудь не скоро, когда вновь призовет меня Британия к своей судьбе, я явлюсь снова — и королевство логров восстанет из мрака веков. Надо лишь верить, ждать и надеяться...

Голос Артура вместе с баркой растворился в тумане, и лишь горестный плач многих леди еще слышен был над водой, но и он затихал постепенно, сливаясь с шепотом прибрежного камыша и оставляя нас одних на печальной и пустынной **326**...

326

ердцем расслышав из-за моря посмертный призыв сэра Гавейна, сэр Ланселот, высадился в Дувре и пытался что-нибудь разузнать о короле Артуре и его рыцарях. Но о короле здесь не слышали ничего с тех пор, как он около месяца назад выступил с войском на запад. А в Дуврском замке Ланселоту показали могилу сэра Гавейна, и рыцарь провел перед ней ночь в горестной молитве об утраченном друге — и словно слышал сквозь толщу камня слова последнего его послания с невозвратного пути...

Ланселот оставил командовать войском своего кузена сэра Ворса, а сам в одиночку помчался на запад. Через неделю в Алмсбери он попросил приюта в большом монастыре. Монахиня, которую он встретил у порога комнаты для гостей, при виде его вскрикнула и упала в обморок, и Ланселот с изумлением узнал в ней королеву Гиневру!

Многое рассказала она ему в тот вечер — о роковой битве в долине Камланна и об отплытии израненного Артура в неизвестные земли Аваллона. Обо всем этом поведал ей сэр Бедивер, направляясь в аббатство Гластонберри, где намеревался до конца дней своих оставаться монахом.

— Любовь, одна только наша любовь повинна в гибели Логрии, — горестно повторяла Гиневра. -Своим грехом разрушили и отняли мы счастье и жизни многих. Оттого-то и обрекла я себя на заточение в этих стенах, что надеюсь вымолить прощение за то страшное и беззаконное, что содеяно нами...

— Верный рыцарь не оставит даму в беде и трудности, — улыбнулся печально Ланселот. — И если не в моих силах вызволить вас отсюда, то у меня достанет воли выдержать обет не менее суровый, чем ваш.

Прощаясь на пороге монастыря, они уже безо всякого Мерлина знали, что больше не встретиться им в этом мире. И Ланселот, по-рыцарски верный своему обещанию, удалился в Гластонберри, где встретил глубокого старца — архиепископа Кентерберийского и сэра Бедивера, ставшего монахом. Там же впоследствии нашел приют и сэр Боре, отправивший назад во Францию свое войско: новый король Британии Константин был не чета Артуру и не мог охранить от саксов обширные земли прежней Британии.

В молитвах и постах забывались звучные имена, стирались события и повита, и порой Ланселоту казалось, что все это происходило когда-то не с ним, а с кем-то другим, кто и был на деле лучшим, благороднейшим и достойнейшим из рыцарей мира. Даже собственное имя стало стираться из памяти...

Но однажды ночью оно прозвучало набатом: Ланселоту приснилось или привиделось, что Гиневра, умирая, зовет его. Стремительно, как когда-то в молодости, примчался он в Алмсбери — и опоздал: тихо отошла Гиневра той ночью.

Ланселот сам отслужил по ней заупокойную службу и сам опустил свою королеву в глубокую могилу, что вырыл для нее подле высокого алтаря.

А через несколько недель и сам он так же тихо угас, как человек, утративший желание жить.

Хоронили Ланселота последние оставшиеся в живых рыцари дружины Круглого Стола — сэр Эктор де Марис, сэр Боре де Ганис, сэр Бламур Болотный и сэр Блеоберис. Много чистых и хороших слов произнесли они над гробом, а затем отправились паломниками в Святую Землю и там окончили дни свои.

Так вот печально и завершилась история королевства логров и тех, кто жил и сражался во славу Бога и во исполнение Его воли на земле — ибо очень скоро язычники саксы завоевали Британию, и на весь западный мир опустились Темные Века.

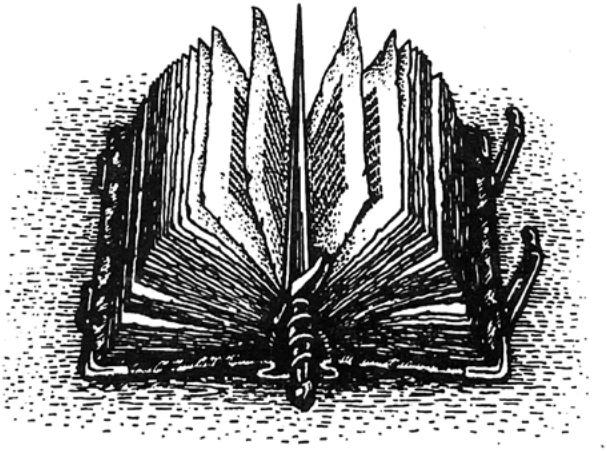
Но все же не переставали ходить в народе разные слухи о рыцарях Круглого Стола. И если ты, читатель, прислушиваешься к слухам хоть иногда, хоть вполуха — загляни на **329**. Если же всегда и решительно отвергаешь ты их, как бесполезный вздор — для тебя приготовлена **332**.

И ты прав, ибо ничто не рождается из ничего, и в основе самого вздорного вымысла всегда лежит крупица истины — надо ее только разглядеть в ворохах искажений и загогулинах истолкований.

Вот, например, одно время упорнейше циркулировал слух о смерти Артура — и действительно, около 1200 года монахами Гластонберри найдены были будто бы его кости. Покоились они в каменном гробу близ останков королевы Гиневры, а под гробом был камень с врезанным свинцовым крестом я надписью по-латыни: «Здесь, на острове Аваллон, лежит король Артур с Гиневрой, его женою.» Кости, как рассказывают, были куда крупнее скелета обычного человека, и были еще всякие другие знаки и чудеса, доказывающие, что эта могила — Артурова.

И в это можно верить, как в факт, отправляясь на **330**, но можно так же продолжать ждать и надеяться до **331**.

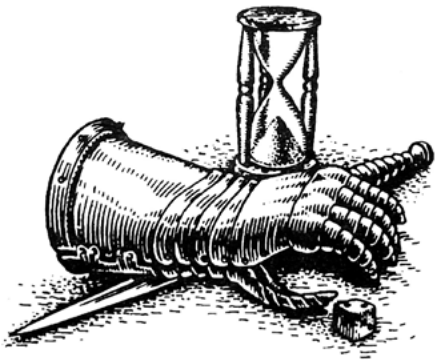
Увы! Воистину, погибло рыцарство на земле, если люди, отчаявшись, перестали

ВЕРИТЬ, ЖДАТЬ И НАДЕЯТЬСЯ.

Тогда и вправду следует считать, что не было никогда короля Артура, и Круглый Стол, придуманный великими волшебником Мерлином, не сбирал вкруг себя лучших рыцарей, да и сама Логрия никогда не занимала места на карте мира, а была всего лишь измышлена досужим бардом для развлечения скучающих баронов, в жизни не помышлявших о чести, славе и рыцарском достоинстве.

И раз уж это — увы и увы! — так, то закрой эту книгу, о бывший наш читатель, ибо нечего делать в Игре тому, кто не способен поверить в великое и могучее «*Если...*» и доверяет чужому авторитету больше, чем собственному воображению. Закрой эту книгу и поставь ее на дальнюю полку, ибо сам ты лучше всякого Мерлина предопределил книге, игре и рыцарству в твоей жизни столь грустный и бесславный

КОНЕЦ

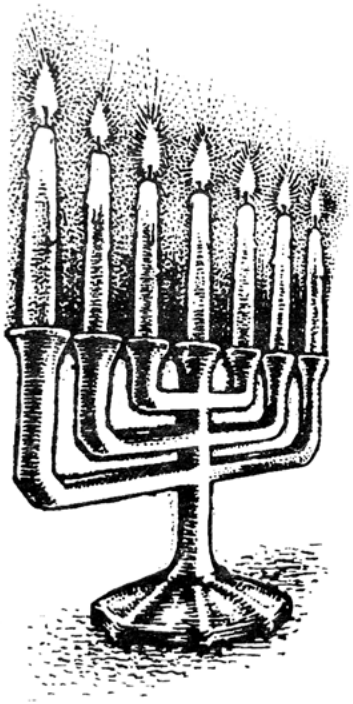

331

Верить можно в разное — например, в то, что могила-то не Артура, а вовсе Ланселота! И именно прах великого рыцаря откопали монахи в царствование знаменитого Ричарда Львиное Сердце и захоронили его вновь — с королевскими почестями и во мраморном гробу.

Надо думать, историю с костями Артура придумали сами монахи — они ведь от веку городили всякие чудеса, чтобы поднять престиж своего монастыря. Да и тогдашнему норманнскому королю Англии вряд ли могла прийтись по душе вера в легендарного короля — рыцаря и героя, который однажды вернется и освободит свой народ от новых господ

А если надежда не умерла еще в нашем сердце — оживим ее на **332**!

332

Вовсе не безысходность жизни рождает легенду, и отнюдь не беспощадная, окончательная ясность бесспорного факта зовет к жизни сказку. Их мать — надежда на лучшее, детская вера в чудо, мечта о невероятном, несбыточном, недостижимом... и все же возможном, нужном, жизненно необходимом.

И ходит, живет, будоражит надежду и воображение легенда гор Уэльса.

...Будто бы встретился одному пастуху в таинственных издревле землях Гвинеда некий человек, загадочный и странный, древний, как горы, и добрый, как сказочник.

— Там, где рос твой посох, — сказал (будто бы) он, указывая на ореховую палку в руках пастуха, — укрыты сокровища несметные.

Сказал — и исчез, напугав пастуха.

Но вскоре, отыскивая затерявшуюся овцу, на краю небольшой долины узнал пастух то дерево, из которого вырезал когда-то себе посох.

И через лаз под корнями дерева попал пастух в большую и темную пещеру. Зажег он свечу, что всегда носил с собой, и увидел: большим кругом лежали в пещере спящие воины в старинных доспехах и с мечами в ножнах, а на ложе посреди пещеры возлежал старый король в сияющей короне и со сверкающим мечом в руке.

На крестообразной рукояти королевского меча светились драгоценные камни, а по всей пещере возвышались груды золота и серебра.

В изумлении попятился пастух, ненароком задел большой колокол, висевший при входе в пещеру — и низкий, глубокий звук его заполнил пещеру, а старый король, пробудившись ото сна, сел на своем ложе.

— Пришел ли день? — спросил негромко, но требовательно, и пастух по какому-то наитию закричал в страхе:

— Нет, нет, не пришел! Не тревожьтесь, продолжайте спать!

— Ну что ж, значит, еще придет, — молвил на это король. — День придет, когда мы встанем и принесем победу народу Британии. А сейчас бери себе, что хочешь, и сразу же уходи. Ибо опасно будить без дела и не ко времени лучших рыцарей из тех, что знал свет... Король вновь смежил веки, а пастух взял золота и серебра, сколько мог унести, и кинулся вон из пещеры.

И странное дело — сколько не искал он потом, но никак не мог уже найти под орешником в долине Аваллона хода в пещеру, где спит славный король Артур и рыцари Круглого Стола, дожидаясь того часа, когда обычаи благородного рыцарства вновь воскреснут на земле Британии и она снова станет землей мира и праведности.

Но, может быть, недоступное пастуху — удастся тебе?

И, может быть, некогда-однажды, спокойным скучным вечером взбурлит вдруг отчего-то твоя кровь, и ты отыщешь на полке среди любимых книг этот томик — и над полями Аваллона разнесется призывный трубный глас, и спящие герои восстанут ото сна, как когда-то, как прежде, как встарь — и тогда ты узнаешь, что на **13** начало свою историю благородное рыцарство Логрии...

И НЕТ ЕМУ

КОНЦА!...

ПРИЛОЖЕНИЕ

для любознательного читателя

КНИГА ИЛИ ИГРА?

Изобрел книгу-игру, конечно... читатель — тот, кому не хотелось расставаться с любимыми героями и кто все жаждал продолжения приключений. Именно ему, этому вдохновенному энтузиасту, казалось: прочитай еще раз, и все переменится — подоспеет помощь, и рассеется тьма, и герой останется жив, и совершит еще множество удивительных подвигов.

Чисто литературный же приоритет принадлежит здесь, как ни странно, родному нашему отечеству. Вспомним три поездки былинного Илью Муромца. Добравшись до сюжетной развилки у камня на распутье, доблестный богатырь не поленился исследовать все три возможности я составить собственный, совершенно оригинальный сюжет. Что и зафиксировал на том же камне: «Налево ездил — убит не бывал...»

В большой литературе нового времени подобным вариативным сюжетосложением занимались, например, Джек Лондон («Дороги судьбы») и Джон Боулз («Женщина французского лейтенанта»).

Собственно же книги-игры на европейском рынке появились в самом начале 70-х годов нашего века. Новый тип издания имел определенную связь с бумом популярности компьютерных игр и был своеобразной попыткой перенести «блочную» структуру сюжета компьютерной программы на книжную страницу.

Сегодня за рубежом книги-игры печатают несколько специализированных издательств, и счет выпусков уже идет на десятки. Сложилась уже и определенная специфика. Так,

британский «Puffin» работает в основном для детей, выпуская множество гейм-буков с весьма разветвленным сюжетом, но практически с одними типизированными правилами; американская фирма «TSR» удовлетворяет интересы самой широкой аудитории — от младших школьников до пожилых людей; «TOR» известна своей серией «Cross-Roads», каждый из выпусков которой построен на творчестве определенного известного писателя.

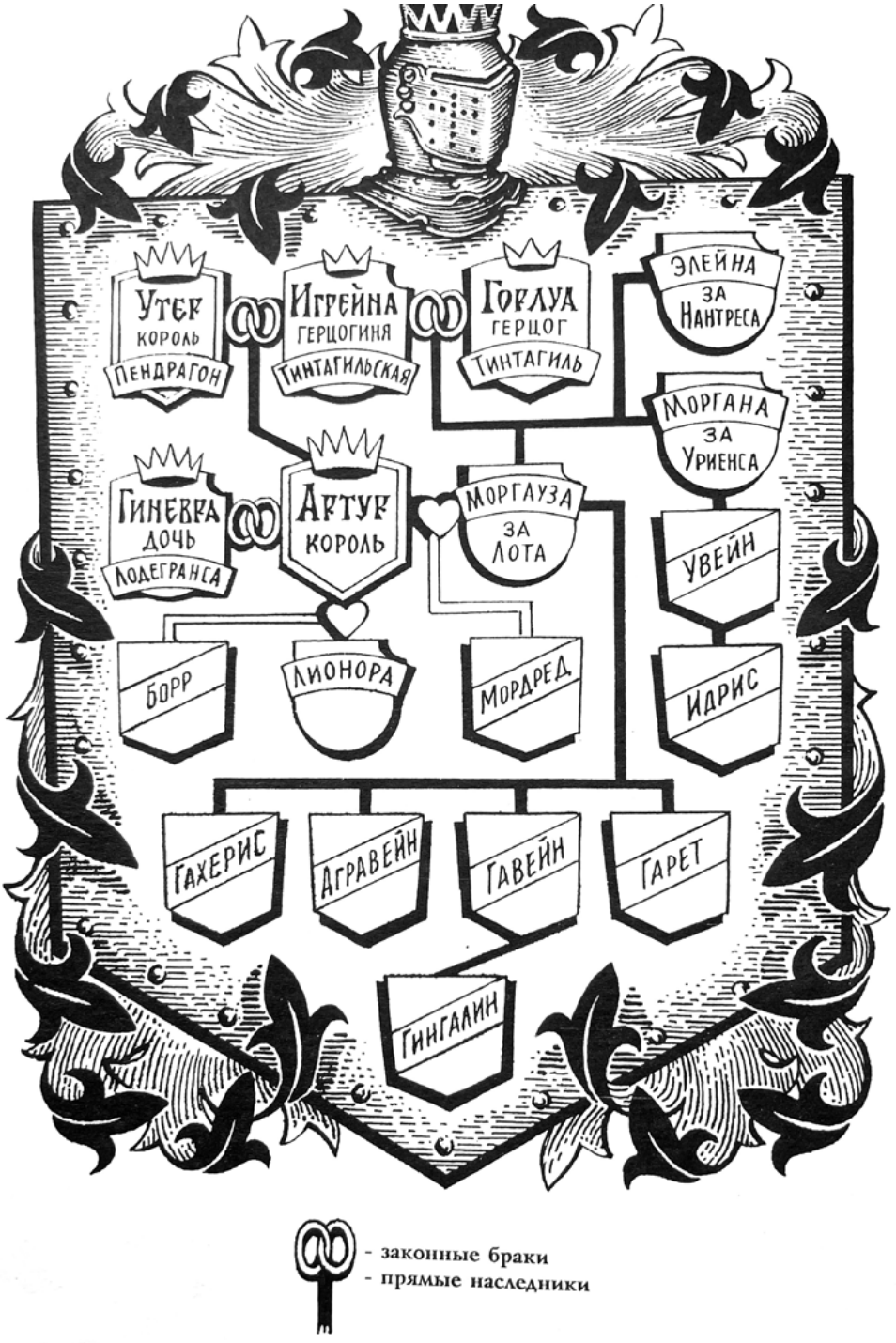
На книжных полках нашей страны издания подобного рода только появляются и пока еще ищут свою аудиторию, А читатель, как известно, прежде всего снимает с полки книгу, а уж потом, возможно, вступает в игру.

Современный западный гейм-бук — скорее инструкция к игре, чем литературное описание приключений героя. Там авторы больше уделяют внимания тому, что происходит, а не как описано развитие событий. И такой принцип тоже имеет право на существование, но только — когда уже сложилась аудитория, когда есть свой читатель, поднаторевший уже в добром десятке вариативных сюжетов, и налажен ритмичный массовый выпуск все новых и новых гейм-буков.

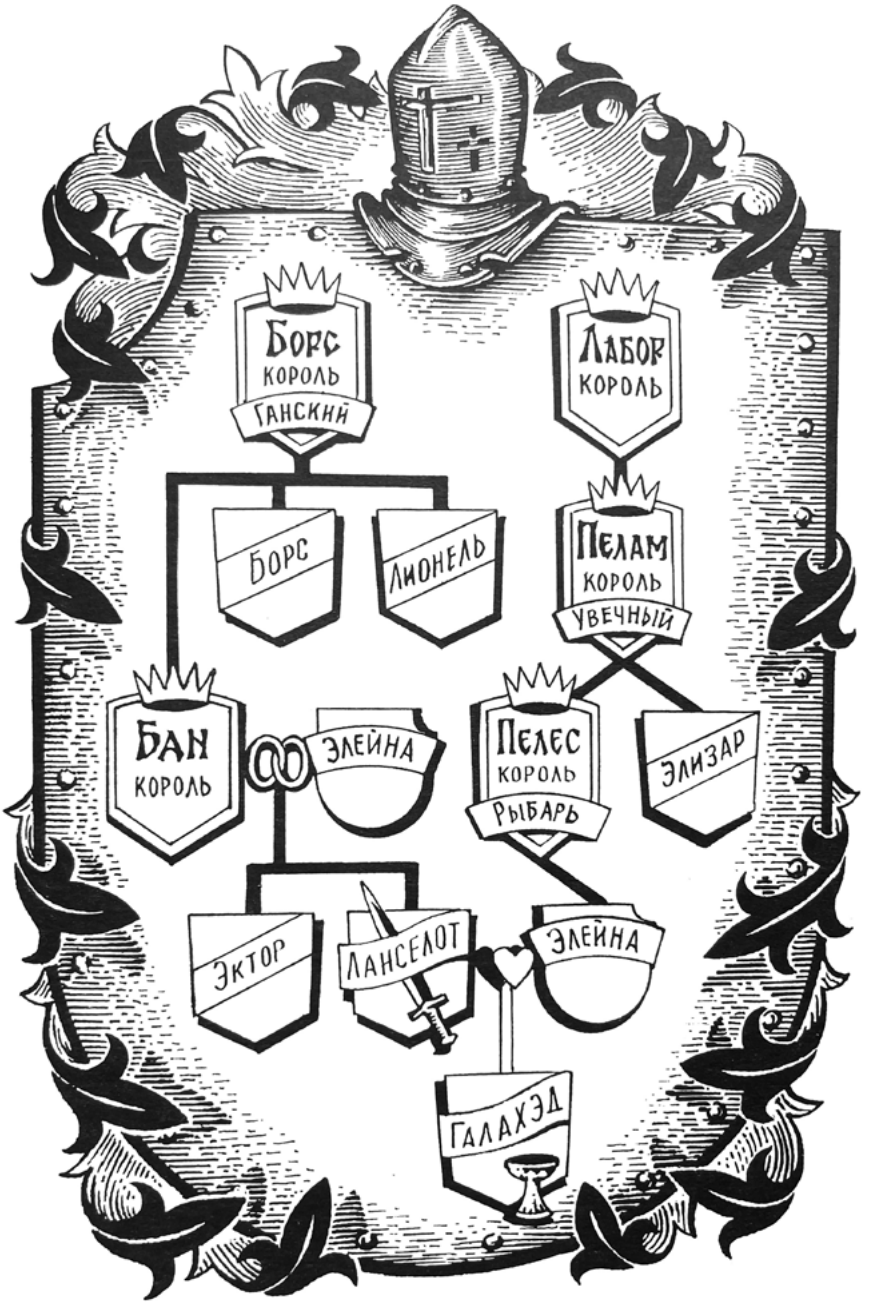
Наше издание — особое в него можно не только играть — его можно и читать. Пусть не все эпизоды подряд складываются в связное повествование (с сюжетом мы все-таки играем), но каждый эпизод сам по себе — это, по крайней мере, претензия на литературу, а не просто инструкция по сборке сюжетной конструкции.

Конечно, то, что написано в эпизодах — вовсе не классический рыцарский роман. Сегодня читать в оригинале творения пятисотлетней давности иногда трудно, часто непонятно, а оттого порой и скучно. Поэтому наши герои подчас ведут себя довольно современно, невзирая на почтенный возраст, и в том нет особого греха против исторической истины: за полторы тысячи лет сам человек изменился куда меньше, чем описывающая его литература.

Не обошлось, разумеется, и без того, чтобы присочинить от себя и кое-что такое, чего не найти в традиционных записях английских народных баллад. Мы искренне полагаем, что длинная дорога — в жизни и в литературе — суждена только настоящим рыцарям, а потому и вели дело таким образом, чтобы выживали только лучшие представители этого славного бродячего племени. Да ты и сам уже, наверное, заметил, читатель: если на страницах-дорогах нашей книги-игры вел ты себя, как подобало рыцарю, то и приключения твои по духу и обстоятельствам оставались вполне рыцарскими. Если же питался ты вести себя недостойно либо вообще хулигански, то и заносило тебя соответственно в такие места, которых не пожелала бы Артурову рыцарю даже Фея Моргана, и странствия твои — по заслугам -оказывались недолгими я бесславными. И так будет всегда — во всяком случае, в той серия гейм-буков, начало которой, возможно, положит эта книга-игра.

- законные браки
- прямые наследники

- внебрачные связи
- незаконнорожденные дети

ОБ ИМЕНАХ, РОДОСЛОВНЫХ И ПРОЧЕЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

Не спорят разве что об имени одного только короля Артура. Остальные же пишут и произносят, кто во что горазд.

Трудно сказать, как звучали в давние времена многие знаменитые ныне имена: Галахад или Галахэд, Гавейн или Гоуэн, Нимейя, Нимуйе или Нимье? Ланселота — и того ведь иной раз назовут на германский манер Ланцелотом, а Лионель сегодня определенно стал бы Лайонелом. И саму прекрасную королеву Гиневру в разных книгах именуют то Джиневрой, а то и Гвиневерой. Но тут героям Артурова Цикла, пожалуй, еще повезло -предлагали же ретивые языковеды окрестить вальтерскоттовского Айвенго «более Правильным» имечком «Иванхоэ»!..

А иногда похоже звучат совсем разные имена, и оттого происходит порой немалая путаница. Скажем, согласно «подлинному» генеалогическому древу Артура, составленному по знаменитому роману Томас Мэллори «Смерть Артура», Злой Рыцарь Мордред зачат был в кровосмесительной связи Артура со своею единоутробной сестрой -однако вовсе не Феей Морганой, а Моргаузой! Но барды-песнопевцы собрали воедино все пороки и к любострастию Моргазузы добавили черную магию Морганы — и тут, пожалуй, вольное творчество баллады оказалось жизнеподобнее строгой наука летописи.

Впрочем, не таким уж скопищем пороков была Моргауза: среди ее сыновей — почти все лучшие рыцари Логрии, за исключением разве что Ланселота и Галахэда (см. родословные древа).

И, наконец — о геральдике. Встречающаяся иногда в иллюстрациях пятиконечная звезда — вовсе не дань отечественной истории, а довольно древний символ логров,

известный в каббалистике как пентакль и означающий обычно Человека (а будучи перевернутым — противостоящего Человеку Дьявола).

Если же тебе, читатель, особенно полюбилась какая-нибудь одна из историй Артурова цикла, то вот к твоим услугам наш

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

по книге-игре «Меч и Судьба»

˅ История, страстной любви короля Утера Педрагона к леди Игрейне **7**

˅ Повесть о великом короле Логрии Артуре **13**

˅ Первое приключение Рыцарей Круглого Стола **43**

˅ Соперничество волшебниц леди Нимейи и Феи Морганы **83**

˅ История сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря **106**

˅ Подвиги отважного рыцаря Ланселота Озерного **128**

˅ Странствия сэра Гарета, или Рыцаря Кухни **178**

˅ Благородный сэр Гавейн и странная леди Рагнелл **219**

˅ Час великой славы королевства логров **248**

˅ Отважный, рыцарь Ланселот и прекрасная королева Гиневра **268**

˅ Плачевная повесть о смерти короля Артура поведана на **311**

Уважаемый игро-читатель!

Мы надеемся, что данная книга-игра понравилась, и вам удалось хорошо провести время.

Пожалуйста, оставьте оценку произведению и/или заполните простую анкету на странице произведения в каталоге книг-игр на русском языке:

https://quest-book.ru/directory/

Подпишитесь на новости из мира интерактивной литературы в Telegram, там же сможете игро-читать сторигеймы — да-да, «без регистраций, реклам и смс»:

https://t.me/gamebooks

Будем благодарны за любые отзывы о произведении или своём игровом опыте, которые можно оставить в соцсети ВКонтакте:

https://vk.com/questbookru

и на сайте «КвестБук» в разделе «Форум».

https://quest-book.ru

КВЕСТ БУК

Динамика букв. Философия игр.